СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXVI, № 4.

П. Тихановъ

БРЯНСКІЙ ГОВОРЪ

ЗАМѢТКИ ИЗЪ ОБЛАСТИ РУССКОЙ ЭТНОЛОГІИ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
1904

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Май 1904 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Авторъ настоящихъ замѣтокъ, уроженецъ города Брянска, помимо своего знакомства съ мѣстнымъ говоромъ путемъ устныхъ сношеній съ народомъ, взялъ въ подкрѣпленіе себѣ еще слѣдующія письменныя свидѣтельства:

Сборникъ рождественскихъ ра́цій (около семисотъ нумеровъ), записанныхъ въ ближайшее къ намъ время дѣтьми низшихъ училищъ Брянска (послѣдняя запись относится къ февралю 1897 года). Отговорную Книжку Егора Зайцова, составленную въ 1857 году [напечатана въ Брянскомъ Вѣстникѣ 1896 года (49—51) и помѣщена въ приложеніи къ сему очерку]; и Архивъ старыхъ дѣлъ брянскаго нижняго земскаго суда за нѣсколько лѣтъ второй половины XVIII и начала XIX вѣка: при выдержкахъ оттуда, первая цифра означаетъ годъ, вторая нумеръ дѣла и третья тотъ листъ, на коемъ находится приводимая цитата.

Изъ этихъ пособій Отговорная Книжка представляетъ памятникъ мѣстной рѣчи наиболѣе важный. Въ дѣтскихъ раціяхъ замѣтно вліяніе школы, чувствуется грамотность. Журналы земскихъ судовъ и вообще дѣловыя канцелярскія бумаги хотя и выходили изъ рукъ секретарей и другихъ лицъ служебнаго персонала, людей относительно образованныхъ съ точки зрѣнія тогдашней, современной, но перебѣлялись они писцами изъ мѣстныхъ жителей, и той именно среды, близкой къ мѣщанской, гдѣ сохраняется свой говоръ, который незамѣтно для самихъ писавшихъ переходилъ на бумагу.

Таковъ главный матеріалъ. Остальные источники показаны въ своемъ мѣстѣ.

Мимоходомъ мы касаемся говора другихъ, смежныхъ областей, поскольку то дозволяло тождество сло́ва, причемъ немного долѣе остановились на черниговскомъ районѣ.

Кромѣ упомянутой Книжки Зайцова, читатель найдетъ въ приложеніи: факсимиле довѣренности брянской помѣщицы, вдовы полковника Львовой (относится къ 1785 году); небольшой сборникъ мѣстныхъ реченій, куда вошли прибаски или пригудки, присловья, описаніе игоръ, пѣсни, и проч.; нѣсколько духовныхъ стиховъ, записанныхъ отъ слѣпого нищаго, крестьянина Дмитровскаго уѣзда, и два прошенія: злынской мѣщанки Артемьевой и отставного солдата Цыпы. Во всѣхъ этихъ приложеніяхъ преобладаетъ элементъ звуковой передачи.

Набрасывая очеркъ брянскаго говора, мы отмѣчали лишь наиболѣе рельефное, и въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ иллюстрацію или картинку къ тексту, даемъ выраженіе написаннымъ фонетически, бѣглые же гласные (безъударные) оставлены въ ихъ обычномъ произношеніи, также и флексіи, и полагаемъ, что никто изъ интересующихся словомъ на насъ за это не посѣтуетъ, тѣмъ болѣе, что нача́ла разсматриваемаго говора отчасти уже высказаны въ отвѣтахъ на программу академика Соболевскаго. Наконецъ, въ данномъ случаѣ нами руководило убѣжденіе, что изученіе говоровъ должно итти не отъ периферіи къ центру, а наоборотъ, и потому за основаніе бралось извѣстное, господствующая, правильная московская рѣчь, причемъ, какъ уже сказано, отмѣчались уклоненія наиболѣе выдающіяся.

Въ разработкѣ затронутаго говора не было предшественниковъ, по крайней мѣрѣ намъ неизвѣстно сочиненій, гдѣ трактовалось бы объ этомъ. Предлагаемый очеркъ также далеко не изслѣдованіе мѣстной рѣчи, какъ терминъ этотъ понимается въ наукѣ, а просто этнологическій этюдъ, опытъ посильнаго опредѣленія одного изъ безчисленныхъ русскихъ говоровъ, причемъ не можемъ не выразить сожалѣнія, что и для этой черной работы жизнь исключительно въ городѣ не дозволила намъ увеличить лексическаго матеріала и расширить своихъ наблюденій.

Лѣтъ девять назадъ, въ Брянскъ пріѣзжалъ академикъ А. А. Шахматовъ съ цѣлію изслѣдованія мѣстнаго говора. Какіе результаты добыты имъ — намъ неизвѣстно (см. Брянскій Вѣстникъ, 1895, 37).

Позднѣе, въ Калужскомъ Вѣстникѣ намъ встрѣтилось письмо профессора петербургскаго университета, академика А. И. Соболевскаго, гдѣ выражено желаніе имѣть свѣдѣнія относительно говора въ Калужской губерніи. Письмо такъ и озаглавлено: «Какъ говорятъ въ Калужской губерніи?»

«Нашъ великорусскій центръ, пищетъ г. Соболевскій — въ дѣлѣ самоизученія все болѣе и болѣе отстаетъ отъ окраинъ, и между прочимъ наличныя свѣдѣнія объ языкѣ его населенія совсѣмъ ничтожны въ сравненіи со свѣдѣніями объ языкѣ напримѣръ населенія Пермской губерніи. Калужская губернія не представляетъ исключенія, несмотря на всю важность своего положенія между Великою Русью и Бѣлоруссіей. Наука не знаетъ объ языкѣ ея жителей почти ничего. Есть указанія, что въ такомъ-то уѣздѣ въ говорѣ «замѣтна близость Бѣлоруссіи», и только. И вотъ мы рѣшаемся обратиться къ читателямъ Калужскаго Вѣстника съ покорнѣйшей просьбой сообщить свѣдѣнія объ языкѣ населенія извѣстнаго имъ города, волости, прихода, села, деревни, отвѣтивъ на слѣдующіе вопросы».

Вопросы эти мы приводимъ ниже, а пока не можемъ не остановиться на нѣкоторой неточности изложенія самаго письма.

Въ немъ смѣшивается два понятія: *языкъ* и *го́воръ*, что легко можетъ сбить желающаго посильно служить дѣлу, которымъ интересуется почтенный профессоръ. А что такое предположеніе справедливо и не безъ основанія, доказывается примѣчаніемъ, какое сдѣлала редакція Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, перепечатавъ у себя програму г. Соболевскаго.

«Было бы очень желательно, читаемъ въ названныхъ Вѣдомостяхъ — провести (произвести?) подробныя (подобныя?) же изслѣдованія и въ остальныхъ великорусскихъ губерніяхъ. Это дѣло великой важности. Каждый народъ съ самой ранней эпохи своего развитія владѣетъ возможными (sic) нравственными основами своей національности въ языкѣ. Разговорный же языкъ каждаго народа, въ особенности языкъ простого класса, имѣетъ громадное значеніе. Онъ — органъ преданій, не столько умственныхъ, сколько нравственныхъ, не столько образованія, сколько воспитанія. Этимъ языкомъ передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію не столько идеи, сколько нравы, а разъ усвоенные нравы очень трудно поддаются не только исправленію, но и дополненію. Пишущему эти строки, далѣе говоритъ о себѣ авторъ замѣтки Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, еще въ 1893 году пришла мысль собрать, насколько это было возможно при другихъ многосложныхъ обязанностяхъ службы, небольшое число словъ, вошедшихъ въ *курское нарѣчіе*. Списокъ этихъ словъ помѣщенъ въ Памятной Книжкѣ Курской губерніи на 1893 годъ. Онъ встрѣтилъ большое сочувствіе въ нашей журналистикѣ».

Впрочемъ, смѣшеніе понятій что такое языкъ, нарѣчіе и го́воръ — быть можетъ произошло здѣсь и помимо программы г. Соболевскаго.

Кстати. Въ одномъ изъ своихъ нумеровъ Курскія Губернскія Вѣдомости привели изъ Кіевскаго Слова «цѣлый рядъ особенностей мѣстнаго говора какъ въ устной рѣчи, такъ и въ печати».

Какъ ни странно звучитъ выраженіе: «особенность мѣстнаго говора въ печати», ибо въ печати всегда должно бы появляться

съ языкомъ чистымъ, общепринятымъ литературнымъ, каковой для всѣхъ и у всѣхъ пишущихъ, предполагается, только одинъ, если дѣло идетъ не о примѣрахъ какого-либо говора, приводимыхъ подлинникомъ въ филологическихъ изслѣдованіяхъ, тѣмъ не менѣе въ послѣднее время надо считаться и съ этимъ фактомъ, именно съ «мѣстнымъ говоромъ въ печати». Неряшливость языка, разумѣемъ печатное слово, дошла теперь до невѣроятной степени, и помимо проскальзыванія чего-либо изъ мѣстнаго говора, съ чѣмъ можно бы мириться, нерѣдко встрѣчаются такія слова, даже цѣлыя реченія, которыя невольно заставляютъ обращать на себя вниманіе. По сему поводу возникло въ Петербургѣ общество подъ именемъ «Союза ревнителей русскаго слова», но чѣмъ заявилъ себя этотъ Союзъ и гдѣ труды сего общества — намъ неизвѣстно.

Затѣмъ немного преувеличенное заявленіе Курскихъ Вѣдомостей о «цѣломъ рядѣ особенностей мѣстнаго говора» сводится всего къ десяти случаямъ, и нѣкоторые примѣры, приведенные въ подкрѣпленіе ихъ — по нашему крайнему разумѣнію вовсе не составляютъ никакихъ особенностей, а суть выраженія обычныя, свойственныя любой мѣстности великой Россіи.

Вотъ эти особенности мѣстнаго говора:

1. «*Я ей утру носа*» — грозитъ разсерженная кіевлянка, въ домѣ которой бываетъ иногда такой каламбуръ (?!), что никто ничего не разберетъ.

2. «*Много дали за поросенка? — Дала рубля*».

Въ обоихъ случаяхъ полонизмъ, хотя говорятъ: далъ тумака̀, далъ стрекача̀, ходить журавля, копейка рубля бережетъ, и проч. Потомъ, если въ первомъ примѣрѣ слово «каламбуръ» не опечатка и не lapsus calami, то слѣдовало бы и его отмѣтить кавычками, какъ употребленное здѣсь въ смыслѣ: сумбуръ, кавардакъ, и т. п.

3. «*А онъ похожъ на лицо?*» спрашиваетъ одинъ артистъ другого, указывая на портретъ силача Ребера и желая знать, похожъ-ли портретъ на оригиналъ.

Но такъ говорятъ теперь не одни артисты.

Вотъ примѣръ: «...Предстала наконецъ эта ожидаемая почти съ нетерпѣніемъ фигура поэта, стройная, величественная, спокойная. Надо отдать справедливость художнику: *Пушкинъ необыкновенно похожъ на себя* и не лишенъ творческой идеализаціи» (Впечатлѣнія одного изъ депутатовъ при открытіи памятника Пушкину въ Москвѣ: Берегъ, 1880, 106.—Здѣсь опущено одно слово: «*его*». Слѣдовало бы сказать: «его (художника, въ данномъ случаѣ скульптора) Пушкинъ»... и проч., хотя и тутъ выраженіе «похожъ на себя» звучитъ странно, ибо въ русскомъ языкѣ хотя и существуетъ вопросъ: «на кого ты похожъ?» — но употребляется онъ только относительно лицъ, дѣйствительно на себя не похожихъ, временно лишающихся обычнаго своего вида).

4. «Большинство губернскихъ начальствъ, продолжаетъ наша газета, высказалось, какъ мы слышали, *противъ преобразованія мірскихъ сходовъ въ собранія домохозяиновъ*».

По всей вѣроятности, тутъ обращается вниманіе на неправильное употребленіе послѣдняго слова, которое въ родительномъ множественнаго даетъ: «домохозяевъ». Сомнительно однако, чтобы этотъ lapsus linguae составлялъ особенность говора какой-нибудь мѣстности, по крайней мѣрѣ — трудно предположить, чтобы русскій человѣкъ, даже неграмотный, говорилъ: домохозяины, и проч. Не гораздо-ли проще видѣть въ этомъ примѣрѣ корректурную оплошность, а не особенность «говора въ печати?»

5. ...«*причемъ жидкость изъ бутыли оказалась наполовину вылъена*», писалъ въ протоколѣ секретарь съѣзда мировыхъ судей.

— Что? спросилъ предсѣдатель.

— «Выльена», отвѣтилъ секретарь, и сталъ продолжать запись показаній свидѣтеля.

Приведенная форма характеристична, но въ такомъ видѣ своемъ она не имѣетъ никакого значенія, ибо неизвѣстно — изъ какой мѣстности происходитъ секретарь. Кажется однако,

«выльена» не южнаго происхожденія, а едва-ли не изъ губерній восточной полосы Россіи.

6. «*Первыя цылюрни*», говорилъ учитель исторіи, заведены въ Россіи при Петрѣ Великомъ.

«Цылюрня» вм. цирюльня (цырульня) — выраженіе южнорусское, есть даже фамилія Цылюрикъ.

7. «*Гуляйте*», говоритъ хозяинъ гостямъ, приглашая ихъ посидѣть еще.

8. «*Газета опачкала*», жаловался одинъ батюшка, когда газета въ корреспонденціи указала на его грѣшки.

9. «*Чи-жъ я вамъ прислуга? Чи-жъ вы меня* (*sic*) *изъ неволи выкупили?*»

10. «*Проведите меня*», обращается барынька къ франтику, имѣя впрочемъ въ виду, чтобы онъ только ее проводилъ, потому что провести себя она и не позволитъ, да и не желаетъ: сама и проведетъ и выведетъ.

Какая особенность мѣстнаго говора заключается въ послѣднихъ четырехъ примѣрахъ (7—10) и въ чемъ именно состоитъ она — не понимаемъ.

«Гуляйте къ намъ» — говорятъ и въ Калугѣ, замѣняя этимъ: жалуйте, приходите, навѣщайте, и проч. Въ данномъ же случаѣ «гуляйте» совершенно естественно означаетъ приглашеніе хозяиномъ своего гостя посидѣть еще, погулять, подъ чѣмъ разумѣется различное провожденіе времени: въ бесѣдѣ, играхъ, и т. п. Въ Брянскѣ глаголъ этотъ понимается въ томъ же смыслѣ. Къ слову: глаголъ «гулять» въ томъ значеніи, о коемъ идетъ рѣчь — не переводимъ ни на какой другой языкъ.

«Газета опачкала» — самая обыденная, самая обыкновенная метафора (ср. аттестатъ, формуляръ замаранъ, и проч.).

Примѣры девятый и десятый попали сюда вѣроятно по ошибкѣ.

Дѣло не въ этомъ однако: важно для насъ примѣчаніе, сдѣланное редакціей Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостей къ приведеннымъ выдержкамъ «особенностей мѣстнаго (?) говора».

«И у насъ, читаемъ тамъ, во всей (Курской) губерніи говоръ мѣстнаго коренного населенія заключаетъ въ себѣ такія особенности, которыя рѣзко отличаютъ его отъ говора великорусскаго и нѣкоторымъ образомъ приближаютъ къ говору малорусскому. Такъ: *вечеря* — ужинъ; *богатырь* — богатый; *жвавый* — оборотливый; *чепурный* — опрятный; *ставъ* — прудъ, и т. п. А то есть и совсѣмъ особенныя слова. Наприм. шестнадцать выговаривается *шешнадцать*; тяжело — *чижело*; пшеница — *пашеница*; славный — *сламный*, и т. д.» (Курскія Губ. Вѣдом., 1895, 101).

Здѣсь все наоборотъ: гóворомъ названы слова особенныя, а эти послѣднія выданы какъ гóворъ.

Почти въ такомъ же родѣ встрѣтилась намъ замѣтка «о языкѣ жителей сѣверо-восточной части Городищенскаго уѣзда» (Пензинской губерніи).

Языкъ Городищенскаго уѣзда, говоритъ авторъ этой статьи — имѣетъ много особенностей: жители отдѣльныхъ (!) деревень отличаются другъ отъ друга (не только-де) выговоромъ, (но) и строеніемъ рѣчи.

Вслѣдъ засимъ авторъ отмѣчаетъ въ выговорѣ (произношеніи) взятой имъ мѣстности замѣну *ч* звукомъ *ц* (чего = цаво). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, далѣе продолжаетъ онъ — *а* въ серединѣ словъ произносятъ протяжно, наприм.: ска-а-тина, бра-ага, и проч. А въ одной изъ волостей отчетливо-де выговаривается *о*, но не такъ отчеканивается, какъ въ Ярославской, Владимірской и другихъ губерніяхъ.

Не только словà, заимствованныя съ иностранныхъ языковъ (sic!), читаемъ тамъ, даже многія русскія искажаются или употребляются (въ сѣверо-восточной части Городищенскаго уѣзда, Пензинской губерніи) совершенно въ иномъ значеніи. Наприм.: вмѣсто «послѣ» говорятъ «опосля»; вмѣсто «хотя» говорятъ «хоша»; «погода» имѣетъ значеніе ненастья; хорошая погода на-

зывается «ведра»; глаголъ «хвастать» имѣетъ значеніе глагола «лгать»; глаголъ «любить» употребляется въ значеніи «имѣть связь»; глаголу «миловать» присвоено значеніе «любить».

До сихъ поръ ни одного иностраннаго слова. Затѣмъ, гдѣ-же иное значеніе въ двухъ приведенныхъ нарѣчіяхъ: *послѣ* и *опосля, хотя* и *хоша,* причемъ первое слѣдовало бы отмѣтить тѣмъ ударѣніемъ, какъ слово произносится въ данной мѣстности: óпосля, опóсля или опослá? Не произносится ли *«ведра»*, какъ вёдра? Но такъ оно слышится вездѣ (*вёдро*), со смягченіемъ конечнаго безъударнаго *о*, которое получаетъ средній звукъ между *о* и *а*. Что до глагола «миловать», то его также слѣдовало бы передать съ надлежащимъ удареніемъ, каковое здѣсь вѣроятно надо подразумѣвать на послѣднемъ слогѣ (окситононъ), но и тогда врядъ-ли это будетъ *любить*, какъ утверждаетъ авторъ.

Въ сѣверо-восточной части Городищенскаго уѣзда, читаемъ далѣе, «есть много словъ татарскаго и мордовскаго происхожденія, наприм.: шабры (сосѣди), харчъ (говядина), баулъ (возокъ), и проч.».

Грамматическихъ особенностей также много, говоритъ авторъ. «Въ третьемъ лицѣ настоящаго времени изъявительнаго наклоненія пропускается въ окончаніи буква *е*». Вмѣсто: бываетъ, гуляетъ — говорятъ: быватъ, гулятъ. Въ окончаніяхъ дѣепричастій *в* замѣняется *м*: вмѣсто ѣвши, гулявши — говорятъ: ѣмши, гулямши.

«Окончаніе родительнаго падежа, множественнаго числа, именъ существительныхъ, на *овъ* не имѣетъ исключеній. Не говорятъ: оконъ, солдатъ, а окновъ, солдатовъ».

«Именительный падежъ множественнаго числа именъ существительныхъ часто замѣняетъ окончаніе *ки* на *ъе*, наприм.: озорничье, дубье, и проч.».

Вотъ и всѣ особенности говора сѣверо-восточной части Городищенскаго уѣзда, какъ онѣ отмѣчены авторомъ. Но можно-ли по этимъ признакамъ составить себѣ хотя малѣйшее представле-

ніе о дѣйствительной рѣчи данной мѣстности, и что сказать объ этихъ удивительныхъ филологическихъ признакахъ городищенскаго говора, гдѣ въ числѣ примѣтъ есть одна наивная, оставшаяся однако безъ подтвержденія, это — искаженіе народомъ словъ, заимствованныхъ съ языковъ иностранныхъ? Между тѣмъ въ текстѣ статьи самого автора встрѣчается: «. . . за *дятеломъ*, какъ адъютантъ, слѣдуетъ синица и схватываетъ тѣхъ, которые успѣли спастись отъ *дятела* бѣгствомъ». Или: «*конопель* даетъ лучшій урожай», и проч.

О «строеніи рѣчи», чѣмъ жители отдѣльныхъ деревень Городищенскаго уѣзда отличаются-де другъ отъ друга — у автора не находится ни единаго слова.

Что до родительнаго во множественномъ на *овъ*, то въ отвѣтъ скажемъ автору очерка, что это есть явленіе общее, заурядное, присущее многимъ мѣстностямъ, и въ Москвѣ и въ Петербургѣ въ населеніи пришломъ можно слышать въ просторѣчіи: дѣло́въ, мѣсто́въ, мясо́въ (именит. множествен. мяса̀ въ значеніи тушъ), и т. п. Грамотный брянскій писецъ, перебѣляя оффиціальные акты, между прочимъ употреблялъ нѣкоторыя выраженія въ такой же формѣ, и тутъ безъ сомнѣнія отразился мѣстный говоръ (беремъ дѣла архива брянскаго нижняго земскаго суда):

квитанцыевъ (дѣла 1780 года: III, л. 153)
узаконеніевъ (1782. $^{15}/_{6}$, л. 169)
нѣсколько разовъ (тамъ же, л. 399 об.)
для построенія адмиралтейскихъ употребленіевъ (1785. 10. 644)
съ копіевъ копія (тамъ же, л. 520)
повелѣніевъ (1791. $^{59}/_{15}$. 329)
объ описи у содержателей именіевъ (1799. л. 15)
къ принятію именіевъ (тамъ же, 593 об.)
издѣльевъ (тамъ же, л. 612 об.)
волосовъ (тамъ же, л. 786), и мн. др.

Еще примѣры:

«надняхъ, читаемъ въ Орловскомъ Вѣстникѣ, въ

павильонѣ московской фирмы по фабрикаціи косметиковъ. . . начнется демонстративное приготовленіе разныхъ мыловъ» (1896. 161).

. . . «Евграфъ слегка пошатнулся отъ здороваго хлопка и сосредоточенно посмотрѣлъ на Востраго.

— Не пойду я въ питейный . . . что зря ходить! Деньговъ лишнихъ нѣтъ, опять и Сизо́й», и проч. (Народъ 1897. 75).

Погода.

«Сего апрѣля 20-го числа (1799 года) на переправѣ села Городища чрезъ рѣку Десну помѣщицы Ксеніи Козелкиной крестьяне три человѣка отъ погоды вывалило, и потонули» (арх. брянск. н. з. суда: 1799. 16. 402 об.).

Изъ аксессуарной части театральныхъ представленій XVIII вѣка:

« . . . «для бури и вѣтровъ» требовалось гороху сухого одинъ куль; «для представленія пожару въ городѣ Карѳагенѣ» — льну чистаго 2 пуда, спирту 12 бутылокъ, и проч., а для «дѣланія въ погоду молніи» — гарпіусу самаго чистаго 30 фунтовъ». (Гр. С. Д. Шереметевъ: Отголоски XVIII вѣка).

Значитъ ли отсюда, что го́воръ нѣкоторыхъ классовъ Петербурга и Москвы, Брянска и другихъ мѣстностей сходенъ съ таковымъ же Городищенскаго уѣзда Пензинской губерніи?

Выше, при выдержкѣ изъ Курскихъ Вѣдомостей, мы видѣли смѣшеніе го́вора съ языкомъ, причемъ опредѣленіе сего послѣдняго какъ «о́ргана преданій, не столько умственныхъ, сколько нравственныхъ, не столько образованія, сколько воспитанія», и проч., не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, и фальшиво отъ первой буквы до послѣдней. Тутъ же мы видимъ, что языкъ смѣшивается съ нарѣчіемъ.

Въ послѣднемъ примѣчаніи Курскихъ Вѣдомостей къ выдержкѣ изъ Кіевскаго Слова, мѣстныя выраженія, приближающіяся къ малорусскому нарѣчію — также называются го́воромъ,

а то, что дѣйствительно составляетъ гóворъ: шешнáдцать, чижелò, пашени́ца, слáмный, и т. дал., получило опредѣленіе словъ «совсѣмъ особенныхъ».

Видимо, понятія смѣшиваются.

Во всей Россіи коренное ея населеніе, народъ, говоритъ языкомъ русскимъ, который одинъ для всѣхъ.

Вслѣдствіе особыхъ, исторически сложившихся условій существованія, обычной ассимиляціи народностей, племенныхъ вліяній, и т. п., изъ этого языка образовались нарѣчія (бѣлорусское и малорусское), область коихъ опредѣляется извѣстными границами: отсюда названія Бѣлоруссіи и Малороссіи. Вся остальная территорія, все пространство Россіи, за исключеніемъ названныхъ районовъ, окраинъ и областей съ инородческимъ населеніемъ — представляетъ лишь гóворъ, иное произношеніе языка русскаго (великорусскаго).

Не такъ давно, нѣкто г. Рудинъ (И.), говоря о малорусской труппѣ, игравшей въ Москвѣ, коснулся между прочимъ языка этихъ актеровъ, и вотъ что онъ пишетъ по сему поводу:

«Разъ мы упомянули о труппѣ вообще, то кстати слѣдуетъ замѣтить, что молодежь малорусской труппы не вполнѣ владѣетъ малорусскимъ языкомъ или правильнѣе сказать нарѣчіемъ: многіе говорятъ языкомъ, который сами малороссы называютъ «мѣщанскимъ». Этотъ «мѣщанскій» жаргонъ, все болѣе развивающійся въ юго-западныхъ селахъ и деревняхъ, является первымъ признакомъ утраты чистоты малорусской рѣчи. Завзятые малороссы какъ будто не хотятъ замѣчать склонности крестьянъ вставлять въ рѣчь русскія словà, вынесенныя ими изъ городовъ и школъ. Особенно способствуетъ измѣненію языка всеобщая воинская повинность. Возвращаясь къ себѣ въ деревни, солдаты стараются говорить по-русски, стыдясь своего родного діалекта. Только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ малорусскій діалектъ сохраняется въ своей первоначальной чистотѣ и неприкосновенности. Это въ Волыни и въ Галиціи, бывшихъ колыбелью малорусскаго народа, потомка угличей, древлянъ тюркскихъ кочевыхъ племенъ.

Эта неприкосновенность объясняется большимъ количествомъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній Галиціи, гдѣ преподаваніе ведется на малорусскомъ нарѣчіи. Сосѣдняя съ Галиціей Волынь также поэтому легче удерживаетъ всѣ особенности рѣчи, чѣмъ губерніи, расположенныя по обѣ стороны Днѣпра и примыкающія къ сердцу Великороссіи. Всѣ стремленія нѣкоторыхъ мечтателей видѣть въ малорусскомъ нарѣчіи самостоятельный языкъ, имѣющій передъ собою будущность — лишены всякаго основанія. Сходство великорусскаго и малорусскихъ языковъ (говоровъ?) главнымъ образомъ заключается въ тѣхъ общихъ имъ фонетическихъ особенностяхъ, которыя отличаютъ ихъ отъ другихъ самостоятельныхъ славянскихъ языковъ. Эти особенности: полногласіе и отсутствіе носовыхъ гласныхъ (юсы). Поэтому понятно, что великорусскій, какъ болѣе культурный языкъ, съ теченіемъ времени возвратитъ къ себѣ своего родного брата и заставитъ забыть его тѣ ничтожныя различія въ произношеніи словъ, которыя явились слѣдствіемъ вѣковой обособленности другъ отъ друга» (Русское Слово 1897. 7).

Въ Калужской губерніи, также какъ и въ Курской и въ Орловской — будетъ посему русскій языкъ, и лишь го́воръ его въ названныхъ губерніяхъ или въ другихъ вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ причинъ различается отъ великорусскаго, подъ чѣмъ разумѣется произношеніе московское. Затѣмъ, если дѣйствительно, какъ заявляетъ профессоръ Соболевскій, существуютъ указанія, что въ говорѣ какого-либо уѣзда Калужской губерніи замѣтна близость Бѣлоруссіи, то слѣдовало бы указанія эти подкрѣпить, а пока они сомнительны: обоихъ наиболѣе характеристичныхъ признаковъ бѣлорусскаго нарѣчія въ данной губерніи нѣтъ, нѣтъ ни дзеканья (*д* = *дз*), ни перехода *т* въ *ц*. Близкій одною изъ своихъ окраинъ къ Брянскому уѣзду, калужскій говоръ въ бо́льшей части своей почти тотъ же что и брянскій, вообще орловскій или курскій, и бѣлорусскаго тамъ нѣтъ ничего, кромѣ одного развѣ *h*, свойственнаго однако и рѣчи южнорусской.

Въ томъ же нумерѣ Калужскаго Вѣстника, гдѣ появилась программа г. Соболевскаго, нѣкто В. Э., некалужанинъ и нефилологъ, какимъ онъ рекомендуетъ себя, такъ отвѣчаетъ профессору на его запросы:

«Не будучи филологомъ, я не берусь объяснять правильность или неправильность произношенія нѣкоторыхъ словъ калужанами, но хотѣлъ бы просто откликнуться на призывъ профессора, а потому и пишу эту замѣтку въ надеждѣ, что она оживитъ въ памяти читателей предложеніе почтеннаго ученаго.

Мои замѣчанія относятся исключительно къ городу Калугѣ, такъ какъ въ уѣздѣ я не бывалъ и особенностей тамошняго говора не знаю.

Удареніе на нѣкоторыхъ словахъ произносится не такъ, какъ въ приволжьи (sic! — мѣстѣ моей родины), наприм.: был*о* — вм. б*ы*ло, остал*о*сь вм. ост*а*лось, б*ѣ*гомъ вм. бѣг*о*мъ, туч*а*, вм. т*у*ча, тр*а*ва (?) вм. трав*а*; при этомъ въ нѣкоторыхъ словахъ мѣняется звукъ, на которомъ дѣлается удареніе, наприм.: св*о*ритъ вм. св*а*ритъ (о замѣнѣ твердаго окончанія мягкимъ скажу далѣе), зап*е*рто вм. заперт*о*, т*е*пло вм. тепл*о*, л*е*гко вм. легк*о*.

Въ окончаніи формъ глаголовъ встрѣчается мягкое окончаніе вмѣсто твердаго; такъ наприм.: идет*ь*, звонят*ь*, говорят*ь*, и т. д., вмѣсто: идет*ъ*, звонят*ъ*, говорят*ъ*; или замѣна звука *е* звукомъ *я*, наприм.: подождит*я* вм. подождит*е*, поговорит*я* вм. поговорит*е*.

Въ началѣ слова звукъ *в* замѣняется звукомъ *у*, и наоборотъ, наприм. *у*сталъ вм. *в*сталъ и *в*сталъ вм. *у*сталъ, *у* печку вм. *въ* печку. Прибавка звука *и* въ началѣ нѣкоторыхъ словъ, наприм.: *и*шелъ, *и*сдѣлалъ вм. шелъ, сдѣлалъ.

Замѣна однихъ звуковъ другими иной разъ совершенно непонятнымъ образомъ, наприм.: упануть вм. упадуть, ножны (нóжни?) вм. ножницы, вбирать вм. собирать, табѣ вм. тебѣ, куфня вм. кухня, Хведоръ вм. Ѳедоръ.

Наконецъ должно указать, какъ бы окончаніе двойственнаго числа вмѣсто множественнаго: наприм.: рукамъ, ногамъ, вм. руками, ногами.

Нужно при этомъ замѣтить, что подобнымъ образомъ говоритъ не только рабочій людъ, но и многіе изъ интеллигентовъ, давно живущихъ въ городѣ, хотя и не по всѣмъ формамъ указанныхъ уклоненій» (Калужскій Вѣстникъ 1896. 76).

Добавимъ сюда еще нѣсколько особенностей мѣщанскаго говора Калужской губерніи, для чего возьмемъ рукопись нашего собранія: «Паломникъ» покойнаго архимандрита брянскаго Свѣнскаго монастыря, Авраамія (Симоченкова), жиздринскаго уроженца (записки ведены имъ собственноручно).

1. Употребленіе въ творительномъ *ую* вм. *ою*:

съ нильскую водою (л. 142)

пирамида кажется тупоконечную (145)

буйволовую кожею (149)

красятъ подбородокъ голубою краскою, а пальцы красною или померанцевую (152)

престолъ огороженъ рѣшеткую (171)

приходили въ садъ потаенную внизу дверію (184)

пароходъ потащили арабы бичевую (231)

семь суденъ съ хлопчатую бумагою (тамъ же)

надъ пещерую (238)

передали бичевую малами (малыми) колокольчиками вѣсть о прибытіи поклонниковъ (249), и проч.

2. Окончаніе винительнаго падежа именъ женскаго рода на *уя* вм. *ую*:

теплуя, гнѣдуя; (также и въ Брянскѣ: . . . вынимай дурнуя кровъ изъ буйной галавѣ. — Отговорная Книжка Е. Зайцова: 4).

3. Построеніе рѣчи (равно присущее и брянскому говору):

я себя выбралъ лошадь, гнедаго, который шелъ проворно впереди протчихъ (Авраамій: 113)

въ поклонникахъ (у поклонниковъ) каждый въ своего посажира просятъ хлѣба (176)

Господь всегда печется о рабовъ своихъ (199)

увораба́хъ (увъ ора́бахъ — у арабовъ) уво всѣхъ
привычка послѣ договора требовать лишнее (225)
въ больницы устройство и чистота отличная (265)
взялъ себя той святѣйшей земли (267)
при хорошихъ источниковъ (313), и проч.

Такъ какъ программа профессора Соболевскаго для собиранія признаковъ калужскаго говора вполнѣ можетъ быть примѣнена и къ Брянску, то отвѣтимъ на нее, поскольку позволяютъ средства.

1. Какъ произносятъ *а*, *о*, *е*, *ѣ* безъ ударенія въ словахъ: х*о*рошо, ч*а*совой, мах*о*нькой, ж*е*на, н*е*су, н*е*сти, л*е*пешка, въ город*ѣ*, н*а* (?) дорог*ѣ*, идет*е*, идит*е*?

Харашо̀, чесаво́й и чисаво́й, ма́хонькай, жана̀ и жина̀ (мѣщанское), нясу̀, несть (нясти̇), ляпе́шка и ляпёшка, у (= въ) һо́ради, на доро́һи, идётя, иди̇тя.

2. Какъ произносятъ *у* и *в*, правильно или смѣшивая между собою, въ словахъ: о*в*ца, дро*в*ъ, кро*в*ь, *в*сѣ, *в*летѣть, *у* меня, *у*сталъ, *у*шолъ, и не слышно-ли иногда очень краткаго *у*, не составляющаго слога?

Аўца̀, дро́ў, кровъ (кро́ў), усѣ̀, улятѣ́ть (въ значеніи влетѣть и улетѣть), у минѐ (мѣщанское въ мине), у насъ — въ насъ, у нихъ — въ нихъ.

в = *у*, и обратно: *у* = *в*

вдарить: вдарилъ меня трижды въ рожу (1782. 15/6. 316; 472, 497)

вдарить — [сѣвское (1788. 48/13. 378)]

и вдругъ ничего не говоря вдарилъ меня въ щоку выговаривая, что-де я въ гробъ тебя убью, и пропадешь вместо сабаки... и во время того меня бою отбили у меня мою шапку... то онъ, Фориковъ, выхватя у себя изъ подъ полы имѣющейся на немъ шубы ту мою шапку, вдаря объ полъ и бросилъ въ избѣ на землю... (1783. 7. 178)

...какъ перестали меня бить — бросили замертво

въ сани, а сами заворотя мою лошадь обратно и вдаря оную дубиною — отпустили (тамъ-же, 248 об.)

Этотъ извощикъ, выѣхавши изъ завода, на лугахъ вдаривши ее (пассажирку) по головѣ, свалилъ съ саней (архивъ брянскаго исправника: рапортъ пристава перваго стана Брянскаго уѣзда, отъ 3 января 1897).

взнать (узнать): послѣ я взналъ, (что) этотъ храмъ католическій (Авраамій: 66)

вкрадено (1786. $^{41}/_{2}$. 50)

вничтожать: ...разсужденіе о немощи своей, паче же о смерти в'ничтожающей человѣка, и прочая (Раймунда Люлія: Наука кабалистичная. Рукопись нашего собранія: 4⁰ на 468 листахъ; л. 405 об. Нѣкогда рукопись принадлежала курскому купцу Я. Г. Францову, а отъ него «доставшаяся по наслѣдству» сыну его, Ѳедору. Быть можетъ книга писана въ самомъ Курскѣ или вообще въ этомъ краѣ).

вслыхать: вслышели (1782. $^{15}/_{6}$. 472 об.)

отнявъ въ человѣка ево изъ рукъ, и увела съ собой (1779. 1. 670)

покрадено въ прикащика (1780. 5. 528)

о грабежѣ въ крестьянъ (1786. $^{41}/_{2}$. 1323)

показали сколько въ нихъ въ посѣвѣ всякаго хлѣба порознь (1782. $^{15}/_{6}$. 199)

въ служителя вспрашивали (1782. $^{15}/_{6}$. 473)

въ показаннаго крестьянина узвалились съ одною бочкою сани (1783. 7. 331)

купила я въ крестьянина Александры Гуйдукова лошадь (тамъ же, 352 bis)

вывчить — выучить

имѣю желаніе жить въ разныхъ людехъ (1785. 10. 36)

велено построенные въ казенныхъ дачехъ дехтярные мойданы вничтожить (тамъ же, 247)

былъ въ нево, Филипова, дважды (тамъ же, 444 об.)

взялъ церковной ключь въ дочери ево Феклы (тамъ же, 602)

а прежде мы всѣ, священники и дьяконы, въ нево, старосты, спрашивали гдѣ церковныя деньги хранятца (тамъ же, 603)

сталъ въ меня спрашивать (тамъ же, 752)

въ меня приказъ есть (ib.)

вдарилъ меня въ вуха (ib.)

въ меня нѣтъ (1785. $^{30}/_{9}$. 1059)

у помѣщика Терентея Самороцкаго жили въ домѣ ево . . . а въ помѣщика Василья Самороцкаго были-ль какія тѣхъ людей пожитки и вещи . . . и проч. (тамъ же, 1228)

во оного поживъ пять мѣсяцовъ — бѣжалъ [1786. 365 (405)]

а какъ я имею сумнение что не проживаитъ-ли оная (дѣвка) во отца своего . . . (1788. $^{48}/_{13}$. 249)

приехали . . . къ крестьянину Филипу Маркѣлову для покупки строителного леса, въ которого мы купя накладовали на сани . . . (1792. 64. 126)

собравъ людей человѣкъ двадцать крестьянъ, въ которыхъ по собраніи началъ въ нихъ спрашивать (1794. $^{80}/_{1}$. 125)

взялъ въ ево матери ключи (тамъ же, 125 об.)

сколько въ насъ по плану земли (тамъ же, 129)

въ мене по ревизіи состоитъ 4 души подъ усадбою въ мене земли . . . (тамъ же, 130)

въ работникахъ въ пономаря (1798. 31. 19)

комвертовъ въ меня не принелъ (тамъ же, 58)

нахожуся въ помѣщика (1799. 33. 294)

во оного Дементьева никогда не жилъ (1799, 30. 195)

проживалъ въ него изъ одного пропитанія (ib. 221)

у святаго причастія былъ въ священника (1799. 16. 694)

купленъ въ казака (ib. 602)

оставили его въ крестьянина Сергѣя, въ коего прожилъ (694)

загорѣлся въ крестьянина анбаръ (707 об.)

нашелъ у бани (въ банѣ) запертыхъ помошника прапорщика Афонасьева съ служителями... (424)

у комоде (1788. $^{48}/_{13}$. 249)

у судъ... у сарай (1794. $^{80}/_{1}$. 128)

Уста́лъ всегда передается выраженіемъ *умори́лся*, въ этой же формѣ слово «усталъ» значитъ *вста́лъ*, поднялся; *ушелъ* понимается въ смыслѣ *вшелъ*, а третье лицо прошедшаго времени глагола уходить будетъ *увойшо́лъ*, но также говорится и о вошедшемъ: наприм.: увойшо́лъ у һо́рницу; или: какъ по́чила заһара́тца, тутъ я и увойшо́лъ (ушелъ прочь) и на пажаръ ни һля́нулъ.

Краткое ў: взоръ, взо́ры — узоръ (рисунокъ), узоры; фпа́нить (ф = в = ў) — упадетъ; няўжо́шъ (жъ, жь) — неужели-жь; вы́фчить — выучить; впова́ть — уповать («на царя Ирода впова́ли» — рождественскія ра́ціи); взнать — узнать; ввесь (ўвесь): «... за въвесь 1799 годъ (подати) взысканы»; «...сгорѣлъ скотъ ввесь и птица» (1799. 16. лл. 558 и 1236); «Вмеленйе пресвятыя бц҃ы евленноя въ го(родѣ) брянске въ вострогѣ на воротахъ 1803 года августа .5. (чеканная замѣтка на самомъ окладѣ образа, находящагося въ брянскомъ воинскомъ управленіи. См. Брянскій Вѣстникъ 1894. 8, стр. 62).

Наоборотъ, *в* замѣняется долгимъ *у*:

удава̀ — вдова̀: (повѣнчалъ) отъ живой жены съ удово́ю Владимера Булашевича женою (1783. 7. 726)

узверну́ться (взвернуться) — возвратиться; узве́рнимся — возвратимся

узложи́ть — взложить, возложить (1794. $^{80}/_{1}$. 125)

укла́дчикъ (вкладчикъ): какъ я той церкви прихоженинъ и укладчикъ (1785. 10. 601)

укладъ — вкладъ (Синодикъ старца Ефрема 7164 года. Брянскъ, 1896 года, стр. 3)

уну́къ (внукъ):

у господина моего съ унукомъ своимъ... точно былъ...

поѣхалъ я съ нимъ, унукомъ моимъ, домой (1783. 7. 336)

унукъ мой видя сей бой не знаю куда бѣжалъ (ib. 336 об.)

Өонасей Дуплясовъ съ унукомъ (ib. 429 об.)

она съ унукомъ своимъ (сообщеніе изъ трубчевскаго нижняго земскаго суда въ брянскій: 1785. 10. 158)

уну́къ (1788. 48/13. 11; 1798. 31. 3)

на что онъ, Суходолской, сказалъ, что-де вы упре́дъ въ лѣсъ для рубки дровъ не ѣздили (1785. 10. 106 об.)

успаха́ть (вспахать): раздѣлили оную землю между собою и успахали (1783. 7. 782)

содержится подъ стражей у брянскомъ остроге (1804. 40. 360)

злоумышленникъ... привязавъ взятую на крышѣ веревку къ гвоздю, убитому (вбитому) въ барьеръ хоръ, и проч. (собственноручный рапортъ пристава третьяго стана Брянскаго уѣзда исправнику, отъ 3 іюня 1896 года, nº 1031)

Въ рукописномъ синодикѣ Клетневскаго архіерейскаго подворья, устроенномъ іеромонахомъ Иннокентіемъ въ 1855 году, есть такая запись: «Село ущижы (Вщижъ, Брянскаго уѣзда) Священница вдавица Александра Митрапольской» (л. 26).

3. Какъ произносятъ букву (?) ı, какъ латинское g, или какъ латинское h, или въ однихъ словахъ такъ, а въ другихъ

иначе? Какой звукъ слышится въ концѣ словъ: порогъ, дорогъ, берегъ?

Бохъ, Боћа, Боћомъ, а Боћя (о Богѣ); ћаспадинъ, ћóласъ; парóхъ, пароћа...; дарóхъ (также и дóрахъ — дóрогъ); бéрихъ, берића... (берёхъ — берёгъ).

4. Какъ произносятъ буквы (!) *д* и *т* въ словахъ: *д*ѣдъ, *д*ѣлить, *т*епло, безъ всякаго свистящаго оттѣнка или близко къ *дз, ц*?

Дѣтъ, дѣ́да...; дялúть; тяплò и тёпла.

5. Какъ произносятъ конечные слоги въ словахъ: Вась*ка*, чай*ку*, куроч*ка*, матуш*ка*, на вер*ху*?

Вáськя, чайкю, на вярьхỳ.

Непонятно, почему здѣсь въ числѣ примѣровъ попали словà: курочка и матушка, конечный слогъ которыхъ повсюду произносится одинаково, хотя то же *ка* иначе слышится въ окончаніяхъ такихъ словъ, какъ Вáськя, Волóдькя, Ивáнькя (Вáнькя), соловéйкя, лéйкя (ворóнка), куцавéйкя, душа(е)ћрѣ́йкя, нале́йкя (нале́й-ка). Куль, кулёкъ, кулькя: «Къ тѣмъ (пивнымъ) варямъ въ покупкѣ на площади хмелю кульками и мѣшками двѣ четверти» (Книга кабацкаго сбору 1732 года. Архивъ брянской городской управы: n⁰ 2, л. 3).

Ка такимъ образомъ переходитъ въ *кя* при смягченіи (подняти) предшествующаго слога [ср. замѣтку Грота о *ѣ* при *у* и *ю* (іу) въ явленіи обратномъ: *вѣру* и *вѣрю* произносятся не одинаково]. Не хотѣлъ-ли почтенный профессоръ привести здѣсь въ качествѣ примѣра слово «маменька» вмѣсто матушка? Тогда дѣйствительно въ окончаніи получится *кя*: маме(и)нькя, также какъ: тете(и)нькя, тяте(н)нькя, дяде(и)нькя, малéнькя, и проч.

6. Какъ произносятъ букву (!) *ц*, и не смѣшиваютъ-ли ее съ буквой (?) *ч*?

Звуки *ч* и *ц* произносятся правильно, но бываютъ отступленія, наприм. амченинъ, амчáне (мецня́кь, мецнякѝ — жители города Мценска), зачепить — зацѣпить, откуда почёпка — веревочка, тонкая бичевка (въ Брянскѣ есть фамилія Почёпиныхъ,

слывущихъ также и подъ именемъ Карáчевскихъ, чѣмъ указывается на происхожденіе семьи), иногда слышится очерáбить въ смыслѣ оцарапать и занозúть, и т. п., вообще же говоря, замѣна *ц* звукомъ *ч* — явленіе рѣдкое.

7. Какъ образуются формы родительнаго и дательнаго падежей единственнаго числа мужского и женскаго рода отъ мѣстоименій онъ и тотъ и прилагательныхъ: слѣпой, большой?

По характеру говоровъ, чисто-крестьянскаго (деревенскаго) и мѣщанскаго (городского), отвѣтъ распадается надвое, сообразно съ чѣмъ получается двѣ формы склоненій третьяго лица личнаго мѣстоименія.

	Говоръ деревенскій:		Городской говоръ:	
И.	Ёнъ, яно	яна̀, ина̀, ана̀	онъ, ано	ана̀
Р.	яhò и яво̀	яѐ, іѐ, іё	ево̀ (йіво̀)	іе, яе
Д.	яму̀	ей, ёй	ему̀ (яму̀)	ей

Множественное число для всѣхъ трехъ родовъ крестьянскаго говора: яны̀ и аны̀, въ мѣщанскомъ: анѝ, рѣдко анѣ (ж. р.).

	Говоръ деревенскій:		Городской говоръ:	
И.	Тотъ, то	та	Тотъ, то	та
Р.	Таhò	таѐ, тыѐ	таво̀	таѐ
Д.	таму̀	тэй	таму̀	тэй
И.	Сляпóй (и слѣ́пый)		Слѣпой (и сляпой)	
Р.	сляпóhа		слѣпóва (сляпóва)	
Д.	сляпóму		слѣпому (сляпому)	
И.	Бóльшій (=большóй)		Бальшой	
Р.	бальшóhа и бóльшиhа		бальшóва	
Д.	бальшóму и бóльшиму		бальшому (бóльшиму)	

Ассимилируясь, двѣ формы эти трудно однако поддаются строгому разграниченію, почему указанные признаки естественно могутъ встрѣчаться въ обоихъ районахъ.

8. Какъ образуются формы родительнаго, дательнаго и винительнаго падежей единственнаго числа мѣстоименій личныхъ и возвратнаго?

Р. В.	минѐ	тибѐ	явѐ (яһо)	её, іё, іё
Д.	минѣ́	тибѣ́	ему (яму̀)	ей, ёй

Сябѐ и сабѐ въ крестьянскомъ говорѣ и сибѐ — въ говорѣ мѣщанскомъ.

Приводимъ выдержку изъ старинныхъ актовъ, гдѣ интересна графика мѣстоименій:

Книга описная Брянскаго уѣзда Троицкіе обители Предтечевы Бѣлобережской пустыни со всѣмъ еѣ имуществомъ... (рукопись 1760 года И. Публичной Библіотеки: F⁰ I. 336, л. 1)

... спросилъ гдѣ квартерою стоитъ? И онъ объявилъ, что стоитъ въ салдатскомъ доме, у вдовы матери ѣе, Агафьи Герасимовой дочери. Но оной Юровской началъ ѣе бранить: на что-де безъ ведома ево въ домъ мать ѣе пустила: я-де квартермистръ. Но она сказала: мать ѣе пустила въ домъ не въ постой, а по согласію между ими... и проч. (1788. 48/13. 141а).

осыпа́ютъ еѣ (пеньку) снѣгомъ (тамъ же, л. 529).

9. Какъ образуются формы дательнаго, творительнаго и предложнаго падежей множественнаго числа отъ словъ: сѣни, лошадь? Формы дательнаго и предложнаго падежей единственнаго числа отъ словъ: нога, рука, соха?

И. Сѣни — сѣ́нцы	лошади — ло́шеди	
Д.	сѣ́нцамъ	лашедёмъ
Т.	сѣ́нцами	лашедя́ми
П.	сѣ́нцахъ	лашедя́хъ и лашедёхъ
И. Наһа̀	Рука	Саха̀
Д. П. наһи (и ѣ)	руки̇̀ (и ѣ)	сахѝ (и ѣ)

Въ отличіе отъ московскаго, правильнаго говора, гдѣ въ двусложныхъ на *а* удареніе со второго переходитъ въ винительномъ на первый слогъ, брянецъ произноситъ: наһу̀, руку̀, саху̀, и т. п.

10. Какое окончаніе имѣютъ формы третьяго лица единственнаго и множественнаго чиселъ?

Вопросъ вѣроятно разумѣетъ глагольныя формы, а такими будутъ для настоящаго и будущаго времени:

еть — уть, ють

ить — ять

идéть (идётъ), идýть (идутъ), хóдють (ходятъ), паéть (поётъ), паю́ть, нясéть (несетъ), нясуть, стаи́ть, стая́ть (стоя́тъ), и проч.

Интересна форма 3-го лица будущаго времени нѣкоторыхъ глаголовъ, наприм. отъ глагола ѣсть будетъ — сьяди́ть (съѣстъ); отдать: аддади́ть (отдастъ). Во второмъ лицѣ множественнаго глаголъ ѣсть даетъ — паястё (покушаете, съѣдите), и др.

Также не менѣе любопытна форма безличнаго глагола съ окончаніемъ дéна (= дéно), наприм.: аддáдена — óтдано (и отданà), взя́дена — взятò, брáдена — брато, и т. п., или наприм. такая, какъ жéченъ — жженъ, и проч.

11. Какое окончаніе имѣютъ формы возвратнаго залога (ся, са, си, сы)?

Тца = ся и си. Въ Калужской губерніи нерѣдко сы = цы.

12. Какъ звучитъ мѣстоименіе *что*?

Што.

Профессоръ Соболевскій заключаетъ свое письмо желаніемъ имѣть «и всякія другія свѣдѣнія о языкѣ, какія покажутся читателямъ интересными». На основаніи этого, нѣсколько дополненій о брянскомъ говорѣ быть можетъ будутъ нелишни. Смѣемъ лишь сказать при этомъ, что подвести всѣ случаи кáкого бы то ни было гóвора подъ извѣстные грамматическіе законы — рѣшительно невозможно, иначе пришлось бы составлять нормы чуть-ли не на каждое слово, почему недостатки работы здѣсь болѣе чѣмъ извинительны: на нихъ надо смотрѣть съ снисхожденіемъ. И такъ

А. Нерѣдокъ переходъ *м* въ *б*, и обратно: корчёбный, корчёбникъ, корчёбство, и на́домность, на́домно.

В. Звукъ *ф* нерѣдко замѣняется *хв* или однимъ *х*, и наоборотъ.

Говорятъ: грахви́нъ, у грахви́ня (въ графинѣ); серахвимъ (въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ XVIII вѣка брянскаго извода, принадлежащемъ нашему собранію); хва — фа (музыкальная нота); хваетонъ; хвактъ (фактъ), и проч., и — фати́ть (хватить), фали́ть, форый, форостъ, фощъ (фошшъ, откуда названіе села Фошни), Пофисневъ — Похвисневъ; хунтъ и хвунтъ (фунтъ), Хама̀ (Ѳома), Вафно́въ вм. Вахно́въ (фамилія), Хевральскій (вѣроятно надо было написать Февральскій, мглинской помѣщикъ), и т. п.

Нѣсколько примѣровъ по актамъ архива брянскаго нижняго земскаго суда:

коровъ также зафотя̀ (1779. 1. 603)

гдѣ реченной ево человѣкъ попадется, то-бъ зафотя̀ ево сѣчь (1782. $^{15}/_{6}$. 515 об., 519)

напалъ... и уфотя за волосы волочилъ въ канторе по мосту (по полу) и билъ немилостиво, и бивши исъ (изъ) конторы вонъ выгналъ і двери закутолъ (затворилъ) сторошъ... (1785. 10. 323)

о зафаченныхъ пожиткахъ (1786. $^{41}/_{2}$. 928)

уфоляетца (1788. $^{48}/_{13}$. 296 об.)

сфатить (тамъ же, 424; 1794. $^{80}/_{1}$. 191)

Ли́финъ — Ли́хвинъ, уѣздный городъ Калужской губерніи: . . . о вызовѣ купцовъ . . . лифенскаго Мокея Азорава (1793. б. н., л. 536, ст. 29)

Хводаръ Шишкинъ (1800. 113 (III). 734)

съфотя мене за волосы начелъ бить безъ человечно выспитками (1805. $^{139}/_{42}$. 277)

вафмистръ (1780. 5. 989)

панафида

фрустальная фабрика (1786. $^{41}/_{2}$. 57об.)

фомутъ: украдено два фомута ременныя... да въ проѣ(з)жихъ изъ Курска крестьянъ двѣ узды (1783. 7. 819)

Отмѣтимъ еще слѣдующее любопытное превращеніе звука *ф*: сначала онъ далъ *хв*, который перешелъ въ простое *х* и наконецъ въ *к*.

«Кромѣ гимназистовъ и студентовъ, въ Нѣжинѣ былъ еще особый и притомъ многочисленный классъ учащейся молодежи, ежегодно державшей экзамены въ лицей на правахъ частныхъ лицъ. Ихъ въ Нѣжинѣ называли «футурусами», отъ латинскаго слова «futurus» (будущій), т.-е. будущій студентъ; простонародье-же, по свойственной ему привычкѣ коверкать всякое иностранное слово, называло ихъ «кутурусами»... Ѣхали въ Нѣжинъ со всѣхъ концовъ Россіи, даже изъ Сибири, особенно когда была открыта курско-кіевская желѣзная дорога. «Го, го, го, скилько кутурусовъ понаихало!» восклицали нѣжинскіе граждане, наклеивая на воротахъ и окнахъ карточки съ надписью: «отъ даетца фатѣра со сталомъ» (Курск. Губ. Вѣдом. 1896. 35).

C. Нарѣчія: *домой* — передается исключительно выраженіемъ «двару̂» (двору), но прежде употреблялось и домо́въ, остатокъ церковно-славянскаго до́мови —

когда обратно поѣхалъ онъ домо́въ (1796. $^{95}/_{14}$. 2об.)

намѣренъ ѣхать домовъ (1799. 16. 708)

а *долой* произносится: доло́въ, доло́ў (до́лови).

D. Употребленіе въ родительномъ падежѣ окончанія дательнаго, и наоборотъ:

оной рекрутъ возвращенъ, и отъ поставке оного я уволенъ (1783. 7. 616)

у подлинной скаске рука приложена тако (1785. 10. 68)

вмѣсто крестьянки Елене Петровой по ее прошенію села Супонева дьяконъ... (тамъ же, 161)

по прозьбѣ жене ево Кулине Филиповой (1791. $^{59}/_{15}$. 384)

звалъ къ себя въ домъ (1808. 150/48. 599)

я тебя отецъ духовной (тамъ же, 599 об.)

Наумовъ разбилъ себя голову объ острой уголъ ево канюшни (1804. 40. 386)

Паломникъ Авраамія:

близъ конаве. въ горѣ указали намъ (117)

отъ горѣ (167)

изъ горѣ (169, 253)

отъ сѣверной сторонѣ... близъ западной стѣнѣ (211, 212)

близъ дорогѣ поклонники нарывали себе(ѣ) травы подъ названіемъ шелфей; несколько и я себя нарвалъ (273)

близъ горѣ (315)

E. Употребленіе родительнаго падежа самостоятельно. Такъ, на вопросъ: Куда идешь? — Отвѣчаютъ: Воды̀, или: иду воды̀ (вады̀); или: какъ пойдешь воды, зафати съ собой... и проч.

Когда засватаютъ невѣсту, то женщины идутъ по̀ воду и поютъ:

А мы-жъ тебѣ, Марьюшка, говорили:
Не ходи, Ивановна, рано воды̀.
Надъ водою два голуба рано гуду́ть,
Они-жъ тебе отъ батюшки прочь атгудуть,
Они-жъ тебе къ лютому свекру пригудуть, и проч.

(Брянская пѣсня)

F. Переходъ *а* въ *о*:

а — въ именительномъ множественнаго числа: скамья — ско́мьи; западо́къ (въ клѣткѣ-западнѣ) — зо́падки; западня̀ — зо́падни; тано́къ (хороводъ, по-брянски: караһодъ) — то́нки:

За новы̀ми ворота́ми
Дѣвки то́нки водють, и проч.

(Брянская пѣсня)

У Кіиви,
На пло́шшади...
А бѣлая ёлга, бѣлая,
Бѣлая, бѣлая.

Тамъ дѣвушки
Тóнки водили...

А бѣлая ёлга, бѣлая, etc. Также изъ цикла брянскихъ пѣсенъ (ср. у Буслаева: ноги гнилы, и тóнцы не милы.—Русск. пословицы. М. 1854. 124).

b — въ родительномъ множественнаго: башмаки — башмóкъ

c — въ винительномъ единственнаго числа двусложныхъ женскаго рода на *а*: казнà — кóзну (употребляется рѣдко).

G. Поднятіе (придыханіе) гласныхъ:

a — вначалѣ слова: вакнò — окно, визля́къ [уменьшительное отъ «ýзелъ» (ср. вéнзель)], винахóдицъ — иноходецъ (лошадь), вóблака — облако, вонъ — онъ, вóсинь — осень, вумъ — умъ, и проч.

не въ вуѣздѣ... изъ города въ вуѣздъ (1779. 1. 976)

на вулицы противъ воротъ (1783. 7. 252)

начали в горнице ломать вокны и выломимши влезли внутрь в ту горницу (1785. 10. 572)

въ вуказной срокъ (1788. $^{48}/_{13}$. 81)

несвумосломъ-ли (не съ вумосломъ — умысломъ: 1792. 64. 126 об.)

отлучился вворелъ (1794. 25. 570)

ввапрѣлѣ мѣсяцѣ (1799. 33. 328)

пошелъ я ввызбу

ввесь — весь (увéсь)

b — Внутри слова:

каравýлщикъ (1785. 10. 323об.); каравýльщикъ (1794. $^{80}/_{1}$. 125об.)

каравýлъ — стража и крикъ о помощи (1792. 64. 97)

рýтва — рýта (растеніе thalictrum angustifolium):

Зеленая моя рýтовка, желтый цвѣтъ (припѣвъ къ народной пѣснѣ).

c — Выпаденіе *в* передъ гласной *у* внутри слова:

заýтъ — зовутъ (1780. 5: 122. 228. 511. 1035.

1036; 1780. 6: 772. 778. 782; 1788. $^{48}/_{13}$: 29. 31. 36. 54. 59. 171 . . .; 1791 $^{59}/_{15}$: 63. 71. 363, и тутъ же «зовутъ»: 419 и 422; за то въ актахъ 1785. 10 вездѣ: и зауть и заутъ; въ трубчевскомъ говорѣ также «заутъ» (1782. $^{15}/_{6}$. 320 и 321).

На вопросъ: «Какъ зовутъ?» нерѣдко предлагаемый гадающими на святкахъ, существуетъ уличный скабрезный отвѣтъ, начало котораго: «Минѐ заўть заўткой» . . .

Н. Поднятіе согласныхъ:

игрýша — груша (плодъ и дерево): девяносто шесть пудъ игрушъ сушеныхъ (Записная книга брянской таможни 1732 года, ст. 5: древній архивъ городской управы)

алленóй — льняный: платокъ алленой (1794. 25. 521); холста алленаго двадцать аршинъ, алленыхъ три рубашки (тамъ же, 579)

ввездѣ (1780. 5. 722)

ввесь и увéсь — весь: приказала хлѣбъ выгребать ввесь безъ остатку (1779. 1. 670)

ввойтѝ и увойтѝ: и какъ по пріѣздѣ къ нему ввошли ввызбу (1783. 7. 861); пришли ко оному монастырю перелезли чрезъ заборъ и въ состоящею въ саду баню ввошли . . . (1785. 10. 348); начали въ дверь бить, и какъ оную отбили ввошли въ избу (тамъ же, 778)

вспрашивать (1799. 30. 518 об.), вспросить 509, вспросъ 419

Ильвовъ — Львовъ (1788. $^{48}/_{13}$. 495)

иржѝ (родит. слова рожь): къ посеву іржи (1785. 10. 726об.)

ирванія (рваніе) залóму (Отговорная Книжка Егора Зайцова, стр. 7)

Иртищевъ — Ртищевъ (1783. 7. 251)

исполна̀ (сполна̀): такъ въ настоящее время расписываются рабочіе на счетахъ при полученіи денегъ, тоже встрѣчаемъ и въ старыхъ оффиціальныхъ документахъ: ... понеже отъ него толикое число исполна получилъ ... (1786. б. н. 521)

идѣ̀ (гдѣ)

издѣсь (1782. $^{15}/_{6}$. 497об.)

издѣлать (тамъ же, 472)

узвали́ться (взвалиться): бочка и вторично съ саньми узвалилась (1783. 7. 331)

успра́шивать: подошедши къ его лавки, началъ успрашивать (1800. 113—III. 819).

I. Особенности въ спряженіи нѣкоторыхъ глаголовъ. Напримѣръ:

жать (drücken) въ прошедшемъ времени даетъ: жмалъ

ложиться, лечь: будущ. время — ля́жу, повелит. наклон. — ляшъ (ляжь, лягъ)

мыть — мы́ю, атмы́ю

ходить — хадю̀

хотѣть — хачю, хатишъ, хати́тъ, хо́чимъ, хо́читя, хо́чють; хати́тца — хочется; захо́чють...

ѣздить — ѣ́здію, ѣздіишъ, и т. д.

ѣсть (яси): ядю̀, ѣшъ (ѣшь), яди́ть (ѣстъ), яди́мъ, яди́тя, яду́ть: ёнъ ядить и ты́я (аны) яду́ть, а ты бу́дишъ яси̇̀?

J. Употребленіе нѣкоторыхъ словъ женскаго рода въ мужскомъ, наприм.: хва́брикъ (фабрика): «(Процессія) спустилась къ Бѣлому колодезю, поднялась черезъ Нижній Судо́къ къ Красной станціи, и около бывшаго фабрика Но́викова повернула на Горячкову улицу мимо городской больницы». Отмѣченное кавычками вставлено наборщикомъ, брянскимъ уроженцемъ, какъ дополненіе къ статьѣ о крестномъ ходѣ, и взято нами изъ корректурнаго оттиска 33-го нумера Брянскаго Вѣстника 1896 года. Ср.

малороссійское ярмарокъ (Jahrmarkt): «Помяни, Господи, душу раба своего Прокопія, згорѣлого на ярмарки свинскомъ року Бжг̃о 1680 августа 11» (Синодикъ игумена Никодима. Рукопись брянскаго Свѣнскаго монастыря второй половины XVII вѣка, л. 94. — Вслѣдствіе принадлежности сказаннаго монастыря къ Кіево-Печерской лаврѣ, между братіею Свѣнской обители было много малороссовъ, и въ записяхъ приведеннаго помянника сильно отразилась южно-русская рѣчь). «Находится у меня въ городѣ Брянскѣ на конатномъ фабрикѣ» (1800. 113—III. 227). Наоборотъ, слова мужского рода употребляются въ женскомъ: катахва́лка (катафалкъ), младенцу (родительный единственнаго числа).

К. При встрѣчѣ двухъ гласныхъ — выпаденіе (elisio) одной изъ нихъ, второй (послѣдующей). Такъ, говорятъ:

послѣ ’бѣ́да (послѣ обѣда)

рукатцо́хни (рука отсо́хни, клятва)

ни ’днэ́й (ни одно́й)

ни ’дно́hа (ни одного̀)

новокладныхъ: съ того платежа новокладныхъ шесть копѣякъ (Книга кабацкаго сбору брянской таможни: 1732. 2. 6)

на ’горо́дѣ — на огоро́дѣ (1783. 7. 785)

пошелъ отъ него изъ избы на ’горо́дъ (1785. 10. 449)

пить наташакъ по ’дной лошки (Зайцовъ: 22).

зарестова́ть — заарестова́ть (1799. 16. 553 об.)

пакура́тнѣй (по аккуратнѣй), и проч.

И ни ’hонь ихъ, ни пламя не пожигиваетъ (Брянскіе Старцы. Вып. II, 5)

На ’Ѳонскихъ горахъ (Рождественскія раціи и пѣсни)

Вамъ на потѣшки,
А намъ на ’рѣшки (орѣшки) — тамъ же (Сборникъ рацій, писанъ дѣтьми, уроженцами Брянска; находится въ нашемъ собраніи рукописей).

L. Склонность къ удареніямъ на первомъ слогѣ или ближайшихъ начала сло́ва: ве́рнется — вернётся, при́дить — придётъ, бля́шшить — блеститъ, зво́нють — звоня́тъ, ки́пекъ — кишо́къ, при́даное — прида́ное, уһа́ликъ — уголёкъ (во множественномъ: уһа́льля), һу́стай — густо́й, дале́ка — далеко̀, переве́дена (перье́дена) — переведено̀, шо́стай — шесто́й, и проч. Слова иностранныя въ данномъ случаѣ не исключеніе: Бро́каръ, Ра́лле, ка́ссиръ, маһа́зинъ, и проч.

Наоборотъ, вѣроятно для отличія ду́мы, въ значеніи мысли, отъ соименнаго слова, означающаго учрежденіе, послѣднее произносятъ «дума̀».

M. Употребленіе предлога *по* вмѣсто *за*. Такъ, всегда говорятъ: по́ воду, по(па) мя́со, по хлѣбъ, по деньги, и проч. (первый примѣръ серьезно объясняютъ толкованіемъ, что-де за водой не угонишься, не уйдешь, иначе — не сравняешься съ ея ходомъ = теченіемъ). См. E.

N. Употребленіе того же предлога *за* вмѣсто: *о*, *объ*, *про*: Я говорю за домъ — про домъ, о домѣ; толкуемъ за сѣно — о сѣнѣ; успоминаимъ за 'дестъ (за Адестъ, объ Одессѣ), и проч.

O. *Подлѣ* перешло въ *дли*: «привизать на рукѣ дли ладони» (Зайцовъ).

Въ Курской губерніи это сокращенное *дли* произносится — «зли»: молонья этта такъ зли тебя и бьетъ въ воду (Курскія Губернскія Вѣдомости: 1896, 157).

При реставраціи фраза эта должна получить такой видъ: «Мо́лоння этта такъ зли тибе и бъетъ у во́ду» (или быть можетъ съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ: у ваду̀).

P. Звукъ *щ* всегда слышится какъ два *ш*: еще — яшшо̀ и яшшѐ, щи (шти) — шши, ящикъ — яшшикъ, etc. Вщижъ (село Брянскаго уѣзда вверхъ по Деснѣ) въ клировыхъ вѣдомостяхъ мѣстной Георгіевской церкви иногда писалось: «Уши́жъ». Въ такомъ же написаніи оно встрѣчается и въ дѣлахъ стараго архива брянскаго нижняго земскаго суда. Къ слову: *ы* послѣ *щ*

слышится немного рѣзче и острѣе, чѣмъ у малороссовъ, а въ выраженіи: высокій — висо́кай, висачѐнный — и совсѣмъ пропадаетъ, оставаясь лишь въ сравнительной степени обыкновеннаго московскаго го́вора.

Q. Удвоеніе язычныхъ:

и какъ оттворила пуню — увидѣла... (1783. 7. 473)

денегъ четыре рубли педдесятъ копеекъ (1785. 10. 323)

отъ роду ему сорокъ третьтей годъ (тамъ же, 446 об.)

оддохнуть (Авраамій: 199)

R. Отсутствіе евфоническаго *н*: у яһо, у ей, и т. п.

въ его — у него (Авраамій: 259)

въ ее (люстру) свѣчей не ставятъ (ib. 298)

S. Употребленіе творительнаго самостоятельно:

долженъ мнѣ... крестьянинъ Архипъ Егоровъ сынъ Стехинъ деньгами шестью рублями (783. 7. 562)

нѣкоторые русскіе отправились (изъ Іерусалима) въ Россію: мы ими посылали письмы (Авраамій: 280).

T. Повелительное наклоненіе иногда выражается краткою формой, наприм. отъ глагола: вылѣзать — выла́зь, etc.

...Теперь или не женись вовсе, или ищи богатую невѣсту, а женился на бѣдной, ну и зала́зь, какъ сурокъ, въ нору, сиди тамъ и посвистывай, глядя на свои прорѣхи (Курскія Губернскія Вѣдомости: 1895, 225).

U. Замѣна гортаннаго *к* и губного *п*:

х крестьянину (1783. 22/7. 336об.)

хъ Константинополю (Авраамій: 21, 22)

обракинулись мои сани, изъ которыхъ и вывалилась та налитая бардою бочка (1783. 7. 336).

V. Апокопы: рость — расти (неопредѣлен. наклоненіе); Вань, Васи́ль, Гришъ, Григо́рь, дѣвкъ, Нико́лъ, Нюръ (Анна), старухъ: всѣ эти собственныя и нарицательныя имена приведены

въ именительномъ падежѣ единственнаго числа (нѣсколько примѣровъ можно найти въ сочиненіи Д. Се́нчева: «Сама хозяйка». Драма (?). Орелъ, 1897). Въ старыхъ актахъ подобная форма явленіе не рѣдкое:

находящемусь (1782. $^{15}/_{6}$. 472; 1791. $^{59}/_{15}$. 462)
имѣвшіясь при немъ двѣ лошади (1788. $^{48}/_{13}$. 378)
записывающемусь . . . находящіесь (1798. 31. 19, 20)

W. Дѣепричастіе прошедшаго времени принимаетъ окончаніе *мши*:

по морю кияню плывуть 12ть девъ, волоса растрипамши, сами распаясамши (Зайцовъ: 5)
ни пимши — не пивши (ib. 15).

Профессоръ Соболевскій напечаталъ и въ Смоленскомъ Вѣстникѣ програму подобную приведенной у насъ, но туда вошли другіе признаки го́вора. Помѣщаемъ и эти вопросы у себя, въ надеждѣ, что они могутъ быть не безполезны при наблюденіи надъ говоромъ въ западной сторонѣ Брянскаго уѣзда, граничащаго со Смоленскою губерніей.

Вопросы эти слѣдующіе:

1. Какъ произносятся буквы *а* и *я* съ удареніемъ въ словахъ: печаль, опять, стоялъ, стояли?

2. Какъ произносятся буквы *д* и *т* въ словахъ: держать, дѣти, терпѣть?

3. Какъ произносятся буквы *ц* и *ч*, правильно или смѣшиваясь между собою? Если смѣшеніе есть, — въ чемъ оно состоитъ въ употребленіи *ц* вмѣсто *ч* (напримѣръ: пецка, цашецка вмѣсто печка, чашечка), или въ употребленіи *ч* вмѣсто *ц* (чарь вмѣсто царь)?

4. Какъ произносятся буквы: α) *ж* и *з* и β) *ш* и *с*, правильно или смѣшиваясь между собою? Если смѣшеніе есть — въ чемъ

оно состоитъ: въ безразличномъ(?) употребленіи *ж* и *з*, *ш* и *с*, или только въ замѣнѣ *ж* черезъ *з* и *ш* черезъ *с*?

Вторая половина послѣдняго пункта можетъ относиться пожалуй и къ Брянску. Такъ, говорятъ: зя́бры вмѣсто жабры, и (въ Акулицкой волости) шешна́тка (шестнадцатка, бревно длиною въ шестнадцать аршинъ), шишна́тцать слышится иногда и въ городѣ. Другихъ случаевъ говора, показанныхъ въ этой программѣ — намъ неизвѣстно.

Въ дополненіе къ приведеннымъ примѣрамъ, помѣщаемъ нѣсколько словъ брянскаго го́вора, взятыхъ прямо изъ живой рѣчи и изъ письменныхъ памятниковъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы брали даже и такія выраженія, какія служили для обихода нѣкогда, въ свое время, теперь же вышли изъ употребленія, по крайней мѣрѣ намъ не случалось слышать ихъ при разговорѣ.

Аба́хта — см. габва́хта

абза́дя, абза́ди — позади̇

аблама́тъ — дамское пальто покроя (фасона) такъ называемаго «дипломатъ», оно же слыветъ и подъ именемъ «тепломата»

абмишу́литься — обознаться

Аде́стъ — Одесса

адива́нъ — диванъ

аднаѐ и **аднаѐ** — одну̇ (ср. самоё), и въ значеніи нарѣчія «нѣкогда» (однова̇), однажды

ажъ — даже

алва̇ — халва̇

Даютъ понемногу жидкаго меду или по части алвы̇, т.-е. изъ ядеръ орѣховъ съ медомъ (Авраамій: 250)

але́на, але́нка — жукъ-рогачъ

Загадка-каламбуръ: Можно-ли съѣсть огурецъ соленый (подразумѣвается — съ але́ной)?

алты́нникъ — старинная мѣра при продажѣ водки, тоже что нѣкогда крючокъ (1782. 4. 1299 об.)

анагды́сь — недавно

аме́дни и **наме́дни** (оными дни) — недавно, надняхъ

асмётакъ (осмётокъ) — старый башмакъ

атке́ль и **атку́ль** — откуда

атцу́да — отсюда

ачиря́бить — оцарапать; **зачиря́бить** — занозить

Ба́бить — помогать при родахъ, принимать раждающихся младенцевъ

байда́къ — судно мѣстной конструкціи для сплава разнаго товара въ города, лежащіе по теченію Днѣпра, въ который впадаетъ Десна: преимущественно въ Кіевъ, Кременчугъ и Херсонъ

баба́йкя — весло на байдакѣ

бало́нка — оконная рама

Работалъ Свинскаго монастыря у штатнаго служителя Аѳанасья Иванова сына Бибикова, клалъ кирпичную печь и вновъ дѣлалъ пять бало́накъ (1783. 7. 627)

бало́начникъ — столяръ

бара́нчики — первоцвѣтъ

барка́нъ — заборъ (польск. parkan)

баславьѐ (благословьё) — семинаристы, ученики духовныхъ семинарій

баслави́тца — благословиться

баславле́ння — благословеніе

ба́тькина дача — казенный лѣсъ: говорится въ отличіе лѣсной дачи, принадлежащей Петровскому женскому монастырю и носящей названіе «маткиной».

Самовольныя лѣсныя порубки — самое излюбленное и спеціальное занятіе полчинца, незнающаго сохи или какихъ-нибудь ремеслъ. Выйдя вечеромъ на улицу, полчинецъ сговаривается со своимъ сосѣдомъ-товарищемъ о томъ, куда бы отправиться ночью на добычу: въ «батькину» (казенную) или «маткину» (монастырскую) дачу. (Орловскій Вѣстн.: 1895. 16)

бахмара́ и бохмара́ (уменьшительн. бахмо́рачка) — бахрома̀

Въ низу въ два реда алая шолковая бахмара (1800. 32. 186); двѣ бахмары съ золотомъ (ib.)

бе́за, безъ-дре́во — сирень (см. рай-древо)

безымёнка — афиша безъ означенія города (типогр. жаргонъ)

бере́жая — жерёбая

Отпрегли изъ сапей ево лошадь, кобылу серaю, бережаю (1792. 64. 115 об.)

берно̀, множ. берве́нья (берве́ння) — бревно̀, брёвна

бздю́ка — сорная трава, solanum nigrum

б . . дуи́нъ — дамское пальто-бедуинъ, бурну́съ (сзади съ мѣшкомъ на подобіе башлыка); произошло же названіе оттого, что первыя франтихи, рѣшившіяся надѣть это нѣкогда модное верхнее платье, были особы легкаго поведенія

бли́зность

Какъ они живутъ по близности города Брянска (1785. 10. 424)

бля́шшыть — блеститъ

Стѣны обложены бѣловиднымъ мраморомъ, блящетъ какъ зеркало (Авраамій: 214)

бога́чество — богатство

божегнѣ́вный — дурной, дерзкій (прогнѣвляющій Бога)

божье-древо — кустарникъ tamarix gallica.

боль

Какой собственно недугъ надо здѣсь разумѣть — трудно догадаться: въ Отговорной Книжкѣ Егора Зайцова показано только «выжи(га)нія боли». Помѣщаемъ въ алфавитномъ порядкѣ всѣ случаи, въ какихъ видимо прибѣгали къ брянскому знахарю наиболѣе часто (Книжку см. въ приложеніи):

вѣльма [сти(ранія) билма]

водянка (вадиная боль)

глазная болѣзнь (вѣроятно воспаленіе вѣкъ)

грудь — (?)

грызь — грыжа

дыханіе — одышка?

животъ — болѣзни брюшной полости
заломъ: ирванія залому — суевѣрное дѣйствіе
зубная боль: отъ зубъ денной (?)
зудъ у лошади
кровотеченіе: крови заговору
кровь (завалы?): разбитія крови
круги — лишаи
лихоратка
нидугъ (недугъ) — общая слабость, недомоганіе
наносъ
причина, причинка (падучая болѣзнь)
раны на скотѣ
рожа
сиридина — ломота въ поясницѣ

Сильно болѣла середина и животъ (Записки И. Русск. Географич. Общ. по Отд. этнографіи: XXIII. I. 371)

слипота
сонникъ
(укушеніе) гадавины (одговоръ)
(укушеніе) змии
(укушеніе) одурной собаки
халера
халера у коровъ
чемеръ
чисотка

Средства, входящія въ составъ лѣкарствъ Отговорной Книжки:

баранчики (первоцвѣтъ) — primula officinalis
березовыя шишки (почки?) — gemmae betulae
бумага писчая — charta scriptora
бѣлокъ яичный — albuminum ovi
вино (водка) — aqua vitae
волчьи ягоды — daphne mesereum
гурьянъ — sisymbrium officinalis?
гуща хлѣбная
деготь чистый — pyroleum betulae
дискоръ
духъ (баня)
жиръ рыбій — oleum jecoris aselli
заячьи уши (ландышъ) — convallaria majalis

икра лягушиная (лягушечья)
калганъ — rhizoma galangae
квасъ обыденный
квасъ овчинный
козелецъ: взять травы казлица — caltha palustris
конопля сырая — cannabis sativa
крапива — urtica
крушина — rhamnus frangula
купоросное масло — acidum sulfuricum crudum
лопухъ — radix bardanae
масло деревянное — oleum olivarum viride
медунишникъ — pulmonaria officinalis
молоко свѣжее — lac vaccinum
мука овсяная — farina avenae
муравьиная куча
муравлиный спиртъ — spiritus formicarum
одоленъ — nymphaea alba

Трава — *одолень* одолѣваетъ всякое зло и всякую чару; въ одномъ заговорѣ разсказывается, что эту траву поливаютъ *дѣвки простоволосыя, бабы самокрутки,* т.-е. вѣдьмы (Комета. Учено-литературный альманахъ. М. 1851. Вѣдунъ и вѣдьма. Сочиненіе А. Н. Аѳанасьева, стр. 126).

Объ одоленъ-травѣ см. еще у Аѳанасьева: Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу. Т. II, стр. 416 и слѣд.

У сербовъ народное повѣрье равно приписываетъ этому растенію чудодѣйственную силу. Такъ, одно стихотвореніе заканчивается слѣдующимъ увѣреніемъ поэта:

... Odoljen joj za pojasom:
Nemogu joj odoljeti —

и къ нему авторъ дѣлаетъ такое поясненіе: Одоленъ или одолянъ — какая-то трава, о которой поется (въ народныхъ пѣсняхъ?):

Da zna ženska glava,
Što j' odoljan trava,
Svagda bi ga brala,
U pas uživala,
Uza se nosila.

(Kriesnice. Spjevao ***, izdao Abel Lukšic. Карловацъ, 1863. Кн. I, ст. XVII: Dika biljarica, стр. 34 и 104)

одномѣсячная трава (золотолистникъ) — chrysosplenium alternifolium
ольхо́вый листъ — alnus glutinosa
на́пертникъ (папоротникъ) — rhizoma filicis maris
пемпелій, пимпилей (бедренецъ) — pimpinella saxifraga
раковыя шейки (змѣевикъ), рачки — polygonum bistorta
сало несоленое, свѣжее — adeps suillus recens
сахаръ — sacharum album
сахаръ очной — zincum sulfuricum
трава — цвѣтъ двойной, бѣлый и желтый — (?)
тѣсто дежное
черви рыбьи — vermes (кл. nematodes)
щавель конскій — rumex aquaticus
яворъ — acorus calamus

борово́къ — небольшой берестяный кузовъ

бра́корь и **бра́куръ** — браковщикъ, сортировщикъ

На вышеписанное сосновое мачтовое деревье сего 1785 года отъ него Кулешевскаго присланъ былъ для принятія ризъской немецъ бракуръ Иванъ Даниловъ сынъ Веклевъ (1785. 10. 354)

Ры́ской (рижскій) бракорь (1799. 33. 172)

бреве́нья (множествен. отъ: берно̀, бервяно̀) и **берве́нья** (бервення)

брыть — брить: бры́ю и бро́ю; бры́ишъ, бро́ишъ; бры́итъ, броитъ

По опредѣленію уманскаго окружнаго суда, отыскивается... крестьянинъ примѣтъ слѣдующихъ:... лицо чистое (броется). (Кіевскія Губ. Вѣдомости 1899, 1)

бу́йный — крупный

букъ — кадка съ однимъ лишь дырявымъ дномъ, служащая для *бученія* въ ней бѣлья, что дѣлается пересыпаніемъ его золою и наливаніемъ кипятку, послѣ чего бѣлье прополаскивается въ холодной водѣ; букъ — выраженіе равносильное «большой стиркѣ»

бѣгать даетъ въ будущ. времени: **побѣга́ть** (побѣгутъ)

бува́ть — бывать

бума́жка — кредитный билетъ рублеваго достоинства

бурдо́вый (цвѣтъ) — bordeaux; бурдо́венькій; есть зеленый бордо

бы́рка — ягненокъ

бѣлое вино — виноградное, все равно какое — красное-ли цвѣтомъ или съ желтоватымъ оттѣнкомъ

бѣчь — бѣжать: бѣ́гли — бѣжали, побѣги́мъ — побѣжимъ

Куда босымъ бечь (1792. 64. 126)

Ва́бить — подвывать (на охотѣ за волками)

вага́ — орудіе для подъема экипажа

ва́ги — вѣсы большіе, въ отличіе отъ малыхъ, называемыхъ «тереза̀»

ваде́нь (воде́нь) — слѣпень, оводъ, крылатое насѣкомое; множествен. ч.: вадни̇̀

ва́жить — вѣшать что либо для опредѣленія тяжести

валъ — кастрированный быкъ

ввездѣ̀ и увездѣ̀ — вездѣ

Ввезде-ль (1802. 35. 95)

ввесь — весь, переходъ отъ мѣстнаго простонароднаго «уве́сь» (съ краткимъ ў) къ говору мѣщанскому (см. Брянскій Вѣстн. 1895. 59, стр. 462 и 463)

вда́рить — ударить

Вдругъ меня вдарилъ подгласъ (подъ глазъ) (1800. I. 428)

верстный столбъ (1799. 16. 412)

взарезо́нъ (ср. конструкцію слова заподлицо̀)

Представляя взарезо́нъ (1782. 15/6. 285 об.)

ви́нность — виновность, вина

Безъ всякой моей винности, сволоча съ санеи начали большими дрючьями бить (1783. 7. 178)

взи-взи — науськиваніе собаки (сокращенное «возьми»)

визля́къ — узелъ

виръ — водоворотъ, глубокое мѣсто въ рѣкѣ или озерѣ: «вертись у виръ на дно» — выраженіе равносильное: убирайся или ступай къ чорту, къ лѣшему, и т. п.

вирябе́й — воробей

висилёкъ, висильки — василекъ, centaurea cyanus
виски — волосы на головѣ у висковъ
Вихліемъ — Виѳлеемъ

(Въ) Вихлиеми ангилы согласно пѣли (Рація)

влицахъ — налицо, въ наличности (1798. 31. 183)
вмѣстяхъ — вмѣстѣ
внатóпъ: мѣра гречихи внатóпъ — гречиха насыпанная съ придавливаніемъ рукою, притоптанная
вов — въ; см. у
возгря — сопля; возгривый, возгрякъ
вóлна — шерсть для пряжи
волфъ — волхвъ

Звезда надъ вертепомъ селетъ,
Волфамъ путь евлястъ,
Волфы же пріидоша,
Чесны дары принесоша (Рація)

воловскіе орѣхи — грецкіе, по больше слывутъ подъ именемъ «кіевскихъ» (воловскій — волошскій; ср. Роговская застава — Рогóжская, въ произношеніи московскомъ мѣщанскомъ)
вóпухъ — опухоль
воркъ

Въ томъ селѣ съ ворку украдена лошадь... съ того-жъ ворку украдена и другая лошадь (1779. 1. 690)

вóтче — отче (см. Марéя)

Знаешь-ли Вотчу? (молитву Господню)

вóстравъ — островъ
воскли́кнуть — окликнуть

Воскликнули етихъ девъ, стали ихъ спрашавати, etc. (Зайцовъ: стр. 7)

впереди́ть — упредить

И я подвигался впередъ и желалъ впередить весь народъ (Авраамій: 284)

впова́ть — уповать

Все плаколи, радали,
На царя Ирода вповали (Рація)

впро́тивъ

Не впримеръ толше впротивъ меры (1802. 35. 385)

вса́дное мѣсто — усадебное (ср. верстный столбъ, дворная собака)

вспра́шивать

Крестьянинъ Ахошинъ и однодворецъ Исуповъ въ дополненіе вспрашиваны (1796. $^{95}/_{14}$. 13)

вспроси́ть

Кому болши дано, больши и в'спросится (Раймунда Люлія: Наука кабалистичная. Рукопись курскаго извода (1742 года), л. 296 об.)

вспросъ (1796. $^{95}/_{14}$. 9 об.)

встрѣва́ться — встрѣчаться

Съ нимъ нигдѣ не встрѣвался (ib.)

ву́ха, ву́хи — у́хо, у́ши

вшивая поты́лица — брань дѣтей

вы́гонки — бѣгъ взапуски, на перегонку (на вы́гонки)

всплaро́діе — такъ нѣкогда при титулованіи произносилось «высокоблагородіе»

выла́зить пчелъ, вылазеніе пчелъ (1794. $^{80}/_{1}$. 125)

вы́спитки и вы́спятки (говорится также и **успя́тки**)

...а меня незнаемо за что начали бить сперва въ рожу, а потомъ своля съ ногъ — выспитками безъ всякаго милосердія (1783. 7. 248 об.)

Объявилъ, что отъ бою выспитками грудью боленъ и дыханіе имѣеть чежелое (1782. $^{15}/_{6}$. 516); выспитками били (1794. $^{80}/_{1}$. 128)

вы́ступки — тоже что выспятки

Билъ выступками (1800. 113—III, 820)

высѣда́ть — становиться сѣдымъ (1800. 32. 165 об.)

вы́ѣхано

Какъ мною выѣхано было = когда я выѣхалъ (1800. 113—III. 194)

вѣ́нчанье — вѣнчаніе (таинство бракосочетанія)

√ **вѣсти́мо** — извѣстно

вязъ во множествен.: **вязья** (вязьё?)

вѣтеръ московскій — сѣверный

вярьги — варежки: вязёнки съ вярьгами (1794. $^{80}/_{1}$. 328)

Г — предлогъ къ: г барину (1783. $^{23}/_{7}$. 251 об.)

габва́хта — гауптвахта

гава́зъ — кавасъ

...(консулъ) послалъ съ нами своего гава́за указать мѣсто. Гава́зъ зашелъ къ турку, и проч. (Авраамій: 68 и 84); гава́зы (ib. 284, 299)

га́врикъ — простофиля

га́лка — шарикъ, по большей части стеклянный, употребляемый дѣтьми какъ игрушка

гамазе́я — магазинъ (казенный соляной; въ другихъ случаяхъ: мага́зинъ)

га́пелька — мочка для застежки крючкомъ (петелька)

га́рбузъ — тыква

гармиза́ пуза́тая — насмѣшливое прозваніе солдатъ гарнизонной роты, нѣкогда бывшей въ Брянскѣ (ихъ же называли: ки́сла шерсть, ки́слая муни́ца и крупо. .ры)

гаро́фина (гаро́хвина) — горо́шина

гвалтъ — насиліе (польск. gwałt)

...почему я видя отъ оныхъ нападчиковъ Фо́рниковыхъ немилосердной бой — закричалъ гвалтъ (1783. 7. 178)

ги́цаль (ги́цель) — нижній полицейскій служитель, нѣкогда ходившій по городу съ пикою для прикалыванія бродячихъ свиней

глазо́къ — цвѣтной камешекъ въ какой либо ювелирной вещи: перстенекъ съ глазкомъ, сережки, и проч.

гла́сится — слышится, **погла́силось** — послышалось

глей — илъ

глёкъ, множ. **глёки** — глиняный кувшинъ

гли́ва — одинъ изъ видовъ груши

глону́ть — глотнуть, **прогло́нутъ** — проглоченъ

глыбо́ка, глы́бка, глу́бка — глубоко̀, **глы́бя** — глубже: рыба и́шшыть идѣ̀ глы́бя

гнуться: нагина́ться (нагибаться)

гаво́рить — говоритъ (Акуличи)

го́дя и **го́ди** — довольно

голоси́ть — плакать

голубе́цъ — намогильный памятникъ большихъ размѣровъ, иногда ввидѣ часовни, съ иконою внутри и теплющеюся тамъ лампадою

Въ статьѣ Н. В. Покровскаго: «Церковная старина на ярославскомъ археологическомъ съѣздѣ» упоминается рефератъ В. В. Суслова о деревянныхъ храмахъ южной полосы Россіи въ сравненіи съ церквами Россіи сѣверной, причемъ докладчикъ, на основаніи историческихъ данныхъ, высказалъ предположеніе, что тамъ «не было своего искусства, не было храмовъ: ихъ замѣняли голубцы, т.-е. часовни при кладбищахъ». (Христіанское Чтеніе: 1888. I—II, стр. 41)

го́лубъ (голубь), го́луба, го́лубу...

го(а)нти́на — деревянная плашка опредѣленной мѣры

Купилъ гонту для дору, три тысячи гонтинъ (1799. 16. 440 об., 446)

гонтина — часть кряжа, изъ которой выдѣлываютъ доръ

гоня́ть: говорится о плотахъ, нагружаемыхъ разнымъ товаромъ и сплавляемыхъ внизъ по Деснѣ

горла́чъ — глиняный кувшинъ

го́рница — комната

горячку пороть — торопиться

гра́боръ и **гра́баръ** — землекопъ

Грабору Малинину (Отчетъ по брянской Могилевцевской больницѣ. 1898, стр. 14)

гра́дскій — городской

гре́бовать — брезговать

грози́ть — какъ глаголъ дѣйствительный

Оне хотя воспользоватся отпятием (кулька) угражывали оного крестьянина сечь кнутьемъ (1792. 64. 115)

гру́ба, **гру́бка** — голландская печь

гу́да и **гу́та** — стеклянная фабрика (Hüte)

гукъ — выпь (птица)

гу́стай — густой

гу́тарить — бесѣдовать въ смыслѣ plaudern, калякать

Дале́ка — далеко̀

дале́че, недале́че (Авраамій)

дать: дади́шъ, дади́ть — дашь, дастъ; **даси̇́** — дашь-ли? (Полпино)

двойникъ — чугунная гиря въ два пуда

дворе́цъ — постоялый дворъ

До дворца называемаго Киселевки (Мглинской округи) (1799. 16. 962)

дворна́я собака — дворовая, дворняжка, въ отличіе отъ комнатныхъ или употреблявшихся для охоты

Две дворныхъ сабаки (1792. 64. 117; 1800. 113—III. 266 об.)

Кстати небольшая справка о выраженіи «дворовый». Эпитетъ этотъ имѣлъ значеніе при крѣпостномъ правѣ, когда различались *крестьяне* и *дворовые люди*, что было далеко не одно и то же, и тогда какъ собственно крестьянинъ (мужикъ) находился въ деревнѣ, за околицей барскаго дома, занимался земледѣліемъ, и проч., заботясь о себѣ самъ дворовый *человѣкъ*, состоя въ штатѣ дворни, личной прислуги барина-помѣщика, получалъ отъ послѣдняго платье, мѣсячину (паекъ), а иногда и жалованье. До сихъ поръ этотъ историческій остатокъ живетъ въ названіи слуги «человѣкомъ», чего нигдѣ нѣтъ, ни у одного народа.

«Брянскій помѣщикъ майоръ Сергѣй Ивановъ сынъ Пофисневъ, объявляя, что имѣетъ онъ съ двумя малолѣтными его дѣтьми отправиться для богомолья въ малороссійскіе города: Кіевъ, Лубны, Переяславль и въ Ахтырку въ шести повозкахъ на девятнадцати лошадяхъ, и беретъ съ собою *дворовыхъ людей* и *крестьянъ* четырнадцать человѣкъ и женщинъ четыре, всего осьмнадцать человѣкъ (слѣдовало сказать: «душъ»), проситъ для свободнаго проѣзду въ оные города и обратно до города Брянска дать ему билетъ». (1799. 16. 661: статья. 1282)

дере́вье

...рублинаго крестьянами моими сосноваго мачтавого деревья и протчие машътовое деревье (1785. 10. 354); см. бра́куръ

ди́рькя (ды́рка), **диря̀, диря́вай**

дли — по́длѣ

Привизать на рукѣ дли́ ладони (Зайцовъ: 19)

для — тоже значеніе (подлѣ, близь, около)

Онъ стоялъ въ церкви для прав(а)го крылесу (1785. 10. 606)

дабрѐ — хорошо

догна́ніе

Посланы были для догнанія (1785. 10. 447)

доке́ль — докуда

домо́въ (домо́ў) — домой

Хотѣли ѣхать домо́въ (1779. 1. 1234); намѣрены ѣхать домовъ (1799. 16. 708)

доръ — дрань, особый сортъ досо́къ

до́рья — сдѣланная изъ до́ру, дра́ни

Небольшая крыша до́рья (1786. б. н. 431 об.); на оном кровля дра́нья (ib. 470)

доска̀ — подносъ

Досто́къ серебреныхъ большихъ (1793. б. н. 370: По сообщенію московскаго намѣстническаго правленія, о розыскѣ покраденнаго у примеръ-маіора Варпаховскаго)

доска̀ въ уменьшит. даетъ: **до́сточка**

дра́гко — тря́ско (дрожать, трястись сидя на телѣгѣ во время ѣзды по дурной дорогѣ)

дражни́ть — дразнить

дочь: винительн. — **до́черю**

...и съ тою женой прижилъ дѣтей: дочерю Анисью и сына Василія (1793. б. н. 48 об.)

дрожъ (м. р.) — дрожь

Какъ сказали: «милку зда́ли»,
Неживую мне падня́ли,
Какъ сказали: «милка гожъ»,
Бизъ марозу пронялъ дрожъ, и проч.
(Брянская дѣвичья приѓудка)

[Ср. въ комедіи: «О, время!» — Ханжихина: «Какъ шестнадцатымъ-то я была брюхата, такъ злые люди выкрали ребенка, а вложили камешекъ, и я помню, съ какимъ великимъ болемъ его родила»... и проч. (Соч. Императрицы Екатерины II, ч, 2, стр. 53)]

дру́жка — что либо одинаковое въ смыслѣ па́ры
друже́нчики — другіе, вторые; см. перве́нчики
дро́бный — мелкій
дубьѐ — именит. множествен. отъ слова «дубина»
духови́тый — ароматный
духъ — баня

Можно растираца у духу̀; можно мазаца у духу̀ (Зайцовъ: 15, 25)

ду́шаль — производное отъ *душа*, и употребляется въ такомъ значеніи, когда служитъ эпитетомъ человѣка дорогого, драгоцѣннаго

Кала сада зелено́ва,
Ранымъ - ра́на, зелено́ва,
Кала сада зелено́ва,
Ду́шаль мой.
Ясна́й сокалъ аблита́ить,
Ранымъ - ра́на, аблита́ить,
Ясна́й сокалъ аблитаить,
Ду́шаль мой, и проч.
(Брянская свадебная пѣсня)

дю́жа и **ду́жа** — очень
дяко́пъ — декоктъ
Екипа́жъ — багажъ, кладь

Сундукъ съ екипажемъ (1804. 130—I. 352)

е́тотъ, е́та (е́тая), **е́то** (е́та, е́тта, е́ттая), **е́ты**

Еты сани наши (1783. $^{23}/_{7}$. 252)

Жадо́ба (общ. рода) — жадный
жа́лась — жалость (также произносится: ми́лась, ми́ласливай — милость, милостивый; па́кась — пакость, и проч.)
жа́литься — жаловаться: жа́люсь, жалисся, жа́литца . . . жа́лютца

Въ Кіевѣ облюбованными мѣстами отдыха служатъ Николаевскій скверъ и Царскій садъ... это цѣнные резервуары чистаго воздуха... Между тѣмъ посѣтители Николаевскаго сквера жалются на то, что туда нѣтъ даже охоты ходить (Кіевлянинъ: 1900. 209)

жалковáть — тосковать по комъ

... Онъ (женихъ - имя рекъ) думалъ што кукушичка кукуить,
Ано ето Марьюшка жалкуить
Па сваей па радимай матушки.

(Изъ брянской свадебной пѣсни)

жвать, жву — жевáть, жую

жеребьёкъ — осколокъ чего либо (ср. Scherbengericht)

живúка — ягода (rubus frusicosus, vulgaris s. nigrum)

жерелò — отверстіе, какъ бы горло (ср. ожерёлокъ — ошейникъ)

жúжа — огонь (дѣтскій жаргонъ)

желвáкъ — круглая твердая опухоль

жировáть — играть, рѣзвиться

жлýкты

... представленнои же са мной десять штукъ чугуна — тожь некралъ, а показанной чугунъ находится оной деревни оного-жь помѣщика Гончарова вообще съ крестьянами для клажи во время лѣтнія (лѣтнее) рубашекъ въ жлукты, и одинъ увъ одного беремъ когда кому занадобнтся (1783. 7. 498)

жмать, вы́жмать, жиманýлъ (существ.: жмáка, жмáки)

Взять рыбьихъ червей, выжмать дрянь... (Зайцовъ: 21)

жóравъ — журавль

З — изъ

'з-подъ кáменя

заговáлина — завáлина, земляная нáсыпь

загнéтка — отдѣленіе въ русской печи на шесткѣ, куда загребаютъ уголья (жаръ) послѣ того какъ печь истопится (тоже что печурка)

закýтать и **закутáть** — затворять

заливáться, залúться — тонуть, утонуть

Мы съ тобой
Какъ рыба съ водой:
Я на ледъ,
Ты подъ ледъ,
Я буду рыбку ловить,
Ты будешь чертей кормить,
Ты будешь заливаться,
Я буду смѣяться.

(Изъ остословія школьниковъ)

зальни́къ — см. мочтавщи́къ

зама́шка — привычка (подразумѣвается дурная); по́сконь (cannabis sativa)

за́меть — мете́ль

Въ тотъ день былъ великой морозъ и съ заметью, то и полагаю, что смерть ему приключилась отъ стужи и замети (1808. 150/48. 61 об. и 62 об.)

замола́живать — заволакивать облаками

занима́ться — начинаться (о зарѣ, о пожарѣ)

запаса́ться: прошедш. время — **запаси́лся** — запасся

за́понъ — передникъ съ нагрудникомъ (фартухъ)

заподлицо́ — вровень

заробля́ть — зарабатывать

заска́бить — занозить

заскаря́бить — то же значеніе

застекли́ть — вставить стёкла

Въ центрѣ прожекторовъ находится отверстіе, застекленное синими стеклами (Приазовскій Край: 1896. 313)

звя́кать — бряцать чѣмъ либо металлическимъ

зика́ть — быстро бѣгать (говорится преимущественно о коровахъ и телятахъ, которые зикаютъ отъ зуда, производимаго у нихъ зародышами овода, обыкновенно кладущаго свои яички на спинѣ этихъ животныхъ)

Въ польскомъ языкѣ есть существительное giez и глаголъ gzić się, употребляемые и въ примѣненіи къ людямъ. Такъ, наприм., въ комедіи: «Z chłopa król», напечатанной въ Краковѣ въ 1637 году, читаемъ:

. . . . Pódźmyż do Kozaków!
Jako żyw nie widziałem, dziwniejszych ja żaków.
Ni twoje bydło kiedy lecie idzie z pola,
Gzi się by je trząsł djabeł, podniosłszy chochoła,
Gdy je sieką szerszenie, lub muchy, lub bący,
Tacy właśnie gdy sobie podpiją kozacy,
Taki giez gdy już w polu nadchodzi potrzeba,
Lecz jeszcze więtszy, kiedy najedzą się chleba.

Къ слову giez К. В. Вуйцицкій дѣлаетъ такое примѣчаніе: Robak, który bydłu i koniom latnią dobą najwięcéj dokucza;

wtedy z podniesionym ogonem w górę lata jak szalone bydle. Stąd przysłowie u ludu: «*Gzić się*», biegać na hulankę, albo i przewracać się w parze. «Napadł go giez», gdy kto lata bez ustanku, więcéj po szalonemu, niż po ludzku. (Teatr starożytny w Polsce. Kazimiérza Władysława Wójcickiego. Варшава. 1841. II, стр. 86).

зовъ, родительн. пад. — **зву**

Пилъ-ли онъ по зву ево, Петра, въ питейномъ домѣ... (1790. 56/11. 42 об.)

зубарёвы дѣти — зубы: черезъ тынъ Зубаревымъ дѣтямъ хлѣбъ бросать — ѣсть (школьный жаргонъ)

зъ — съ

Зъ зятемъ своимъ, ундеръ-летенантомъ (1785. 10. 510)

зю́зя — холодно (дѣтскій жаргонъ)

зя́бры — жабры

Иди́ть (и **ити́ть**) — итти, **при́дить** — придётъ, **приди́ть** — притти, **уйди́ть** — уйти, и т. дал.

Оная земля состоитъ теперева противъ самые ворота итить в городъ (Данная по Царскому указу 1685 года калужскимъ воеводою С. Дехтереву на мѣсто въ Калугѣ возлѣ Ильинской башни. — А. П. Маркевичъ: Калужскіе купцы Дехтеревы. Одесса. 1892, стр. 60).

игру́ша — груша (дерево и плодъ)

извине́ніе — явка съ повинною (1799. 16. 268 об., 329 об.)

извиниться — сознаться въ преступленіи

Оного вора Пѣтухова, кой въ кражѣ пожитковъ и денегъ извинился, за то ево воровство, и проч. (1786, б. н. 382)

извиня́йте — такова форма вм. обычнаго «извини́те»

и́зобъ — родительн. множественнаго отъ слова «изба̀» (1798. 31. 201, 208); **и́зобка** — избушка

изойти — найти (1800. 113 — III. 41)

изслѣдовать — найти по горячимъ слѣдамъ

Въ самоскорѣйшемъ времени ихъ изслѣдовать (1785. 10. 430)

изъѣхать: настигнуть, застать дома, и проч. (1779. 1. 1225; 1794. 25. 160; 1794. 80/1. 12; 1799. 16. 487 об., 685, 737, и др.; 1801. 36. 715...)

имра́къ — имярекъ (имя рекъ, сказавъ имя или фамилію)

Такого-то времяни родился сынъ имракъ (форма, по которой составлять родословныя дворянскія книги: 1800. 113—III. 879 об.)

имянинникъ — особый пирогъ, подаваемый послѣднимъ блюдомъ на поминальномъ обѣдѣ (на заѣдки), причемъ пирогъ этотъ не рѣжется на куски, а непремѣнно ломается кѣмъ-либо изъ участвующихъ, лицомъ наиболѣе почетнымъ: священникомъ, старшимъ въ семьѣ, и т. п.

инжи́ръ — винныя ягоды

интересное дѣло — гражданскій искъ, какъ сопряженный съ имущественнымъ (денежнымъ) исходомъ (въ отличіе отъ дѣлъ челобитчиковыхъ, иначе—уголовныхъ) (1800. 113—III. 56, 57)

иртови́на — санный полозъ

и́рты — лыжи

Каву́нъ, кавуны̀ (также и кау́нъ, кауны̀) — арбузъ, арбузы

каѐ, каѐ-ка — употребляется въ смыслѣ: дай, дай-ка (взглянуть на что, посмотрѣть, и т. п.)

каё-що — кое-что

кажыдёнъ — ежедневно, каждый день

каза́нъ — чугунный котелъ, вмазанный въ печь

Какъ на винницѣ вино отошло, то винокуромъ казанъ и три трубы медныхъ изъ той винницы выломаны (1783. 7. 292)

ка́ливка (ка́лиўка) — ягодка

кали́тка — кожаный мѣшечекъ на поясѣ

каля́ный — жесткій

камари́нъ — аквамаринъ (камень)

камыла́вашникъ — коробка для храненія камилавки

Покрадено: камылавашникъ, и въ которомъ была комылавка бархатная (1785. 10. 348)

камя́га (комяга) — лодка, выдолбленная изъ дуба (дубъ)

И приказалъ два дуба ссѣчь, и ссѣкши стали выдѣлывать камяги (1783. 7. 483 об.)

канбо́й, канбо́йнай — конвой, конвойный

кандёръ — похлебка изъ пшена съ саломъ и лукомъ; говорится также и въ значеніи презрительномъ о какомъ-либо невкусномъ, дурно приготовленномъ ва́ривѣ (жидкомъ блюдѣ)

ка́нуть — ка́пнуть

кара́ндушъ — карликъ, человѣкъ небольшого роста

карва́ть и карава́ть — кровать

карпетки — короткіе мужскіе чулки, носки (польск. szkarpetki)

карти́ньшикъ — продавецъ такъ называемыхъ лубочныхъ (народныхъ) изданій книгъ и картинъ

карто́фъ, карто́фіи — картофель, картофели (1800. 113—III. 545); **карто́ха**

катъ — палачъ

Сообщеніе брянскаго городничаго... при коемъ присланъ доставленный къ нему изъ Орла катъ Веревитиновъ. А по справкѣ, оной катъ потребенъ въ семъ (брянскомъ нижнемъ земскомъ) судѣ для наказанія содержащагося подъ стражею помѣщика Алымова крестьянина.. и проч. (1799. 16. 693 и 734 об.)

катя́хъ — кусокъ конскаго помета (уменьш. катешо́къ)

кау́нъ — см. кавунъ

ка́шни́къ — кувшинъ

кваку́ха — курица насѣдка

квачъ — помазокъ дегтярный

Керсонъ — Херсонъ

ки́сла шерсть и

ки́слая муни́ца — тоже что гармиза̀ пуза́тая (см. это выраженіе)

ки́тка — растеніе frumentum turcicum; въ другомъ значеніи — какъ часть человѣческаго тѣла (мики́тки, подъ мышками)

На правомъ боку подъ киткою бѣлое пятно (примѣта) (1794. 25. 699 об.)

кіевскіе орѣхи — грецкіе

кіюшка — палка съ толстымъ корневымъ концомъ, употребляемая для игры деревянными шарами («въ кіюшки»)

кла́деный — кастратъ

класть (класъ) — положить; покла́дено — положено

кликату́ра — карикатура

кли́кать — въ значеніи звать, призывать, хотя глаголъ этотъ относится собственно къ животнымъ

...Начели ея кликать, и по многократномъ кликаніи некокого отзыва не получили (1792. 64. 4)

Приводимъ клички собакъ, наиболѣе употребительныя въ Брянской мѣстности: Арапка, Арапъ. — Барбосъ, Бо́брикъ, Босой, Бѣлый, Бѣ́льчикъ. — Валетка, Венерка, Волчо́къ. — Дамка. — Жучка, Жучокъ. — Зёлка. — Кабыздо́хъ (кабы — еслибы издохъ), Какба́съ (какъ васъ), Кудла́шка. — Лётка, Лю́тра. — Мальчикъ, Му́рза, Му́рзикъ, Му́шка. — На́йда. — Османъ. — Полканъ. — Рябчикъ, Рябый. — Соловей, Сѣрый. — Туманъ. — Цыганъ. — Черный. — Шарикъ. — Въ Черниговѣ былъ песъ съ кличкой «Купонъ», а въ м. Любечѣ кликали одну собаку «Букетъ».

клу́ша — молодая галка

ковы́риться: лошадь ковырится — медленно пятится во время испуга, отступаетъ какъ бы упираясь

ко́е-какъ да каё-какъ — выраженіе равносильное: такъ-себѣ, сойдетъ какъ-нибудь, и т. п.

ко́е-что да каё̀-что — что-нибудь

козёлъ — прасолъ, маклакъ, перекупщикъ, коммиссіонеръ, и проч.; одинъ изъ играющихъ въ лапту

козы́рныя сани — съ высокимъ задко́мъ, на подобіе козыря нѣкогда дѣлавшагося въ платьѣ, высокаго воротника скошеннаго кпереди (ходить козыремъ — ходить нѣсколько отвалившись назадъ)

козю́ля (казюля) — змѣя

Прилетѣла сѣрая утица, скинулась дѣвушкаю и ускачила у вызбу (sic). Иванъ Царевичъ бросился и схватилъ не; ана удрухъ издѣлалась казюлію (Курскій Сборникъ. 1903. IV, стр. 86)

ко́ка съ сокомъ — похвала, иногда въ ироническомъ смыслѣ

колесный секлетарь и колесный слесарь — насмѣшка надъ чванящимися своимъ чиномъ

колкале́цъ — предсмертный хрипъ

ко́лкалъ — колоколъ, **колкальня́** — колоко́льня

колони́ка — простой деготь, въ отличіе отъ чистаго, лучшаго качества

ко́лье, ко́льемъ — см. ободья

ко́лькя — сколько (николькя — нисколько)

кольцона

Парта — растетъ по песчанымъ мѣстамъ... брать въ день св. муч. Агриппины іюня 23 дня сквозь серебрянную кольцону

кома́ръ — комаръ (есть фамиліи Комарёвы и Комаровы)

комве́ртъ, комъвертъ и кувертъ — такое написаніе встрѣчается въ старинныхъ бумагахъ множество разъ

кони́ться — бросать жребій (же́ребій) передъ началомъ какой-либо игры, наприм. при игрѣ въ лапту (мячъ) — кому быть ма́тей, сы́нчей, козломъ, и т. п.

коноста́съ — иконостасъ (1785. 10. 486)

копеечникъ — старинная мѣра водки при розничной продажѣ, крючокъ (небольшой ковшикъ), емкостью содержимаго со стаканъ и стоившаго одну копейку

Увы, прещастливой старинной ты нашъ вѣкъ.
Вино тогда вездѣ курили невозбранно,
И пили оное всѣ люди безпрестанно:
За деньгу чарочка, копеечка стаканъ,
А за три денежки конечно будешь пьянъ, и проч.

(Пьяница (елегія): И то и сьо. 1769. Августъ. Тридесять-вторая недѣля)

копе́ица — одинъ изъ особыхъ ударовъ при игрѣ въ свайку

копъе

Съ великого озарту копъемъ ткнулъ меня въ лицо (1783. 23/7. 461)

копы́лъ (множ. копы́лья) — шипъ, служащій для прикрѣпленія полозьевъ къ кузову саней

корава́ть (карава́ть) — кровать (1799. 16. 870 об.); корвать (Авраамій: 274)

корень: родит. п. **ко́реня, ко́реней**; покупалъ лѣсъ рубленой съ кореня (1783. 7. 483; 1799. 16. 574 об.; 1808. $^{150}/_{48}$. 363)

коре́цъ, ко́рчикъ — ковшъ, ковшичекъ

корольки — кораллы, бусы

коро́миселъ — коромысло

ко́ропъ — карпъ (рыба)

коси́нка — косынка, половина платка, разрѣзаннаго по діагонали; называется такъ и весь платокъ (отъ складыванія его на́-уголъ)

Двѣ косинки белые тонкого холста (1793. б. н. 540)

косичо́къ — головной уборъ изъ шелковой косынки, сложенной ввидѣ повязки и наколотой на бумагу, откуда другое названіе косичка̀ — **нако́лка**

ко́тная (овца) — суя́гная

коты̀ — кожаная обувь вродѣ башмаковъ, надѣваемыхъ на босу̀ ногу, своего рода туфли, носящія другое названіе — босовики

кочедыкъ — свайка, орудіе для плетенія лаптей

коштова́ть — стоить

Которой приборъ (упряжь) коштуетъ ценою въ полтора рубли (1792. 64. 115 об.)

крандашъ — карандашъ

Крандашомъ записалъ число моего посѣщенія (Авраамій: 253)

красова́ться — любоваться (Авраамій: 243)

кре́йда — мѣлъ (нѣмецк. Kreide)

креса́ло — огниво

кресты̀ — сухое пирожное ввидѣ крестовъ, изготовляемое въ Великомъ посту на четвертой (средокрестной) недѣлѣ

крестья́на — крестьяне (1800. 113—III. 340; 1802. 35. 427)
кре́сьбины (крестбины) — крести́ны
кри́ксы — болѣзненный плачъ грудного ребенка
кровъ (кроў) — кровь
кро́ить — рѣзать
круже́вникъ — крыжовникъ (кустарничное растеніе)
крупо . . ры — см. гармиза̀
кры́га — льдина (польск. kга)
крыть: кры́ю, кры́ишь . . .
крыши́ть — крошить
крѣ́пко — очень, весьма
крючки: алтынный и копеечный — мѣра водки при раздробительной продажѣ (1783. 7. 625); см. копеечникъ
кстить — крестить

«Верба ксти—Богъ прости»: приговариваютъ при ударѣ вербою долго спящаго, небывшаго у заутрени при раздачѣ вербы.

куба́рь — деревянный волчокъ, гоняемый на льду (калужск.: цы́га)
ку́брить: заку́брить, отку́брить — купорить, закупорить
кукши́нъ, кукши́нчикъ — кувшинъ . . . (1795. 26. 371)
ку́лша? (1791. 59/15. 418. 419 об.)
ку́нполъ — куполъ
купля́ть — покупать: купля́ю, купля́лъ, купю
кура̀ — метель
ку́хликъ — глиняный кувшинъ
ку́чери — ку́дри, кучерявый — кудрявый
куши́нъ — кувшинъ
кы́зя — засохшее выдѣленіе въ носу
Ладикало́нъ — одеколонъ (l'eau de Cologne)
ладо́ши — тоже что щеки въ маслобойкѣ
ла́нпа — лампа
ланпа́дъ — лампада, уменьшит. ланпа́дикъ; говорятъ и лампа́дъ . . . (1782. 15/6. 446)

ласкови́тый (о животныхъ) — ласковый, добрый

ла́стовица — ласточка: ла́стовичье гнѣздо (Авраамій: 255)

лата́къ — бревно, выдолбленное по длинѣ и служащее опорою крыши (желобъ)

ла́тки — сласти

леба́стра — алебастръ

ле́крутъ — рекрутъ

ле́нда — лента

ле(ѣ)сиво́й — лѣсной

Въ лесивыхъ дачахъ (1785. 10. 510—511)

лету́щій — летящій

Увидалъ летущую голубицу (Авраамій: 199)

либо́-што — что-либо

лигуши́най — лягушечій

Сукна полоску натиреть лигушинай икрой (и) увертавать опухъ (Зайцовъ: 17)

лито́мія — книга, второй желудокъ у двужвачныхъ

лить: ллю (льлю и ильлю̀), ильлёшъ (ильлешъ), ильлётъ, ильле́тъ . . .

ловя́нный — оловянный, сдѣланный изъ олова

(Въ ружьѣ) . . . на прикладки замка насѣчка ловянная, фастовова винта нѣтъ, и проч. (1804, 40. 353)

ложиться: ляжу

Оной работникъ сказалъ женѣ моей, что-де я пойду затворю ворота и ляжу спать (прошеніе брянскаго купца Я. Ракова: 1800. 113—III. 340)

лопота́ть — говорить несвязно

лузга́ть — грызть подсолнечное или тыквенное сѣмя

лу́нка, лу́ночка — небольшое углубленіе

луска́тикъ — лоскуто́къ

лы́нды-лы́ндать — гулять, лѣниться

лѣ́тось — въ прошломъ году, **лѣтошній** — прошлогодній

люби́стра — заря, люби́стокъ

любо́вый — нежирный (о мясѣ)

лявъ, иногда съ добавленіемъ: ка́ка, и тогда говорится нераздѣльно: ка́ка-лявъ (дѣтск.)

Ср. law на жаргонѣ берлинскихъ мошенниковъ, въ значеніи «ничтожный, нестоющій»: die Sache ist law — изъ этого ничего не выйдетъ, пустое дѣло. — ZIMMERMANN, C. N.: Diebe, etc. 156)

лыко: лычневой (лычневой коше́ль — сдѣланный или сплетенный изъ лыкъ: 1783. 7. 336 об.)

лягу́нъ и **люга́нъ** — самецъ лягушки (слово образовалось по тому же закону, какъ и «со́рокъ», самецъ соро́ки, на чемъ построенъ каламбуръ-загадка: летѣла соро́ка, а за нею со́рокъ: сколько всѣхъ было? Ке́неръ или ке́наръ — самецъ канарейки (кенарки, кинарейки), и т. п. Люга́нъ — отъ брянскаго произношенія лягушки — люга́шка; **лягу́ха** — большая лягушка

Майда́нъ — печь въ землѣ для сидки дегтя

маки́тра и **макатёръ** — большой глиняный сосудъ вродѣ квашни

— Ты бы помогла намъ, говорила ей Соня, усердно растирая въ огромной макитрѣ сладкую массу протертыхъ яблокъ (Курьеръ Торговли, и проч. 1014)

маланння (маланья) — молнія

Ни жги маланьёй (Зайцовъ: 1)

малоимѣніе — малочисленность

Но оне буяновския крестьяне по малоимению госпожи ево крестьянъ отбившись отъ нихъ уехали въ домы свои (1792. 64. 97)

малоро́селъ — невеликъ ростомъ (1792. 64. 32 об.)

маста́къ — мастеръ своего дѣла

матери́къ — твердый грунтъ, до котораго обыкновенно роютъ землю при закладкѣ (возведеніи) фундамента

ма́ткина (лѣсная) **дача** — дача брянскаго Петропавловскаго женскаго монастыря (см. ба́тькина дача)

ма́тя — старшій въ игрѣ

мaхо́тка — небольшой глиняный горшокъ

ме(и)туси́ться

Ребетишки метусились и бѣгали одинъ за другимъ, стрѣвались и расходились подобно муравлямъ (Авраамій: 140)

...Вижу ува снѣ, бутта у насъ какай-та свадьба, а я усё хлапачу сталы накрывать, и за сугатамъ (за шумомъ, за крикомъ отъ множества людей) бутта такъ замитусилася (за хлопотами забылась), што забыла у ваправу (sic) (въ головной уборъ) абрядитца (Курскій Сборникъ: 1903. IV, 60)

мо(а)чтавщи́къ — срубавшій мачтовыя деревья

Означенныя господа Пофисневы сами собою пущали во оныя дачи какъ за(о)льнико́въ, такъ и мочтавщиковъ (1791. 59/15. 5)

машшӑно̀ (можно, мощно?): яму̀ усё машшано̀ — ему все ни почемъ

младолѣтній

...въ домѣ моемъ находился для обученія младолѣтнихъ дѣтей моихъ (1785. 10. 140 об.)

мли́во — существит. отъ глагола «молоть»

Изъ состоящей вѣтряной мучной мельницы въ селѣ Те́меничахъ завезеннаго хлѣба для мли́ва ночнымъ временемъ украдено, etc. (1783. 7. 830)

множественное — многое

Крестьянинъ Петръ Родіоновъ незнаемо съ какими людьми во множественномъ числѣ... (1783. 7. 259)

молоди́къ — первая четверть луны (молодой мѣсяцъ)

молотье (ср. мливо)

Внутри монастыря есть мельница для молотья пшеницы мулами (Авраамій: 217)

мостъ — полъ

Мостъ въ церкви мраморный...; мостъ изъ лучшаго сѣраго мрамора (Авраамій: 116. 134. 171. 211)

мочнѣ́йшій — состоятельный, человѣкъ со средствами, богатый

Почему настояло, чтобы мочнѣйшіе непремѣнно дали скуднымъ по́мочь (1786, б. н. 282)

мочу́лы — мочала (1802. 35—519); съ мочулами (1783. 7. 251 об.), съ мачулами (ib. 252)

мошѐйникъ, мошѐйничать — мошенникъ, мошенничать (Д. Сеничевъ: Сама хозяйка. Драма. Орелъ, 1897, стр. 32; ср. Новгородскій Сборникъ: 1865, I, стр. 284: байный (банный), калужское «ба́енка», уменьшит. отъ баня, и др.)

мура̀ — тю́ря: черствый, черный (ржаной) хлѣбъ, покрошенный въ сырую воду, слегка приправленную конoплянымъ масломъ, рѣпчатымъ лукомъ и солью

муравѐль, муравлѝ, муравли́най — муравей, муравьи, муравьиный (см. у Авраамія подъ словомъ «метуситься»)

муръ — освященный елей: за у̀сѐнишнай му̀рамъ мазали

муса̀тъ — стальной четырехгранный прутъ у мясниковъ для точенія ножей

му̀слить — мусо́лить

мыть (бѣлье на рѣкѣ) — полоскать его послѣ «стирки» и бу̀ченья дома

Дѣвка бѣлье мыла,
Звонко колотила...

(Между прочимъ, на этомъ различіи глаголовъ: мыть и стирать, построенъ каламбуръ, гдѣ meretrix называется прачкой).

мѐрникъ — глиняный кувшинъ, емкость коего составляла 50 фунтовъ конoплянаго масла, продававшагося такъ въ оптовой торговлѣ прежняго времени

Наби́рка — берестяный кузовокъ, съ которымъ ходятъ въ лѣсъ за ягодами; называется также и боровóкъ

на̀балмашъ — не подумавши

набóйкя — крашеный холстъ, крашени̇̀на; дурацкая набойкя — одно изъ мѣстныхъ ругательствъ

навзу̀сть — наизусть

на̀влочка — наволочка (1794. 25. 693)

на̀вье мясо — дикое мясо, нарóстъ; на́вья кость

А празницахъ бутта маленичка палѣпился (полѣпился — почувствовалъ себя нѣсколько лучше во время болѣзни), а съ навьихъ прóватъ опять слёхъ (навьи прóводы — помино-

веніе усопшихъ во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ — радуница. — Курскій Сборникъ. 1903. IV, 57)

нагды́сь (**анагды́сь**) — тоже что намедни, нѣкогда (оными дни: см. Молва 1857. 37, стр. 419); анады́ (курск.)

на́гиль и **на́гель, на́голья** (множ.) — деревянный гвоздь, гвозди (1779. 1. 585)

на́добить — надо (старин. на́добѣ)

называ́ться — предлагать что-либо къ покупкѣ: «Эй, маладица, что курицей называисся: вернись-ка, покажи птицу»

Прибыло много арабскихъ мальчишекъ, назывались камешками (Авраамій: 117)

найде́ніе — отысканіе

И по найденіи слѣдовъ (1783. 7. 830)

Да прошедшего сентебря съ 20-го по 21-е число в ночи украдена-жъ лошадь меренъ вороной, которой следомъ по пахотѣ и найдена деревни Лутовникъ у крестьянина Пипогенова подъ самымъ дворомъ въ конопляхъ къ щиту привязанная, въ которой связанъ былъ ротъ и ноги, и по найденіи оной лошади Пипогеновъ въ кражѣ какъ лошадей, такъ и въ найденіи лошади-жъ признался (1795. 25. 579 об.)

нало́й — аналой

намасты́рь — монастырь

напроку́дить — напроказить, набѣдокурить

нӑра́въ (нъравъ) — нравъ: понӑра́витца, не па нӑра́ву, и т. п., различается отъ произносимаго: «ндравъ», что означаетъ дурной, упрямый характеръ, откуда: «ндра́вный» — человѣкъ строптивый, злой, капризный, и проч.; въ курскомъ говорѣ это передается выраженіемъ «нату́рнай чилэкъ» — упрямый (Курскій Сборникъ: 1903. IV. 52)

наро́жникъ — стропило ребра́ крыши

нарохти́ться — казаться или желать выставить себя не тѣмъ, что человѣкъ есть на самомъ дѣлѣ, а выше, знатнѣе, «мочнѣе»

наря́дное дѣло — все что относится до боя

Пришли съ нарядпымъ дѣломъ, съ ружьями и съ дубьемъ (1779, б. н. 1106 об.)

наугóльникъ — шкапчикъ, приспособленный къ постановкѣ его въ уголъ

нахрáпомъ — насильно, съ дерзостью

...Анадыся пахратамъ запахалъ маю ляху (небольшую полосу земли. — Курскій Сборникъ: 1903. IV. 56). — «Нахрата(о)мъ» — сомнительно, хотя выраженіе это въ такомъ написаніи повторяется далѣе въ Сборникѣ какъ существительное: «На маёмъ вяку знавалъ я многа письменныхъ мужиковъ, а мала исъ каго видилъ путь, — кали ни пьяница, такъ кляузникъ. Ани у насъ на міру перван хардыбаки да нахраты» [ха(о)рдыбаки — грубіяны (фордыбачить — faire la débauche, дебоширить), нахраты — наглые обидчики, присвапвающіе чужое (иначе — насильники): стр. 63, примѣч. 28 и 29].

нéвголосъ — въ полночь, въ глухое время ночи

невѣ́рка — недовѣріе, сомнѣніе

...Мы-жъ невѣркою на оного хозяина Меркулова въ стояніи имъ въ воротахъ не съ подъ видомъ-ли кого къ своду лошадей (1792. 64. 126)

нéколи — некогда

низъ — губерніи, лежащія по теченію Десны и Днѣпра

Самопроизвольно изъ оной деревни бѣжала и пошла съ намѣреніемъ чтобы сойти съ артиллерійскою командою на низъ (1800. 113—III. 154)

никóга — никогò

ни́тной — нитяный (1782. 15/6. 446)

Кто-то съ него взялъ нитнои четки, а на его надѣлъ перламудовыя (Авраамій: 222; послѣднее выраженіе выдержано во всемъ Паломникѣ)

ничóва — ничегò

нóжни — ножницы

нóнича — нынѣ, сегодня

нукштóшъ — ну, такъ что-жь

нѣ́тути — нѣту

нязы́мъ, незымáй — пусть, пускай, ладно, и т. п.

И незымáй-де онъ староста еѣ (дубину) у себя держитъ (1783. 7. 711 об.)

няру́шъ (не рушь) — употребляется какъ предшествующее нарѣчіе, и раздѣльно съ отрицаніемъ не: **ня рушъ** — не трогай

Оббира́ть — обирать

Магазинъ не только ничѣмъ не рискуетъ, а напротивъ — оббираетъ легковѣрныхъ людей (Кубанскія Обл. Вѣдом. 1901. 69)

обдава́ть чай — заваривать его кипяткомъ

Попадья обдала чай, поставила чайникъ на канфорку, прикрыла его полотенцемъ, и проч. (Н. Вр. 7634)

оби́димое

Прошу... обидимое все мнѣ возвратить (1785. 10. 424)

обла́зывать — обмѣрять

Допустили облазывать мачтовыя самыя лучшія деревья (1799. 16. 606)

обле́дица — гололедица

облива́ть — говорится о чаѣ, тоже что обдавать (заваривать кипяткомъ)

обмани́ть — обмануть; обмани́лъ — обманулъ

обмишу́литься — обмануться, ошибиться, принять одно за другое, похожее

обнаготи́ть — обнажить

Раздѣвъ меня обнаготили (1782. 15/6. 517)

обночле́житься — переночевать

И по просьбѣ нашей оной крестьянинъ и пустилъ, гдѣ и обночлежились (1785. 10. 69)

оброчивать себя

Иные (однодворцы), не имѣя никакого почти хозяйства, занимаютъ на платежъ оклада деньги, и чрезъ то весьма за малую цѣну оброчиваютъ себя другимъ въ работу (1785. 30/9. 1018)

обо́дье (именит. множествен.), обо́дья (родит.)

Поѣхали... для смотрѣнія въ сдѣланномъ въ той дачѣ анбарѣ покладенныхъ въ немъ пчельныхъ улей, абодья, санныхъ полозьевъ и вязьевъ (1779, б. н. 1106)

оболо́нка — горбыль, первая доска отъ дерева, лобо́къ

образова́ніе — благословеніе образомъ помолвленныхъ

оброки́нуть — опрокинуть (1782. 15/6. 444)

объ вм. на — при означеніи времени: объ масленой, объ Раштвѣ (Рождествѣ), объ Светой, и проч. (ср. нѣмецк. um)

обыхо́дъ — досмотръ, **обыхо́дчикъ** — лѣсной сторожъ

Былъ я со крестьяны в вобыходѣ (1779, б. н. 986. 987); обыходчикъ (1795. 26. 461; 1808. 150/48. 116)

обыѣ́щикъ — объѣздчикъ, тоже что обыходчикъ (см. выше)

огоро́дникъ

(Земли) подъ селеніемъ и огородниками (1794. 80/1. 150 об.)

одале́нъ — см. подъ словомъ «боль»

одежникъ — (покровитель?)

В томъ домѣ три ангела: первой Исакъ, второй Іяковъ, третій ангелъ шестикрылатой, деной помочникъ, теплой одежникъ, привиликай сохранитель, и проч. (Зайцовъ: 4)

оду́рный — одурѣлый, шальной, взбѣсившійся

ожерѐлокъ — ошейникъ

окорми́ть — отравить; **око́рмка** — отрава

омра́къ — омраченіе

Защити отъ омраку бесовскаго (Зайцовъ: 6)

о́пухъ (**во́пухъ**) — опухоль; употреблялось же нынѣшнее выраженіе въ мужскомъ родѣ

Рука въ дву мѣстахъ пробита, отъ которого бою знатно большой опухоль (1783. 7. 466); ср. дрожъ

оскаря́бить — оцарапать

На правой рукѣ на дву пальцахъ немного оскоребнуто, а на лѣвой ногѣ на колѣнѣ оскорябнуто (1783. 23/7. 863)

ослѣ́довать, ослѣдованіе (1799. 16. 440, 483 об.) — обслѣдовать, изслѣдовать

осме́ркнуться: (мы) осмерклись — насъ засталъ вечеръ (1792. 74. 738)

осою́зить — обшить кругомъ, наприм. валенки осоюзить внизу кожею, и т. п.

осуро́чить — сильно ударить кого-либо: такъ его осуро́чилъ; въ иномъ значеніи употребляется въ Курской губерніи:

Яму и падѣйся зъ гласъ... Антониха асурочила (сглазила) иво (Курскій Сборникъ: 1903. IV. 55)

отдыхновéніе — отдохновеніе (1786. $^{41}/_{2}$. 409)

откры́тка — открытое письмо: выраженіе, получившее право гражданства даже въ оффиціальной перепискѣ

отку́тать (и откута́ть) — отворить, отворять (ср. заку́та — хлѣвъ, помѣщеніе для домашнихъ животныхъ)

орочи́ть — обшить по краямъ

отпуща́ть — отпускать

отрекательство

Во всемъ сдѣлалъ отрекательство (1796. $^{95}/_{14}$. 9 об.)

отрыгну́ть (о растеніи) — оправиться, ожить, дать ростки

отставной козы барабанщикъ — мелкій чиновникъ, человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій, уличный адвокатъ, живущій писаніемъ кляузныхъ прошеній по трактирамъ, и т. п., но желающій иногда задать форсу своимъ якобы былымъ служебнымъ положеніемъ, что-де и онъ былъ не послѣдняя спица въ колесницѣ (обыкновенно писарекъ въ какомъ-либо изъ уѣздныхъ учрежденій, гдѣ можно носить «хворму» и «хвуражку» съ кокардой). Названіе козы взято изъ бывшихъ нѣкогда представленій съ дрессированными медвѣдями, при которыхъ въ качествѣ персонажа «на вторыя роли» состояла коза, что изображалъ работникъ при главномъ поводырѣ; третій спутникъ, если таковой бывалъ, во время представленія билъ въ самодѣльный барабанъ, но музыки этой иногда не случалось, и тогда коза, подпрыгивая, сама била въ лукошко. Коза не всегда однако сопровождала медвѣдя, какъ это можно заключить по святочной игрѣ, зарисованной у Гейслера (Geissler, J. G. H.): Spiele und Belustigungen der Russen, etc. Leipzig. Табл. X, къ статьѣ «Swätki», стр. 27.

отста́вить — оставить

...по челобитью колужанъ посадскихъ людей Тимошки Билибина с товарищи занятъ был и построенъ в Колуге на площади близ города новой москотилной ряд, для того что

в том малом москотилном ряду сидѣть и торговат было негде. И по челобитью уѣздныхъ дворянъ и всякихъ жилецкихъ людей тот новой москотилной ряд отставлен... А нынѣ бьютъ челом... будто... старой ихъ москотилной ряд от их торговли запустѣлъ, и проч. (А. Н. Маркевичъ: Калужскіе купцы Дехтеревы. Одесса. 1892, стр. 68).

отсу́дственъ — назначенъ

...по которому требованію для того слѣдствія отсудственъ былъ оного (духовнаго) правленія присудствующій іерей Іоаннъ Прохоровъ (1783. 7. 395)

отсы́линный (1799. 16. 721) — отсылавшійся

оттворя́ть — отворять

очу́хаться, прочу́хаться — опомниться, притти въ сознаніе, отрезвиться

Па́забника — земляника

палихма́хтеръ — парикмахеръ; порикмактеръ (1780. 15/6. 561)

панкра́тъ (нарицательн.) — думкратъ, орудіе для подъема большихъ тяжестей

паня́ть — погонять, паня́й — погоняй

па́пертникъ, па́парать, па́порŏть — папоротникъ, pteris aquilina

папря́никъ, множеств. папря́нцы — пряникъ, пряники

пасть, па́дать: **па́нить** — упадетъ

патентъ и паке́нтъ — кабакъ, смѣнившій его питейный домъ, каковой нынѣ замѣнила «казенная винная лавка»

Питейные дома въ Брянскѣ носили названія, ставшія историческими. Такъ, недалеко отъ арсенала, у подошвы Покровской горы, при самомъ на нее подъемѣ, стоялъ «Кузнечный» питейный домъ; возлѣ орловской заставы, у Галернаго двора, что нынѣ артиллерійскій складъ, а встарину была верфь гребныхъ судовъ — находился «Морской» питейный домъ; у соляныхъ казенныхъ магазиновъ — «Соляной», былъ «Стрѣлецкій» питейный домъ, «Лубянскій», «Капаны́кинскій», и др.

пате́ньщикъ — кабатчикъ, сидѣлецъ въ питейномъ домѣ

патрахи́ль, патрахе́ль и патрафи́ль — эпитрахиль

патре́тъ — портретъ

пăшăно̀ — пшено, пăшăни́шнай — пшеничный

пеко́та (пяко́та) — зной, жаркій, душный день

пенагоръ (?) съ мусатомъ (1779. 1. 737)

От старого мужика с молодою женкою бываютъ всегда дѣти, но молодой мужикъ с старою бабою такъ пристоенъ, какъ вода въ пинагорѣ (? — В. Н. Перетцъ: Памятники русской драмы. Спб. 1903. 550)

перва́ди́ть — переводить, перезванивать во время похороннаго шествія постепенно въ каждый изъ колоколовъ, начиная съ зазвонныхъ и кончая благовѣстнымъ. Кого переводятъ = кого хоронятъ?

перела́зить — перелѣзать

...гдѣ какіе лежали камни большіе — обходить, а черезъ меньшіе перела́зили (Авраамій: 196)

перве́нчики — первые

пергоро́дка — перегородка

Компата безъ пергородки (Авраамій: 162)

пече́нье — дёрнъ

печури́ца — грибъ, agaricus campestris

печу́рка — см. загнетка

пи́жма — растеніе, tanacetum vulgare

пило́ванный лѣсъ — пиленый, распиленный (1785. 10. 724); также и **пилово́й**

Порублено воровски строеваго и пиловаго лѣса, да несколко крежей (1792. 64. 94)

пи́пухъ, пи́пушекъ — неразвернувшійся цвѣтокъ

пискле́нокъ, пискля́та — цыплёнокъ, цыплята

письмо̀ — оффиціальная бумага

Сего числа входящихъ писемъ неимѣлось (1799. 16. 432; такъ и въ другихъ мѣстахъ журнала)

пи́щикъ — писецъ, писарь (выраженіе это встрѣтилось въ бумагѣ изъ трубчевскаго городоваго магистрата: 1785. 10. 373, но возможно, что оно употреблялось и въ Брянскѣ)

пластъ, пластовая рыба — распластанный на́двое соленый и провяленый судакъ

племе́нникъ — племянникъ

пливути́на и **пливути́нья** — паутина

Во второмъ произношеніи выраженіе встрѣчается въ слѣдующей дѣтской пѣсенкѣ:

Червякъ, червякъ,
Дай (протяжно)
Пливути́нья,
Хамути́нья...

Стишокъ этотъ напѣвается дѣтьми, когда въ какомъ-либо плодѣ попадется имъ червячокъ, который, будучи взятъ большимъ и указательнымъ пальцемъ, спускается съ руки на́земь на своей паутинѣ, тутъ же имъ вырабатываемой. — Ср. малорусскую дѣтскую пѣсенку:

Со́нечко, со́нечко,
Видчини віконечко;
Онъ татари ідуть
И тебе заріжуть.

Эти слова припѣваютъ дѣти, схвативши въ руки насѣкомое «божью коровку», называемую у насъ (?) *сонечкомъ*, и поютъ до тѣхъ поръ, пока она не улетитъ (Черниговскія Губ. Вѣдом.: 1859, VI, стр. 38). — Здѣсь не совсѣмъ опредѣленно выраженіе: «у насъ», такъ какъ пословицы, поговорки, и проч., записаны авторомъ и въ Мелитополѣ (Таврической губерніи) и въ Харьковѣ. Затѣмъ весьма сомнительно, чтобы «ідуть» (собственно должно бы «йду́ть») риѳмовало съ «заріжуть».

Малорусскій стишокъ интересенъ, кромѣ того, по историческому въ немъ элементу (татарамъ), напоминающему подобный же характеръ одной русской пѣсенки. Вотъ какъ А. С. Хомяковъ передаетъ ея содержаніе. Ребенокъ зоветъ другого ребенка въ гости играть и веселиться вмѣстѣ:

Ты куколка, я куколка;
Ты маленькая, я маленькая,
Приди ко мнѣ въ гости, и т. д.

Другой отвѣчаетъ:

Я радешенька-бъ пошла,
Да боюся Тіуна.

Первый возражаетъ:

Ты не бойся Тіуна,
Тіунъ тебѣ не судья;
Судья намъ Владыка.

Замѣчательно такое ясное сознаніе подсудимости малолѣтныхъ епископамъ, а не Тіунамъ: видно, говоритъ Хомяковъ, *мнимый дикарь*, житель русскихъ селъ, прежде эпохи нашего великаго просвѣщенія зналъ до нѣкоторой степени и законы свои и судей своихъ... (Полное собраніе сочиненій: М. 1861, т. I, стр. 482).

Въ Брянскѣ Тіунъ превратился въ *Табунà* и даже въ *Пекунà*.

Ты куколка, я куколка,
Чему вечеръ не была?
— «Я боялась Табунà».
Табунъ тебѣ не судья.
Табунóвы дѣти
Хотѣли летѣти,
Шишелъ, вышелъ,
Родивонъ, поди вонъ.

Слѣдующій варіантъ этой пѣсенки отличается еще болѣе странными выраженіями:

Куколка, я́колка,
Чего долго не была?
— «Я боялась Пекунà».
Пекунъ тебѣ не судья,
Дѣти неладыки.
Лады́кины дѣти
Хотѣли летѣти
Зà море-мóре (мóря),
Въ (ў) церкву Никóля,
Къ медвѣдю на свадьбу:
Медвѣдь меня (= минѣ — мнѣ) дядя,
Лисица — сестрица.

Отмѣченное курсивомъ: «Дѣти нелады́ки» — передаемъ какъ получили въ самой записи, но быть можетъ надо читать: «не лады́ки», что впрочемъ все равно, и вѣроятно выраженіе это образовалось изъ существовавшаго нѣкогда: «Мы дѣти Владыки» (или: «Дѣти мы Владыки», что по ассонансу дало: ... *неладыки*), разумѣя тутъ подсудность мірянъ

епископамъ, компетенцію суда церковнаго. Все это вышло изъ памяти народной, и самый Тіунъ, за исключеніемъ пѣсенки, приведенной у Хомякова, какъ видимъ остался у дѣтей съ превращеніемъ его въ Табуна и Пекуна (ср. К. Неволинъ: О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра Великаго. Собраніе сочиненій. VI. 251 и слѣд.).

повѣ́ть — открытый сарайчикъ

пого́стъ — ограда церковная

Живетъ у приходскаго священника, а какъ имя и отечество ему — не упомню, токмо на самомъ оной церкви погосте (1792. 64. 117)

поджима́ть: подожмя̀ (поджавъ)

Сидятъ турки подожмя ноги (Авраамій: 60); сидѣлъ на диванѣ подожмя ноги (ib. 163)

подки́духъ — подкидышъ (bâtard) и одна изъ игоръ въ бабки

подпла́стить — подшить край платка или чего другого, тоже что подрубить (urler, säumen)

подраже́ніе — подражаніе

Примѣръ, достойный подраженія (Калужскій Вѣстникъ: 1896, 78)

подробить — поколоть: пойдить дровецъ подробить

подсоби́ть — пособить, помо́чь (патцабю̀ — пособлю)

подсобный — вспомогательный

Гармонно-ящичное производство является занятіемъ подсобнымъ земледѣлію (Тульск. Губ. Вѣд. 1895. 263)

подта́шье — навѣсъ, подта́шики — небольшія крышки вродѣ навѣса (Dach?)

Дубовая старая колода для мѣры хлѣба. Починена и построено надъ нею подташье въ 1794 году (В. М. Хижняковъ: Черниговская Старина. Черниговъ. 1900, стр. 32)

по́дчеркъ, по́дче(и)ра̀къ — почеркъ

Съ перваго листа почти по всей рукописи встрѣчаются историческія вставки и исправленія, писанныя собственноручно о. протоіереемъ Діевымъ, съ подчеркомъ котораго я хорошо знакомъ, etc. (Костромскія Губ. Вѣдом. 1903. 17)

пожа́ръ: на пожа́ръ — возгласъ во время игры въ мячъ, каковой въ этомъ случаѣ, будучи отбитъ сильнымъ ударомъ лаптою высоко кверху — ловится въ руку кѣмъ-либо изъ участниковъ игры, стоящихъ на противной сторонѣ, «въ полѣ», послѣ чего «городъ» считается проиграннымъ, и партіи мѣняются мѣстомъ

Возгласъ: «на пожа́ръ» не образовался-ли изъ выраженія: «на жакъ?» Въ Кіевской Старинѣ читаемъ наприм.: «Состоятельные люди покупали ящиками пряники, конфекты, и бросали *на жакъ*» (кто поймаетъ). — 1889. II, стр. 437.

позы́ка (пазы́ка, польск. pozyka) — разжива: заплатила-бъ усё, усѣ-бъ деньги аддала, да у самэй адна капейкя на пазы́ку атсталася; **вызича́ть** — уплачивать взятое въ ссуду согласно условію

Се аз колужской посадцкой человѣкъ Стеѳап Козмин сынъ Толкачев дал есми на себя сію запис колужскому посадцкому человѣку Семену Тимоѳѣеву сыну Дехтереву въ томъ: в нынешнем во сто девяноста четвертом году... взял я Стеѳап у него Семена въ Колуге па промысел денегъ ево Семеновыхъ двесте девяносто рублев чеховъ... А тѣми ево Семеновыми деньгами промышлят мнѣ Стеѳану в украинных малоросійских городѣх скотинным промыслом... А что у того промыслу и у тѣх ево Семеновых денег и у скотины подастъ нам Богъ прибыли... и мнѣ Стеѳану ту прибыль с ним Семеном поделит пополам. А будет что какой и наклад учинитца, а мнѣ Стеѳану платит ему Семену и накладу тожъ половину, а истинные денги вызича и скотины отдат ему Семену... (А. И. Маркевичъ: Калужскіе купцы Дехтеревы. Одесса. 1892, стр. 61).

покура́тнѣй — поаккуратнѣе

Васъ (т.-е. Вася), покуратнѣй (Д. Е. Сепичевъ: Сама хозяйка. Драма, стр. 24). — Въ данномъ случаѣ: «покуратнѣй» употреблено въ значеніи: повѣжливѣе, поделикатнѣе, попристойнѣе.

поли́ція — зданіе, въ коемъ помѣщается полицейское правленіе

Брянская дума, слушавъ сообщеніе ваше (и. д. городничаго)... коимъ извѣщаете, что брянская градская полиція

весьма обветшала, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ повывалились бревны, и во время дождей происходитъ великая течь, но при томъ же уграждаетъ (sic) скорымъ подепіемъ... etc. (1800. 113—III. 166)

полкомо́дъ — обыкновенный коммодъ, но съ одними лишь выдвижными ящиками, безъ шкафа на нихъ со стеклянными дверцами

поло́зить — ползать

поло́йникъ, множ.: поло́йники — головастикъ, лягушечья мо́лодь

полу́дновать — полдничать

полуку́пполъ

Средина (храма) полукупполомъ аркою. У вокнахъ стеклы разноцвѣтныя (Авраамій: 116)

полыха́ть — пылать

поля́цкій — польскій: паля́цкая кла́дбишша

по(а)ме́ртъ (1785. 10. 62 об.)—померетъ

понасёркамъ (по насёрдкамъ) — говорить съ сердцо́въ, напрасно: ёнъ ба́итъ ге́та папасёркамъ

попри́тчиться — показаться: попритчилось — показалось, почудилось

порнови́ть — немного обождать; порновя̀ — обождавъ

порха́ть: перепы́рхивать

Она лятитъ, лятитъ, лятитъ,
Перепы́рхиваитъ
(Изъ пѣсни при провожаніи «дремы». См. Брянскій Вѣстникъ: 1894. 21)

поте́нщикъ (см. патеньшикъ)—кабатчикъ или содержатель питейнаго дома, каковой для краткости иногда назывался «пакентъ» (патентъ), также какъ легкового (живе́йнаго) извощика иногда называютъ «биржа»

по́толокъ — потоло́къ: родит. по́толока (1780. 15/6. 315); въ по́толокѣ (ib. 385)

потра́вля (1799. 16. 542) — потрава

пофала̀, пофали́ть

Память праведнаго съ пофалами (Авраамій: 272)

почёпка — тонкая бичевка (есть фамилія Почёпиныхъ, они же Карачевскіе)

праликъ — параличъ: праликъ тибе расшиби (убей) — брань одна изъ самыхъ сильныхъ

пральникъ — валёкъ, орудіе для выколачиванія воды изъ прополосканнаго бѣлья

пранцы — французская болѣзнь (syphilis)

предписанный — преждеписанный, вышепомянутый

...ѣздилъ, и о томъ предписанному помѣщику Апухтину уже ночью пріѣхавши на ево близъ села Фошни винокуренной заводъ о семъ объявилъ (1783. 7. 345); наѣхали на дорогѣ на предписанныхъ порутчика Апухтина крестьянъ (ib.); ...предписанною нуждою удручены (1786, б. н. 282)

препорція — надлежащее количество

пре(и)цендалы — украшенія, улучшенія, иногда угобженіе чего-либо, наприм. каши цукатами (гурьевская каша), тѣста миндалемъ или какими-либо пряностями, и т. п., вообще нѣчто затѣйное, а иногда излишнее

Онъ былъ уже навеселѣ; началъ хохотать, снялъ съ себя гайтанъ и гаманъ, скинулъ и бросилъ на лавку свой кожаный широкій поясъ съ ножемъ и со всѣми на немъ брицандалами (А. Котляревскій: Чабаны. Библ. для чтенія. 1851, VIII, 49)

А каковъ таваръ! Анады маи бабы выпрасили у мине хунтавъ съ дисятакъ, выходить, на сваи причиндалы («вещи или части, составляющія *принадлежность*» — таково объясненіе сего выраженія въ Курскомъ Сборникѣ: IV. 52, примѣч. 22)

приданное — приданое (подобно «вѣнчанью», удареніе въ словѣ измѣнилось недавно; ср. К. Зеленецкой: О русскомъ языкѣ въ Новороссійскомъ краѣ. Одесса. 1855, стр. 11 и слѣд., ср. также: прикуска, припасы, etc.: Енисейскія Губ. Вѣдом.: 1901. 148)

придить — притти; **придить** — придётъ

придя(ѣ)лить — опредѣлить

К' сему примѣру на странахъ положихъ примѣты разныхъ пределенін дѣянію (Раймундъ Люллій: рукопись 1742 года курскаго извода: л. 287 об.)

при́казъ — мелкій чиновникъ гражданскаго вѣдомства, иначе — прика́зный; употребляется и какъ собирательное для означенія канцеляристовъ въ качествѣ сословія (выраженіе пейоративное)

припаро́мокъ — постройка у берега для удобнаго сообщенія съ паромомъ (перевозомъ) (1788. 48/13. 380)

припо́локъ — прилавокъ

прип(б)шатца — пріобщаться Св. Таинъ

припѣ́шить — устать, умориться: лошадь припѣ́шила

приса́дникъ — палисадникъ

присмо́лъ — названіе одной изъ игоръ въ бабки

приспа́ть — задушить по неосторожности младенца во время сна, что происходитъ отъ укладыванія матерями своихъ маленькихъ дѣтей на постель рядомъ съ собою

> Праснулась мать, хвать за рибёнка, а ёнъ ляжыть мертвенькій. Стала быть, врахъ-та куравешку абаратилъ у рибёнка: а мать у тэй думки, што ана яго приспала (Курскій Сборникъ: IV. 104)

присту́покъ — ступенька въ лѣстницѣ

пристѣ́нъ — одна изъ игоръ въ бабки

присы́пушекъ — младенецъ, нечаянно задавленный матерью до смерти во время сна

присы́пъ — тяжкій грѣхъ, упоминаемый въ одномъ изъ варіантовъ апокрифа о почитаніи двѣнадцати пятницъ

приука́зить — просить консисторію о принятіи кого-либо въ монашество постановленіемъ о семъ указа, хотя и до сего можно жить въ обители и носить рясу (но не мантію), считаясь въ числѣ братіи (даже нештатнымъ ея членомъ)

> ...Такое же количество почти составляютъ живущіе на испытаніи послушники неприукаженные (Орловск. Епарх. Вѣдом. 1896. 39, стр. 1215)

приходить — въ будущ. даетъ: **поприду́ть**

прихо́женинъ (1785. 10. 601) — прихожанинъ

прозуме́нтъ — позументъ

...камзола, обложеннаго на полахъ и около кармановъ золотымъ прозументомъ (1804. 130—I. 222 об., ст. 2).

Въ этомъ же дѣлѣ встрѣчается «Прозументовъ», крестьянинъ Олонецкаго уѣзда Туломозерской вотчины (л. 229 об., ст. 41)

про́зьбишша — про́звище

проку́да (общ. рода) — шалунъ, шалунья, проказникъ, и т. п.

прокура́тъ — ловкій человѣкъ (въ смыслѣ какой-либо продѣлки: примѣняется больше къ подросткамъ и юношеству, по совершеніи такъ называемыхъ «шалостей»); говорится иногда «распрокура́тъ», что означаетъ уже высшую степень ловкости, въ извѣстномъ смыслѣ

прола́зить — пролѣзать

Вотъ растворяется настежь дверь и пролазитъ истопникъ съ охапкой дровъ (Курск. Губ. Вѣдом.: 1896. 224)

про́лубъ — про́рубь

промѣни́ть, промѣня́ть и **вы́мѣнить** — такъ изъ уваженія къ святынѣ всегда говорится о пріобрѣтеніи иконъ, иначе — моленія или Божьяго милосердія, самая доска, на коей написанъ образъ, по тому же побужденію въ данномъ случаѣ произносится «дска» (дъска, старин. цка); иконы старыя, потемнѣвшія отъ времени, не уничтожаются, а переписываются, «поновляются», или же пускаются на воду

Се аз колуженин посадцкой человѣкъ Агѣй Титов в нынѣшнем во сто восмъдесят шестомъ году ноября в дватцесят первый день, променилъ я Агѣй моленія своего три иконы... А взялъ я Агѣй... за тѣ свои три иконы промены пятнатцать рублев денех... а тѣ мои Агѣевы иконы иному никому не проме(не)ны и не заложены и по души в монастырь не отказаны, и проч. (А. И. Маркевичъ: Калужскіе купцы Дехтеревы, стр. 54)

Ср. у Фонвизина, въ Недорослѣ:

Милонъ. Да не ушибла-ль она васъ?

Скотининъ. Передъ-отъ заслонялъ обѣими, такъ вцѣпилась въ зашеину...

Правдинъ. И больно?

Скотининъ. Загривокъ немного пропозила.

Простакова. Провозила!.. Нѣтъ, братецъ, ты долженъ образъ вымѣнять господина офицера: а кабы не онъ, то-бъ ты отъ меня не заслонился. За сына вступлюсь... и проч. (Дѣйствіе III. Явленіе 3).

Вымѣнить вм. купить, пріобрѣсти — примѣняется не только къ иконамъ, но и къ церковнымъ колоколамъ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующей надписи на колоколѣ въ селѣ Лаптевѣ-Ростиславѣ:

«1783 го(ду) Марта (въ) 11 де(нь) вымепилъ прихожанин Иван Важенков. Вѣсу 1 п. 15 ф.» (Тульская Старина: VIII. 35).

пропи́ть — отдать замужъ

прора́мка — пройма, отверстіе для пуговицы: говорится въ отличіе отъ петли пришивной

прохо́ный и **прохо́вый** — ноздреватый, негустой (о хлѣбѣ)

пру́дникъ, **пру́дница** — мельникъ, мельничиха

пу́блика — публикація, объявленіе (см. Старинныя публики. Черниговъ. 1897)

пу́дить — мочиться (mingere)

пужа́ть — пугать: пужа́ю, пужа́лъ, пужну̀, и проч.

пунтавши́къ — пунктовщикъ, содержатель почтоваго пункта, станціи

пу́цы — нитяная снасть въ верхней половинѣ бумажнаго змѣя

пуща́ть — пускать: пущаю...

Скотъ со двора не пущать (1800. 113—III. 427)

пущай — пусть

пыря-пыря-пыря... — зовъ индѣекъ на кормъ

Работа́ть — рабо́тать

разы́мка

Подлѣ церкви нашей происходитъ ссора и драка незнаемо кѣмъ, гдѣ и братъ-де мой въ разымки находится (1782. $^{15}/_{6}$. 211)

рай-дре́во — сирень (см. бе́за)

Вотъ тоже деревъ плодовыхъ не разводимъ, потому — никакъ невозможно уберечь. Какъ яблоко поспѣетъ, такъ сичасъ и обнесутъ (sic), да еще вмѣстѣ съ вѣтками. Искалѣчатъ разъ-другой древо — оно и засохнетъ. Да что яблоня! Сосѣдъ мой Финогенъ Прохорычъ, мужикъ съ достаткомъ, попробывалъ-было развести рай-древо, у хохловъ оно бузко́мъ прозывается, а какъ по вашему — не знаю...

— Сере́нь (сире́нь?).

— Она самая, серень эта... такъ что вы думаете—только и жива была, пока не зацвѣла, а какъ зацвѣла, такъ сичасъ ей и раздѣлка, обломали дочиста, и больше никакихъ (Курскія Губ. Вѣдом. 1896. 156)

ра́нжевый — оранжевый

По бѣлой землѣ пукету розоваго съ зеленымъ и ранжевымъ шелкомъ (1800. 32. 184 об.)

рапортовать (въ дѣйств. залогѣ)

Рапортовалъ меня (1785. 10. 4); ...и по отправленіи (преступника) — сей судъ рапортовать (1786, б. п. 382)

ратату́й — петрушка (pierrot), главный герой всѣмъ извѣстной кукольной комедіи; названіе получилъ отъ припѣва имъ шарманкѣ: «туй-туй-рата-туй, туй-туй-рата-туй» . . .

Центромъ всеобщаго вниманія является «волшебно-магическій кабинетъ», гдѣ выскакиваетъ «ратотуй-туй-туй», и лавчонка съ разною дрянью, etc. (Смоленскій Вѣстникъ: 1895. 151). — Иногда эта кукольная комедія носитъ названіе «Ваньки-Рутю-тю» (Сѣверный Вѣстникъ: 1895. VI, стр. 15—16)

ре́ентъ — регентъ (управляющій пѣвческимъ хоромъ)

ре́крутъ (какъ бранное слово)

...хотя и по тремъ посылкамъ будетъ присланъ нарочной, но и по тѣмъ взять (крестьянина) не дастъ, и оной (брянскій помѣщикъ) Ису́повъ бранилъ меня и называлъ рекрутомъ (рапортъ разсыльнаго, солдата Лысова, брянскому нижнему земскому суду: 1779. 1. 1232)

ре́ли — качели

[**ре́лица** — висѣлица

Павели та раздобрава мо́ладца ка ре́лицы,
Ка высокай ка петильки ка шалко́вай

(М. Карпинскій: Старинныя пѣсни Гребенскихъ казаковъ. — Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. В. XXIV. Въ отдѣльн. оттискѣ, стр. 28)]

ре́мушекъ — ремешо́къ

репе́й — украшеніе ввидѣ многолучистой звѣзды на верху байдачной мачты (или по-брянски — шшо́глы)

ретова́ть — спасать (ср. нѣмецк. retten)

рештова́нье — по́дмости при возведеніи построекъ (нѣмецк. Gerüst)

Онъ бодро взошелъ по рѣ(е)штованію, но поскользнулся и моментально покатился внизъ. Несчастный убился до смерти (Сынъ Отечества: 1895. 141)

рештъ — конецъ: тутъ яму̀ и рештъ — здѣсь онъ и закончилъ (говорится про несчастье)

рога(о)вщина — нѣкогда пошлина съ рогатаго скота (Архивъ брянской думы: 1732, л. 2; см. Старина: Брянскъ. 1897).

ро́жа — мальва, растеніе

рость — растѝ

рукатцо́хни — рука отсохни: одна изъ клятвъ, что подозрѣваемый въ кражѣ — не бралъ того предмета; изъ другихъ клятвъ наичаще слышатся:

вотъ тебѣ крестъ Божій (причемъ крестятся, снявъ шапку или картузъ)
не видь я бѣ́лава (бѣлага) свѣту
не видь я отца и матери
не сойди я (не сойдить мнѣ) съ этого мѣста
провались я (провалитца мнѣ) на семъ мѣстѣ
рука-нога отсохни (...-ногатцо́хни), и др.

ру̀тва — ruta graveolens

рука́ться — здороваться берясь за руку

Извини, я съ тобой не порукался (Д. Свпчевъ: Сама хозяйка, стр. 16 и 26)

ру́шить — ломать, трогать (хлѣбъ предпочтительнѣе ру́шить, ибо «Христосъ ломалъ и намъ давалъ»); ня рушъ — не трогай

рѣ́шка (сокращ. отъ рѣшетка) — сторона монеты противоположная орлу или какому бы то ни было гербу или изображенію

рябе́цъ, множеств. **рябцы́,** рябцо́въ... (1791. 59/15. 491) — рябчикъ (птица)

ря́ма — ра́ма

ря́шка, ря́шечка — банная шайка съ одною ручкой

Салаве́йкя — соловей, соло́вьюшко

сала́зки — нижняя челюсть

свѣжева́ть — снимать шкуру съ убитой скотины и потомъ раздѣлывать тушу на части

свѣжина̀ — свѣжее свиное мясо

середи́на — см. сириди́на подъ словомъ «боль»

серё́нъ — настъ: руби лѣсъ по серену̀, серённый лѣсъ самый лучшій; **серенова́ть** — обчищать кору съ деревьевъ зимою

сиби́ль — молодая рыбка

сиби́рка — длиннополый двубортный сюртукъ; полицейская камера, то что въ иныхъ мѣстахъ называютъ «покоемъ для вытрезвленія», «клоповникомъ», и т. п.

сига́ть — прыгать

> Только ты огородними воротами рнпъ, такъ нхъ цѣлый табунъ во всѣ стороны разсыпется, сигаютъ по картохѣ и капустѣ какъ блохи, а тамъ махнулъ черезъ плетень, и ищи вѣтра въ полѣ (Курск. Губ. Вѣдомости: 1896. 156)

> Щенки (sic), почуявъ ласку, начинаютъ рѣзвиться: бѣгать по комнатамъ, сигая по диванамъ и кресламъ, производя при этомъ полный безпорядокъ въ комнатахъ (Тульск. Губ. Вѣдомости: 1899. 266)

си́па — крестьянинъ, мужикъ (въ значеніи человѣка грубаго): мужикъ-си́па (бранное выраженіе)

ска́бка — заноза

скака́ть — плясать; **ско́кнуть** — прыгнуть

скаро́дить — бороновать

ската́ться — зака́тываться

Луна уже ската́лась за городъ, но свѣтъ ея еще стоялъ н' окружающихъ горахъ (Авраамій: 296)

Есть глаголъ выката́ться — выкатываться, восходить, также какъ и заката́ться (о солнцѣ). Наприм.:

Изъ-за тучи, изъ-за облака,
Въ зорькѣ солнце *выката́лося*,
Ни снѣжкомъ-ли, ни метелицей
Путь-дорожка заметалася!
(И. Г. Воронинъ: Стихотворенія. Казань. 1870, стр. 49)

По поводу отмѣченнаго выраженія, употребленнаго совершенно въ духѣ русскаго языка, критикъ названныхъ стихотвореній, останавливаясь на приведенномъ мѣстѣ, говоритъ, что «Пѣсня памяти г-жъ Лобко какого-то архивнаго (?) характера (,) и частыя «али, аль, братцы, воздохните» (,) и проч. уснащиванія рѣчи народными выраженіями (,) не придаютъ ей народнаго характера.

«Изъ-за тучи, изъ-за облака
Въ зорькѣ солнце выкаталося [»] (?) [—]

Ясно, говоритъ критикъ, что несуществующее слово «выкаталося» пущено г. Воронинымъ для созвучія:

«Ни снѣжкомъ-ли, ни метелицей
Путь-дорожка замѣ(е)талася! . . . »
(Саратовскій Справочный Листокъ: 1870. 267)

Воронинъ — уроженецъ села Дурнаго, Пронскаго уѣзда, Рязанской губерніи, въ доказательство существованія слова, о коемъ рѣчь, и правильности помѣщенія его въ своемъ стихотвореніи, могъ-бы сослаться на народный говоръ. Въ диссертаціи Е. Будде: «Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій. Изслѣдованіе особенностей Рязанскаго говора» (Варшава, 1892), находимъ пѣсню съ такимъ началомъ:

Ската́ласъ красна солнушка
За тёмныjи ляса, и проч.
(Приложеніе: 54, стр. 185)

Въ Сборникѣ русскихъ народныхъ пѣсенъ, изданномъ М. А. Балакиревымъ, также находимъ:

Солнце закатáлось
За темные за лѣсà,
Тутъ возныла туча темная,
Покрыла небеса
Пріуныло пташки пѣніе,
Не слышно голосà (sic!) (стр. 21. — Конца пѣсни не сообщено).

Пѣсня эта записана въ селѣ Прамзинѣ, Симбирской губерніи. Такимъ образомъ, глаголъ въ показанной формѣ употребителенъ въ большомъ районѣ.

ски́бка — ломть (ломóть) хлѣба

скитникъ (сосновый) для горóжи (1785. 10. 615) — матеріалъ для частокола

склизко — скользко

склизъ — слизь

сковрадà — сковорода

Господи́нъ Сковради́нъ,
Прóзбишша Ляпёшкинъ

(Шуточное обращеніе къ какому-либо малышу)

скользéлица — слякоть

скорка — хлѣбная корка

Царь паслухалси, вялѣлъ пасадить не у патполья и давать ей па крушки вады и па шкорки абгарѣлай хлѣба у день (Курскій Сборникъ: IV. 78).

скорѣ́ича — скорѣе

скрозь (и **наскрóзь**) — сквозь

скры́пень — растеніе Иванъ-чай (epilobium angustifolium)

скубáть — щипать, ощипывать перья съ битой птицы; драть

Маленичка наскубилъ малага за виски (Курскій Сборникъ: IV. 58)

скýсинка — лáданка

Въ Брянскѣ ладанки дѣлаютъ въ Петровскомъ женскомъ монастырѣ. Изготовляютъ ихъ изъ обрѣзковъ фольги отъ ризъ (окладовъ) на иконы и разныхъ лоскутковъ бумажной или шелковой ткани. Эти народные амулеты «отъ порчи», «отъ очесъ призора», и проч., слывутъ подъ именемъ «скýсинокъ», искусно сдѣланныхъ, понимая данное выраженіе

не въ смыслѣ chef d'oeuvre, въ значеніи чего-либо сработаннаго артистически, а просто какъ красивой вещи. Ладанки имѣютъ форму такъ называемаго сердечка. На лицевой сторонѣ ихъ изъ нѣсколько лучшей и притомъ одноцвѣтной матеріи нашивается фольговый треугольникъ, который окаймляютъ канителью зигзагомъ: это крылья херувима. Ликъ же его дѣлаютъ изъ кусочка бѣлаго коленкора, слегка подложеннаго ватой, причемъ глаза и носъ намѣчаются черною ниткой, а ротъ и ленточка на шеѣ — красною. Голова херувима также обрамляется канителью, но не ввидѣ нимба, а какъ контуръ. Все это находится въ рамкѣ изъ блестокъ. Задняя сторона ладанки изъ какой-нибудь матеріи похуже. Внутри сего амулета долженъ находиться (и такъ дѣйствительно есть и бываетъ) кусочекъ ладану непремѣнно изъ того кадила, которымъ совершалось кажденіе алтаря за литургіей, во время Херувимской пѣсни. Посредствомъ мочки ладанка надѣвается ко кресту и носится на шеѣ вмѣстѣ съ нимъ и другими образками. Замѣчательно, что простой народъ (богомольцы, странники) при покупкѣ скусинокъ спрашиваетъ ихъ на имя, наприм. желаютъ имѣть ладанку Прасковью, Марью, Анну, и проч., или Егора, Ивана, Василья, etc. Монахини примѣнились къ этому желанію, и для имени «попроще» даютъ и соотвѣтственную ладанку. Такъ, для Хведóры, Хведóсьси, Хи́мки (Евѳиміи), Кýльки (Акилины, Акулины), Мавры, и т. п. — ладанки цвѣтомъ потемнѣе, иногда черныя (для Мавры), и вообще на взглядъ попроще. Для именъ «благородныхъ» — ладанки изъ свѣтлыхъ цвѣтовъ. Для Егора (Георгія) вошло почти въ обычай и спрашивать и предлагать ладанку зеленаго цвѣта, въ другихъ мужскихъ именахъ скусинки также подчиняются различію, но совершенно произвольному. — Замѣчательно, что при ворожбѣ, для приданія бóльшаго авторитета суевѣрію употребляется именно «херувимскій ладанъ» (см. сообщеніе изъ хутора Александровско-Кундрюческаго, Новочеркасской станицы, въ газетѣ «Донская Рѣчь»: 1903. 338).

скусъ — вкусъ

скýтать — запереть кругóмъ

Истопившій (sic) печь, выгрести изъ оной весь жаръ и золу начисто, и потомъ насыпать въ оную конопляной

мякины, и по выходѣ всѣхъ людей, скутать всю избу плотнѣе (Травникъ).

слоны-слоня́ть — ходить безъ дѣла, шататься

слухмёный — хорошо слышащій, чуткій

слѣпая маку́ра (общаго рода) — говорится объ оплошавшемъ вслѣдствіе недосмотра

сме́жство — сме́жность, суме́жность (1799. 16: 944, 945)

смерка́ніе — сумерки

Того-жъ числа поѣхали при смерканіи (1779. 1. 1234)

смёртное и смертное — самое лучшее платье: одѣлась во все смертное; въ другихъ случаяхъ подразумѣвается «дѣло», уголовное преступленіе:

. . . о сыску и поимкѣ причинившихъ смертное (1780. 5. 737—738)

снасть — phallus

сни́зка — слово, сопровождаемое какимъ-нибудь другимъ существительнымъ: снизка баранокъ, снизка жемчугу (зенчугу), снизка королько́въ (кораллов), янтарю, и проч.

сни́тка — растеніе herba podagrariae, s. Gerhardi.

сно́ва — основа (въ ткацкомъ станкѣ)

совсѣмъ: берите совсѣмъ (со всѣмъ) — возгласъ старшаго за столомъ (обѣдомъ или ужиномъ), означающій, что изъ общей чашки можно брать и мясо (крошево)

создавать: **создава́итъ, создаваютъ**, и проч. — создаетъ, создаютъ

со́йда — coitum, отъ глагола сънитисѧ

соро́ка — женскій головной уборъ

Женская золотая соро́ка, цѣна девяносто копеекъ (1783. 7. 497)

соро́ки — хлѣбецъ ввидѣ птички, изготовляемый 9-го марта, на сорокъ мучениковъ

спа́тюшки — спать (дѣтск.); также говорятъ: пи́тюшки, ѣ́стюшки, и т. п.

сперть — украсть (спереть); съѣсть: ну, и утроба — спёръ-таки усё, ни 'днэй крошки ни 'тсталася

спо́до (спо́да) — изъ-подъ: Съатке́ль ты? — Спода города спода Брянску.

сподналу́ску — изподтишка, неожиданно

спрохвала (спрофала̀) — постепенно, не сразу

сра́нка — растеніе чистотѣлъ, chelydonium majus, при изломѣ стебля дающее ѣдкій сокъ, которымъ сводятъ бородавки

спрово́рить — быстро сдѣлать

стано́къ — одна изъ игоръ въ бабки

старорѣчье — старое, оставленное русло рѣки, избравшей новое ложе (Брянскій Вѣстникъ: 1896. 25)

стеба́ть — стегать плетью, кнутомъ, хворостиной, и проч.: да ты стебани̇̀ іѐ харашéнькя

стёжка — тропинка

стерва́къ — мужской родъ сло́ва «стерва» (ср. ке́ниръ и ке́наръ — самецъ канарейки, ке(и)на́рки, люга́нъ и лягу́нъ (люга́шки, лягушки), и др.

сте́рлигъ — стерлядь: поймалъ большого сте́рлига (въ Рязанской губерніи есть фамилія Стерлиговыхъ)

стерно̀ — бо̀льшихъ размѣровъ весло на кормѣ байдака̀, служащее для управленія судномъ

стирать — всегда подразумѣвается мытье бѣлья дома

стрики́зда — стрекоза̀ (крылатое насѣкомое)

струме́нтъ — инструментъ

стрѣва́ться, стрѣча — встрѣчаться, встрѣча

И какъ ишелъ, то стретелись (1785. 10. 449); стрѣлъ — встрѣтилъ (Авраамій: 114)

стрѣлокъ — лѣсной сторожъ, полѣсовщикъ

стрю́цкій — босякъ, рвань въ нѣмецкомъ платьѣ, человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій, задира, вдобавокъ пьянчужка, хотя таковымъ можетъ и не быть; выраженіе равносильное петербургскому «посадскій» или общеизвѣстному «стрикулистъ», и т. п. (опредѣленію что такое стрюцкіе — Достоевскій посвятилъ прекрасную замѣтку въ Дневникѣ писателя: см. Собраніе сочиненій. Спб. 1883. XII. 329—331)

стрючо́къ, стрючки́ — стручокъ, стручки

Есть трава перекосы... цвѣтъ воронъ. Какъ отцвѣтетъ, тогда на ней стрючки, а въ нихъ сѣмя... (Травникъ: 56).

Викорія... объ одномъ стволѣ, на вершинѣ и по сторонамъ яко стрючки бобровыя, а духъ отъ ней смрадной (ib. 75).

Цилидонія... на ней стрючки... въ стрючкахъ сѣмя; добра та трава отъ уразу (ib. 82).

...въ бутылку крѣпкаго спирта онъ опустилъ 12 стрючковъ перцу и настоялъ въ печи... развѣ спиртъ не лѣкарство, если въ него опустить 12 стрючковъ перцу? (Могилевскія Губ. Вѣдомости: 1901. 24)

сту́каться (1794. $^{80}/_{1}$. 125 об.) — стучаться

стю́день — студень, холодное блюдо, иногда называется «заливное»

стюдяно̀ — холодно

суда́чить — пересуживать другихъ, сплетничать

суда̀ и суды̀ — сюда

...на насъ доноситель идетъ: рабята, суда (1802. 35. 427)

су́дорга — су́дорога (множ. су́дорги); есть фамилія Су́доргиныхъ

суко́нка — часть стараго шерстяного чулка, употребляемая въ банѣ вмѣсто мочалки или губки

суко́нный — шерстяной

сумова́ръ (такъ во всемъ Паломникѣ Авраамія) — самоваръ

сходнѣ́е — лучше, удобнѣе

съ — изъ: ни одного съ нихъ не случилось (1800. 111—I. 407)

съи́знавести (сы́знавести) — неожиданно, внезапно, вдругъ

сы́нча — второй послѣ мати (см. это слово)

сы́споди, сы́споду (съисподи...) — снизу

сы́щикъ — инженеръ

...Торговали даже очень хорошо, особенно вотъ какъ сыщики пріѣзжали.—На вопросъ: какіе сыщики и для какой цѣли они пріѣзжали? — собесѣдникъ пояснилъ: А какъ дорогу (чугунку) изъ Брянска вели на Гомель, по вашему, значитъ — анжинеры» (Выгоничи).

сѣножатье — сѣнокосъ, покосъ

Наводненіемъ затопило лежащія по рѣкѣ Деснѣ сѣножатья (1786. б. п. 282)

сюргу́чъ и сергу́чъ — сургучъ

Мыло, сергучъ... (объявленіе въ Черниговск. Губ. Вѣдом.: 1901. 2537)

Потрачено бумаги, чернилъ, перьевъ и сюргуча гораздо болѣе стоимости всей находки, не говоря о времени, потраченномъ чиновниками на переписку (Сынъ Отечества: 1895. 2 изд. 155)

ся́дня — сегодня

Табу́нъ — тіунъ; см. подъ словомъ пливути́на

табѣ и тябѣ — тебѣ

тапе́рь — теперь

И они (воры и разбойники) оставя его на крыльцѣ подъ ихъ разбойническимъ карауломъ стоящимъ кругомъ, говоря при томъ — рѣзать-ли его таперь, а другіе сказавъ: таперь перѣзать, пошли въ верхнія покои, и проч. (Изъ дѣлъ архива орловской духовной консисторіи: «По доношенію Бѣлобережской Предтечевской пустыни отъ настоятеля игумена Арсенія съ братіею о разбитіи оной пустыни воровскими людьми и въ ограбленіи денегъ пяти рублевъ», 1768 года 7 октября. — Орловскія Губ. Вѣдомости: 1888. 38, стр. 197).

Таперь (1779. б. п. 284 об.; 1780. 5. 723); таперь въ (у) нихъ находится (1791. 59/15. 5)

тапе́скать — няньчить ребенка, немного поднимая кверху и при этомъ слегка похлопывая его по тѣлу рукою

тащи́ть: то́щенъ

Въ нашей ямѣ и доднесь имѣется кровь и знакъ, какъ оной (лось) изъ ямы тощенъ (1783. 22/7. 88); ср. платить: пло́ченъ, etc.

телеграмма — клочокъ бумаги, пускаемый по ниткѣ къ самому змѣю, что дѣлается вѣтромъ; этотъ дѣтскій кунштюкъ также называется и у нѣмцевъ.

Die Zeit der Drachen war gekommen. Über Feld und Wiesen strich der scharfe Herbstwind und fegte unzählige Marien-

fäden durch die Luft. Die städtische Jugend tummelte sich an den Nachmittagen auf den Stoppeln und liess Windvögel von allen denkbaren Formen steigen. Jubelnd schickten die Jungen ihre Depeschen zu den Wolken empor, denn so nennt man die Papierfetzen, welche vom Winde aufwärts der Schnur getrieben werden (Belletristische Sonntags-Beilage zur Lodzer Zeitung: 1897. 216 (39), стр. 153).

тепломáтъ — дамское пальто покроя (фасона) «дипломатъ»

терезà — маленькіе вѣсы для отпуска товара, продаваемаго небольшимъ количествомъ (золотниками); говорится также и терезкѝ

тёрнъ — тернóвникъ (кустарничное растеніе)

тертъ — тереть

тестъ — родительн. **цтя** (**тьстѧ**)

тетёха — толстая (дородная), неповоротливая женщина

ти́тарь, ти́торъ — ктиторъ, церковный староста: въ небытность титора (1785. 10. 603)

толкáчъ — пестъ, толкáчикъ — пестикъ; **толкáчики** — танцующіе комарики, что бываетъ лѣтомъ вечеромъ въ хорошую погоду

томновáть — тосковать, унывать

Въ одно время напала на меня негодная собака, изорвала на мнѣ верхнее платье и оставила на мнѣ слѣды крови и слюны. Я томновала (унывала) (Труды Орловской Архивной Коммиссіи: 1896. II—III. 25)

транжи́рить (деньги) — тратиться пóпусту, иначе — швырять или сорить деньгами

трáпиться — случаться; говорилось и трáфиться

...которыхъ собакъ сынъ мой разгонялъ, и на тотъ случай трафились помѣщика Бахтина дворовые люди (1795. 26. 282)

трáхвить (трáфить) — попасть: ножемъ не трахвилъ (не попалъ) (1782. 15/6. 396 об.); теперь чаще употребляется въ формѣ «потрáфить», «потрафля́ть» — угодить (въ прямомъ значеніи), достигнуть чего-либо

тридцатка—бревно въ 30 аршинъ; есть выраженіе **двѣнашникъ**—бревно въ 12 аршинъ

Петръ Савельичъ, мѣстный крестьянинъ... ставшій трактирщикомъ... потираетъ руки отъ удовольствія. Очень обширное «заведеніе» его, помѣщеніе въ три «двѣнашника» пространствомъ, почти полнехонько (Курьеръ торговли, промышленности и общественной жизни: 1897. 1060)

трусъ, трýсикъ—кроликъ

тубаре́тка—табуретка

тувале́тъ—туалетъ

тусмѣ́ть—тускнѣть

тынъ—деревянный заборъ, въ отличіе отъ плетня и каменной ограды

Перелесъ черезъ тынъ (1785. 10. 449 об.)

У (краткое), предлогъ—выражается графически посредствомъ **въ,** и наоборотъ, этотъ послѣдній предлогъ пишется **у** и **ув:**

Душа въ матери ево родной (1799. 16. 427).

Я ни нашолъ отъ силной и неумеренной почтальономъ въ пути лошадей гоньбы, ни одной въ лошадей подковы (1800. 111—I. 407).

Онъ тутъ ужъ совсѣмъ откозался и сказалъ, что дѣ вмѣня дѣнегъ нетъ (1800. 113—III. 157).

Нанялъ я себѣ работника... съ тѣмъ чтобы онъ имѣлъ бы въ себѣ отъ городоваго магистрата плакатной пашпортъ (ib. 264).

Находящейся (щійся) въ меня въ работникахъ... (ib. 340).

[Относительно послѣдняго выраженія («находиться въ работникахъ») см. историческое разъясненіе профессора Лешкова, почему народъ говоритъ *жить въ* кучерахъ, кухаркахъ, а не *служить* (Русскій народъ и государство. М. 1858, стр. 296, примѣч. 4, со ссылкой на указъ 1722 года 5 февраля: П. П. С. З. 3901, п. 3)].

Немного спало, по много ува сне видала сонъ страшенъ и ужасѣнъ (Зайцовъ: 10—11).

Уводной (ув одной) комнатѣ много поставлено иконъ (Авраамій: 119).—См. отвѣтъ на второй пунктъ программы профессора Соболевскаго.

А вотъ квасъ,
Въ Москвѣ да въ насъ:
Пробки рветъ,
Дымъ идетъ,
Въ носъ колáетъ (sic),
Съ ногъ сшибаетъ, etc.

Выкрикиваніе продавца кваса въ Брянскѣ. «Колáетъ» вм. колетъ употреблено видимо для риѳмы (см. Брянскій Вѣстникъ: 1896. 29).

увездѣ — вездѣ (Авраамій: 21)

увáль — вуаль (voile)

увéсь — весь, **уся̀** — вся, **усё** — все, **усéй** — всей, **усіё** и **усію̀** — всю, и проч.

удвои́хъ (вдвухъ) — вдвоёмъ

Я зная вдвухъ итить опасно, то деньги и часы оставилъ въ Іерусалимѣ (Авраамій: 323)

угóдки — поминки въ годовой день кончины

угóрышекъ — взгорышекъ, небольшое возвышеніе, холмъ (Травникъ: 9)

удовольствіе — удовлетвореніе

По которому (приговору) ожидается рѣшеніе и удовольствіе... не получилъ никакова удовольствія (1799. 16. 352)

ужáка — ужъ

у́лей — въ родительномъ множественнаго вм. ульевъ (см. подъ словомъ «ободье»)

ули́ть — влить

Надобно улить въ тазъ чистаго дегтю и смотрѣться въ него какъ въ зеркало по нѣскольки минутъ (Травникъ: 117)

узнарóкъ — шутя

уклáдка — сундукъ большихъ размѣровъ, обыкновенно употребляемый для укладыванія приданаго, и проч.

умѣ́сти и какъ ласкательное **умѣ́стичка** — вмѣстѣ

умя́каться — попасть ногою во что-либо мягкое или жидкое, наприм. въ грязь, и т. п.

ундерце́ръ и **у́ндеръ** — сокращенное названіе унтеръ-офицера; также произносилось это слово и встарину, наприм.: ундеръ-летенантъ (1785. 10. 510)

уплётухъ (вплётухъ) — лента, вплетаемая на концѣ косы

уполо́вникъ (поло́вникъ и поло́йникъ) — большая разливательная ложка

у́ра́зъ — вразъ, вмѣстѣ, вдругъ, и въ значеніи болѣзни

Ежели у кого чирьи или уразы великіи (Травникъ: 73)

Успле́ння — Успеніе Пр. Богородицы

Тянется вплоть до «Успленья» (Курск. Губ. Вѣд.: 1896. 147)

у́хи (**ву́хи**) — уши

Взять травы заичьи ухи (Зайцовъ: 18)

учо́ра — вчера

Фа́брикъ и **хва́брикъ** — фабрика

Брянскъ издавна славится своими канатными фабриками, и уничтоженіе пожаромъ одной изъ нихъ произвело такое сильное впечатлѣніе, что мѣстные піиты воспѣли стихами это происшествіе, какъ нѣкое особо выдающееся событіе. Вотъ начало одного изъ нихъ:

Жилъ во Брянскѣ купецъ знатный,
Онъ заводъ имѣлъ канатный
(Вар.: Въ нево фабрикъ былъ канатный),
Недалеко отъ Емской,
Надъ Десною надъ рѣкой.
Внево девки и рибяты
Пряли разные канаты, и проч.

По другому (беремъ изъ середины):

Арендаторъ...
Ветхой фабрикъ подкрѣпилъ
И товару накупилъ.
Онъ нанялъ рабочихъ страсть,
Начиналъ канаты прясть:
Пряли дѣвки и ребяты
Они разныи канаты,
И пропряли слишкомъ годъ
Безо всякихъ безъ клопотъ.
А подъ Спасъ-Приображенье,
Всему городу вѣдивленье (sic),

Всѣ рабочіе домой
Собирались на спокой.
Не успѣли пособраться,
Началъ фабрикъ загораться, и т. дал.

фали́ть — хвалить

Кушали и фалили (Авраамій: 176); пѣлъ тропарь: Память праведнаго съ пофалами (ib. 272); пѣли: Тебе, Бога, фалимъ (ib. 286).

фата́ть — хватать

Мы имъ (арабченкамъ) кидали парички. Оне не оказавали своей жадности: когда бросишь, оне бросаются подфатить, и когда кто уфатилъ, и болѣе не производили спору (Авраамій: 210)

фита́нецъ, фито́къ — квитанція (почтовая и всякая другая)

флакъ, фла́ки (множеств. ч.) — флагъ, флаги; флачная матерія

Для убранства выставочныхъ зданій флагами, управленіемъ генеральнаго коммиссара выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ получено пять тюковъ флачной матеріи (Нижегородскій Листокъ: 1895. 344)

фламово́й (?) — храмовой

Сего 1779 году ноября 26 дня, въ бытность... въ деревнѣ Тимоновой, во время фламоваго въ той деревнѣ праздника великомученика Георгія (1779. б. н. 1178)

фора́ть — хворать (есть фамилія Фо́риковыхъ)

форсу́нъ — щёголь

Кладутъ на полъ кольцо, и назначаютъ себѣ каждая курицу: это вотъ моя, это ваша. И вотъ чья курица клюнётъ въ кольцо — той непремѣнно выйти замужъ, чья курица смотритъ въ зеркало — той женихъ будетъ форсунъ (щёголь), и проч.

(Изъ святочныхъ гаданій въ Брянскѣ. Сообщено Е. А. Захаровою).

Хва́брикъ (м. р.) — фабрика

хворѣ́ть — хворать: ... а хворѣть мнѣ, Ивану, недѣлю (уговоръ при наймѣ о свободныхъ дняхъ, за которые не полагалось бы вычета)

холодо́къ — тѣнь

хоро́мы — жилье господъ, хозяевъ, въ отличіе отъ избы, дома мѣщанскаго или крестьянскаго, послѣдній нерѣдко называется хатой

хочь, хучь — хотя (нарѣчіе)

хру́ни — пожитки бѣднаго человѣка, тоже что худо́бишка, худо́ба

хруптѣ́ть — хрустѣть

хря́пка — сердцевина капустнаго кочана, кочерыжка

худо́бишка — см. хру́ни

Цволъ — стволъ

Цволъ пять четвертей (Зайцовъ: 12); можно давать цваловыхъ корепьевъ (ib. 13)

це́мберь — самецъ синицы, а она **цимбру́ха** или **цумбу-ру́ха**, также слышится и **цембуру́ха**

цыбу́льки — мягкія тру́бки у птицы или большія маховыя перья (до образованія настоящаго пера)

цыбу́ля — лукъ

цыганскій потъ — лихорадочная дрожь [у Янькова: «цыганской домъ», что Буслаевъ отмѣтилъ знакомъ вопроса. — Русскія пословицы и поговорки. М. 1854, стр. 151 (отд. оттискъ изъ Архива и.-ю. свѣдѣній: II, 2)]

цы́пки — наружная болѣзнь ногъ или рукъ, когда кожа на нихъ трескается отъ холоду или жару

цы́ркать — до́йть

цѣлко́мъ — цѣлико́мъ: карто́шка цѣлко́мъ (вареная съ шелухою)

И спустить канфару опую целко́мъ и зажечь ей (её) огнемъ (Травникъ: 108)

Чежо́лай и **чижо́лай** — тяжелый

Только грудью боленъ и дыханіе имѣетъ чежелое (1783. 7. 467)

Омофоръ, которой на плечахъ своихъ епископы носятъ, очень чижолъ (Описаніе жизни преосвященнаго Тихона, епископа Воронежскаго и Елецкаго. Рукопись нашего собранія, in 4°, двадцатыхъ годовъ XIX вѣка, полууставомъ: л. 21).

человѣкъ — въ отличіе отъ крестьянина-хлѣбопашца, всегда подразумѣвается «дворовый», изъ штата или состава дворни помѣщика, слуги барскаго дома (барскихъ хоро́мъ); см. подъ словомъ «дворный»; въ приложеніи довѣренность Львовой, данную «человѣку», также и въ другихъ мѣстахъ.

Сего марта въ кз д. Бояриина Князя Юрьи Семеновича Урусова человѣкъ ево Петрушка Сѣверцов дал сіе письмо калуженину посацъкому человѣку Микиѳору Дехтяреву . . . и проч. (А. И. Маркевичъ: Калужскіе купцы Дехтеревы. Одесса. 1892, стр. 71).

До какой степени въѣлось это понятіе о «человѣкѣ» какъ о слугѣ, подтверждаетъ недавній фактъ на разбирательствѣ одного дѣла въ петербургскомъ окружномъ судѣ:

—Ваши занятія, свидѣтель?—спрашиваетъ предсѣдатель.

—Я человѣкъ,—отвѣчаетъ свидѣтель.

—Я въ этомъ не сомнѣваюсь, но чѣмъ вы занимаетесь?

—Служу лакеемъ.

Въ публикѣ сдержанный смѣхъ. Предсѣдатель звонитъ въ колокольчикъ (Новое Время: 10.005).

че́нчиха (или быть можетъ **ченчи́ха**) — (?)

Называлъ (жену жалобщика) такими-жъ скверными словами какъ и меня, и ченчихою (1783. 7. 1047)

ченчи́шка — чернчишка, монахъ

Карачевскаго Одрина-Николаевскаго монастыря игуменъ Ювеналій жаловался преосвященному Тихону, что 31 іюля 1767 года духовнаго правленія управитель, протопопъ Симеонъ Глѣбовъ, пришедъ къ нему въ келлію озартно и держа въ рукѣ палку, бранилъ его всякими скверными и непотребными словами, и притомъ называлъ *ченчишкомъ*, чѣмъ при бывшихъ свидѣтеляхъ всекрайне его обругалъ и обезчестилъ (Орловскія Епарх. Вѣдомости: 1896. 42, стр. 1351).

чепуру́ха — чарка, рюмка водки

че́ревы и **чере́вья** — внутренности животнаго исключительно брюшной полости

черепе́нникъ или **горечи́шникъ** — грѣшневикъ

черно́сливъ — черносливъ

чернотро́пъ — первая весенняя дорога, близкая къ распутицѣ

честова́ть — по́тчевать

чея̀ — чья

Имѣвшаясь у оныхъ крестьянъ шапка не моя, и чея она — не знаетъ (1792. 64. 24)

чи́рка (дѣтск. жаргонъ) — phallus

чиха́узъ и чеха́узъ — цейхгаузъ

чкать — ударить (чкнуть): я те такъ чкну, что своихъ не узнаешь; быстро убѣгать (удирать): какъ зачка́ли, какъ зачка́ли — тольки ихъ и видѣли

чу́рка — бревно (говорится не въ ироническомъ смыслѣ, а также наприм., какъ слово «мужи́къ», когда желаютъ кого похвалить: «онъ мужикъ (мужъ, человѣкъ) хорошій»; ср. баба въ значеніи жены)

чхать — чихать

...лошади у поздри укинуть, чтобы она зачхала (Зайцовъ: 6)

чымъ — чѣмъ (въ Акулицкой волости)

чюрюка́нъ — сверчокъ

Шапку сниму — угроза кредитора обезчестить должника въ случаѣ неплатежа послѣднимъ денегъ въ срокъ

шара́хнуться — собственно значитъ испугаться, но въ данномъ случаѣ испугъ сопровождается еще немедленнымъ желаніемъ избавиться причины страха, и потому тутъ человѣкъ бѣжитъ безъ оглядки, лошадь несетъ, закусивъ удила, и т. п.

шваль — босякъ, пьянчужка, бездѣльникъ, и проч. (ср. Schfal и Schval на языкѣ нѣмецкихъ мошенниковъ, что означаетъ безбожника, пьянюгу, вообще негоднаго человѣка)

швыро́къ, швырко́выя дрова — колотыя полѣньями опредѣленной мѣры

ше(и)шна́дцать — шестнадцать

шешна́тка—бревно въ шестнадцать аршинъ

Шестнастка (=2 четверика 16 гарнцевъ)—мѣра при продажѣ хлѣба враздробъ въ Остринской волости, Лидскаго уѣзда, Виленской губерніи (Н. Пигулевскій: Описаніе Остринской волости. Вильна. 1873, стр. 2).

ши́бенъ

И подступя близь къ господину моему начели шибнями швырять... то видя господина моего человѣкъ начелъ имъ говорить: на что дѣ вы такъ бесчинно и озартно при господинѣ палачьемъ шибаетя и матерна бранитесь (1785. 10. 259).

ши́бко—сравнит. степень: **шибче́ича** (также какъ отъ крѣпко—крѣпче́ича, мелко—мельче́ича, скоро—скорѣ́ича, и т. п.)

шка́марда—ругательное выраженіе, тоже что дрянной человѣкъ

шкура барабанная, шкурёха и **скурёха**—meretrix (происхожденія нѣмецкаго)

шкура́тъ (производное отъ вышеприведеннаго: «шку́ра», также какъ образовались: «со́рокъ» (самецъ соро́ки), ке́пиръ, и т. п.)—бездѣльникъ, пьянчужка, полуно́чникъ

шлю́шка—небольшая бабка, коровья кость (играютъ въ шлюшки только очень маленькія дѣти, подростки же употребляютъ бабки настоящія, относясь къ шлюшкамъ съ презрѣніемъ)

шостъ—шестъ (жердь)

штука́рь—искусникъ, вообще дѣлающій что-либо въ совершенствѣ

шу́мство—состояніе человѣка, неспокойнаго во хмѣлю

Пришедъ въ домъ мой въ шумствѣ... и проч. (1788. 48/13. 168; 1799. 16. 1167)

шшо́гла—мачта на байдакѣ, обыкновенно вѣнчаемая раскрашеннымъ репьёмъ

Щека̀

Срубили два дуба, изъ которыхъ издѣлали двѣ комяги и для битья масла двѣ пары щокъ (1783. 22/7. 485)

щекату́ръ — штукатуръ

щелкане́цъ — щелчокъ, щелканцы̀ — щелчки; также и растеніе silene inflata

щелуха̀ — шелуха

щерба́тый — иззубренный (о предметѣ, наприм. о ножѣ съ испорченнымъ лезвіемъ; щербатый человѣкъ — безъ нѣсколькихъ зубовъ, etc.)

щи́колотка (1794. 29. 519 об.) — щиколка

Ѣзьдить: ѣзьдію, ѣзьдіишъ, ѣзьдіить, ѣзьдіимъ, ѣзьдитя, ѣзьдютъ (ѣзьдіитя, ѣзьдіютъ), и проч.

ѣсть (ѣ́стюшки): яси̇̀ — ѣшь, **яди́тъ** — ѣстъ, **поястѐ** — покушаете (съѣдите) и покушайте (около Жури́ничъ)

Ю́зникъ — арестантъ, тюремный сидѣлецъ

> Сїю̀ книгꙋ переплѣта́ли темни́чныѧ ю҃зники... (не очень давняя надпись по листамъ въ Служебникѣ (1699, 8°), принадлежащемъ брянской Покровской церкви, встарину бывшей соборною).

юрки̇̀ — названіе одной изъ игоръ въ бабки

Ядрёный — крупный

я́рка — молодая овечка

яро́лькя — тиролька (дамская шляпа извѣстнаго фасона)

я́требъ — животъ, утроба: штобъ твой ятребъ лопнулъ (брань)

Имена собственныя и географическія названія.

Алдо́тьтя, Алдо́ха, Алдо́хъ — Авдотья

Алъѳимъ (1783. 7. 640) — Еѳимъ

Агарни́стовъ (таково написаніе Горнистова, и. д. брянскаго городничаго (1800. 113—III. 48—51, 263 и др.; ср. алимо́нъ, аммуни́ція, и наоборотъ: пильцы́нъ, и т. п.)

Аде́стъ — Одесса

Араръ: староста Фроловъ и крестьяне Араръ Платоновъ и Аѳанасій Андреевъ понятые (1782. $^{15}/_{6}$. 198)

Аре́хъ — Арефа

Баба́ева роща — за Десною противъ Брянска, нѣкогда любимое мѣсто для устройства народныхъ гуляній.

Благовѣщенье — обрывистая гора у села Вщижа на правомъ берегу Десны, откуда къ сторонѣ Кальницы видны поля, на коихъ еще въ наше время (по крайней мѣрѣ такъ было въ 1882 году) можно различать нѣчто вродѣ окоповъ или правильно веденныхъ земляныхъ валовъ. Подобныя стратегическія укрѣпленія, сколько извѣстно — не рѣдкость, наприм. возлѣ Городни въ селѣ Лиственѣ, гдѣ, по Щекатову, развалины земляной крѣпости «и доднесь еще существуютъ» (Словарь. Спб. 1804. III. 1135). См. Кальница.

О селѣ Лиственѣ см. замѣтку въ Украинскомъ Журналѣ, гдѣ говорится, что за восемь столѣтій предъ симъ (въ 1024 году) происходила на поляхъ его кровопролитная битва между князьями Ярославомъ и Мстиславомъ. «Остатки полеваго укрѣпленія и самое мѣстоположеніе, на которомъ оное было устроено, довольно ясно открываютъ боевой порядокъ, въ каковомъ находились обѣ сражавшіяся стороны. Многіе могильные холмы свидѣтельствуютъ о великомъ числѣ падшихъ на полѣ брани» (1824: I, стр. 236—237).

Бори́съ-село (въ Брянскомъ уѣздѣ) — выраженіе нераздѣльное, перешедшее въ Бо́рышье, Ба́рышье (1783. 7. 726)

Борисьевна — Борисовна (ср. Поликарпій, Митрофаній, и др.)

Бѣлые Берега́ — пу́стынь вблизи Брянска.

Бѣлый колодезь — названіе одного изъ брянскихъ источниковъ, вода коего славится у мѣстныхъ обывателей.

Василей, Владимеръ (1816. б. н. 1152)

Несмотря на такое написаніе, въ обоихъ случаяхъ приведенныя имена произносятся обычно, безъ ударенія на послѣднемъ слогѣ, какъ неосновательно полагаютъ нѣкоторые, ссылаясь на одного писателя-народника, что-де въ имени «Василей» онъ поставилъ значокъ (удареніе) на *е*, какъ бы Βασιλέυς (sic).

Ви́нникъ — лѣсъ подъ Брянскомъ, возлѣ Ямской слободы

Володимеръ (1783. 7. 409)

Ворхоломей (1785. 10. 104)

Всегней — Евсигней (1783. 7. 251 об.)

Выблетковъ (фамил. крестьянина с. Коростовки: 1802. 35. 433)

Галерный дворъ — нѣкогда верфь для гребныхъ судовъ; нынѣ артиллерійскій складъ

Гарихвéна Пыпина (брянская мѣщанка: 1800. 113—III. 734)

Гробóвская церковь — иначе «на гробахъ владыкъ», нѣкогда усыпальница епископовъ по перенесеніи въ Брянскъ черниговской каѳедры

Губернáтовъ (фамилія, вѣроятно д. б. Губернаторовъ: 1785. 10. 178)

Дáрковскій (отъ Дáрковичи): дарковскаго крестьянина Тюрича незастали (1779. б. н. 1225)

Дулéповъ (1788. $^{48}/_{13}$. 378)

Евпáтій (1783. 7. 505)

Завáлки — мѣстность въ Брянскѣ за Петровскимъ монастыремъ (съ 1838 года женскимъ, основана же обитель въ XIII вѣкѣ преподобнымъ Княземъ Брянскимъ Олегомъ). Какъ показываетъ самое названіе, Завáлки находились внѣ окоповъ, фортификаціонныхъ сооруженій, тянувшихся отъ Покровской горы въ городѣ вверхъ по Деснѣ до села Городúща, гдѣ курганъ представляетъ какъ бы tête-de-pont. Курганъ этотъ, кстати сказать, встарину назывался или слылъ подъ именемъ кургана миѳическаго Кудеяра, въ послѣднее же время кѣмъ-то изъ новѣйшихъ археологовъ названъ *Чашинымъ* (!), на томъ-де основаніи, что онъ представляетъ форму чаши (sic). Также какъ и Бабаева роща, Завалки служили мѣстомъ для праздничныхъ народныхъ увеселеній.

Зарѣцкая слобода — часть Брянска со стариннымъ храмомъ во имя Іоанна Предтечи (нѣкогда существовавшей тамъ Предтечевской обители).

Затинная слобода

Зотъ (Изóтъ)

Кальница — мѣстность возлѣ с. Вщи́жа въ Брянскомъ уѣздѣ.

Описывая Церковщину, дачу Кіево-Братскаго монастыря, профессоръ Лашкаревъ говоритъ, что въ числѣ хозяйственныхъ угодій, приуроченныхъ къ сей обители, документы между прочимъ называютъ Калный лугъ. *Калъ* на древнерусскомъ языкѣ — глина, какъ матеріалъ для изготовленія кирпича, и securityназваніе луга Калнымъ, по мнѣнію автора, даетъ ясное понятіе на сосредоточеніи въ той мѣстности кирпичнаго и гончарнаго производства [(см. Чтенія въ Церковно-Археологическомъ обществѣ. Кіевъ. 1899. В. II, стр. 5, со ссылкой на Арсеніевскій патерикъ, рукопись библіотеки кіевской академіи, стр. 59, и на Сказаніе о св. Софіи Цареградской въ сообщеніи архимандрита Леонида (Памятники древней письменности: 1889. LXXVIII), но въ послѣднемъ случаѣ слово «калъ» ошибочно производится отъ греческаго χαλός — добрый, хорошій. Вотъ это мѣсто: «...зане быти емоу калоу легкоу ѕѣло, и гѹкоѿбразноу и доуплю ѝ бѣлоу ѿбличнемъ»... (стр. 17)].

Вѣроятно и вщижская Кальница получила свое названіе по присутствію въ той мѣстности глины (хотя возможно другое объясненіе: qolon, qolno-s — возвышеніе, холмъ, κολωνός, κολώνη, collis, лит. kálna-s — гора, ср. англ. hill. — A. Fick: Vergl. Wbuch d. Indogerm. Sprachen. 1900. 386. — Латышск. kalns, kalninſch), и нѣсколько странно посему встрѣчать такія разсужденія относительно приведеннаго урочища:

«Восточнѣе села (Вщижа), по дорогѣ къ сельцу Ру́дпому, находится группа кургановъ, разбросанныхъ по полю верстахъ въ полутора отъ окраины села; мѣстность, занимаемая этими курганами, зовется «Кальницею», и объясняется мѣстными жителями какъ мѣсто боя защитниковъ Вщижскаго городища въ древности» (Результатъ раскопокъ, произведенныхъ С. А. Чуевымъ: стр. 3).

Къ этому авторъ дѣлаетъ еще слѣдующее примѣчаніе:

«Можетъ быть «Кальница», т.-е. мѣсто погребенія (кладбище)».

Недоумѣніе читателя авторъ разрѣшаетъ въ перечнѣ опечатокъ: въ первомъ случаѣ слово Кальница надо-де произносить «Кальни́цею», а въ другомъ это будетъ «Кальница», т.-е., какъ поясняетъ г. Чуевъ — «мѣсто погребенія, кладбище» (!).

Вщижъ со своею Кальницею и загадочными на ней каменными крестами давно занимаетъ историковъ. Карамзинъ не могъ не обратить вниманія на эту мѣстность, и вотъ что у него находимъ:

...древній городъ есть нынѣ село *Вщижъ*, въ Орловской губерніи, на берегу Десны, въ 40 верстахъ отъ Брянска, въ 90 верстахъ отъ Стародуба, и принадлежитъ Михайлу Николаевичу Зиновьеву, который по своей благосклонности писалъ ко мнѣ слѣдующее: «Въ здѣшней сторонѣ есть преданіе, что село Вщижъ, пожалованное Государями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами и Царевною Софіею моему предку, было городомъ особеннаго Удѣльнаго Княженія. Еще до нынѣ въ окрестности видны слѣды земляныхъ укрѣпленій и находятся большіе гранитные кресты, весьма нехудо выдѣланные. Никто не знаетъ, когда и кѣмъ сіи кресты поставлены. Должно замѣтить, что въ нашихъ мѣстахъ совсѣмъ нѣтъ гранита. На поляхъ много кургановъ; одинъ изъ нихъ въ самомъ селѣ, и наполненъ старыми кирпичами: сказываютъ, что тутъ была церковь. Выкапываютъ также немало мѣдныхъ крестовъ, иконъ, желѣзной конской збруи», и проч. (И. Г. Р. Изд. 5: II, примѣч. 397).

Въ письмѣ М. Н. Зиновьева (гвардіи штабсъ-капитанъ, род. 30 августа 1782. † 15 іюня 1839) внѣ всякаго сомнѣнія есть доля правды, но строго относиться къ его показанію нельзя безъ тщательной провѣрки всего, что такъ или иначе можетъ освѣтить прошлое Вщижа, и въ этомъ родѣ уже кое-что сдѣлано. Вообще же, какъ мало слѣдуетъ довѣряться показаніямъ мѣстныхъ жителей относительно чего-либо изъ области давней старины, можетъ служить легендарное объясненіе, переданное намъ о двухъ каменныхъ крестахъ на одномъ изъ кургановъ Кальницы: это-де заколдованный свадебный поѣздъ (женихъ и невѣста). На той-же Кальницѣ находится старый дубъ съ огромнымъ дупломъ. Нѣкогда дерево это, также по объясненію мѣстныхъ жителей — стояло-де у Святого озера, бывшаго тутъ, па Кальницѣ, но ушедшаго съ горы вслѣдствіе того, что одна женщина вымыла въ немъ пеленки. Что удивительно однако, до сихъ поръ ни одинъ свадебный поѣздъ не минуетъ сего дуба безъ того, чтобы не облить его водкой, т.-е. совершается

нѣчто вродѣ умилостивительной жертвы, причемъ поѣзжане конечно не забываютъ и себя, а кресты на курганахъ по какому-то суевѣрному обычаю увѣшиваются небольшими мѣдными или оловянными шейными крестиками. Несомнѣнно, когда-то у Кальницы происходило нѣчто историческое, но все это подъ вліяніемъ времени исказилось въ памяти народной. — См. Благовѣщенье (о двухъ загадочныхъ крестахъ, Макарѣ и Моисеѣ, см. Могилевскія Губ. Вѣдомости: 1900. 46).

Карачи́жъ — подгородная деревня въ верстѣ или полутора верстахъ отъ Брянска; однажды названіе этой деревни встрѣтилось въ такомъ написаніи: «въ деревнѣ Карачи́захъ» (1785. 10. 100)

Кистеневъ — фамилія крестьянина (1779. б. н. 1102)

Кневи́чи (ср. Рого́вская застава въ Москвѣ, произносимое такъ коренными москвичами; суровскій товаръ, и проч.); встрѣчается **Кнежи́чи** (1782. 15/6: 133. 160. 182. 459), писалось и **Княжи́чи** — село въ Брянскомъ уѣздѣ, нѣкогда принадлежавшее Зиновьевымъ.

По указу изъ брянскаго уѣзднаго суда, пущенному отъ 7-го числа февраля, о дозволеніи близь села Княжичъ, въ Тютчевой слободкѣ и въ селѣ Липовѣ къ продажѣ напитковъ, и проч. (1779. б. н. 16; также и въ другомъ дѣлѣ: «Княжичи»: 1783. 7. 861).

Корниллевъ (1783. 7. 867 об.)

Кошкино поле — второе кладбище въ Брянскѣ за прежнею Московскою заставою, съ церковью во имя святителя Митрофана, воронежскаго чудотворца, построенною брянскими купцами Аѳанасіемъ Невструевымъ и Артеміемъ Прокофьевымъ и освященной 20 октября 1835 года послѣднимъ настоятелемъ Петропавловскаго мужского монастыря, архимандритомъ Филаретомъ. Ранѣе на томъ кладбищѣ былъ храмъ во имя Спаса Нерукотвореннаго образа, построенный въ XVIII вѣкѣ (около 1781 года) усердіемъ брянскаго купца, именитаго гражданина Павла Утинкова.

Кривой мостъ — колѣно или изгибъ Московской улицы въ Брянскѣ у подъема къ Петровскому монастырю

Кулина — Акулина (Акилина)

Кура́кинъ боръ — невысокій холмъ на луговой сторонѣ Десны противъ Брянска, къ юго-востоку. Въ Украинскомъ Журналѣ (1825: V. 323—325) урочище это невѣрно названо «Куракинъ *бо́рокъ*»: сколько знаемъ и помнимъ, боръ всегда слылъ подъ своимъ настоящимъ названіемъ, не уменьшительнымъ.

Кѐевъ — Кіевъ

Лафёръ и Лафоръ (имя): 1799. 16: 350 и 573 об.

Лево́нъ (1782. 15/6. 133)

Листратъ (1799. 16. 489 об.)

Лифаново кладбище въ Свѣнскѣ, за оградою обители, къ Деснѣ

Лифантей

Лофицкій уѣздъ (1794. 25. 134 об.)

Маре́я

Въ одной изъ статей Тульскихъ Губернскихъ Вѣдомостей говорится, что дьякону предстоитъ большая арена дѣятельности въ школѣ. Особую услугу дьякона̀ могутъ-де оказать въ приходахъ благочинныхъ, которые иногда не бываютъ дома недѣли двѣ-три, а законоучительство тамъ, наприм. въ школахъ грамоты, довѣряется какому-либо недоучкѣ-учителю, который самъ вмѣсто Марія произноситъ «Марея», а вмѣсто: Отче нашъ — «Во́тча нашъ» (1898. 266).

Масе́й — Моисей (1779. б. н. 769; 1799. 16. 149 об.)

Мосеева Авдотья (1783. 7. 473); Гаврила Мосеичъ (Д. Сеничевъ: Сама хозяйка. Драма. Орелъ, 1897, стр. 15)

Мысе́ева дорога (Моисеева)

На темносинемъ небесномъ сводѣ мерцаютъ милліоны звѣздъ, глядя на которыя человѣкъ непремѣнно хоть на минуту задумается о величіи безконечнаго міра и о своемъ абсолютномъ ничтожествѣ. Лежитъ мужикъ на телѣгѣ, смотри́тъ на звѣзды и думаетъ: «Сколько Господь Богъ свѣчечекъ зажегъ! А вонъ Мысеева дорога (млечный путь): ишь, словно переполска на небѣ... Звѣздочка скатилась — чья-то душа съ землею попрощалась: упокой ее Господь въ раю свѣтломъ» (Курскія Губ. Вѣдомости: 1896. 147).

«А при сей дѣловой записи сидѣли третія: . . . колужане посадцкіе люди Галоктіонъ Мыйсѣевъ сынъ Ѳеѳиловъ, Козма Ивановъ сынъ Залоторевъ». . . etc. (А. Н. Маркевичъ: Калужскіе купцы Дехтеревы. Одесса. 1892, стр. 43).

Какъ любопытный фактъ, отмѣчу здѣсь слѣдующій случай: однажды въ Брянскѣ, на мой вопросъ къ извощику, мѣстному уроженцу — гдѣ Моисей? (тоже извощикъ), мнѣ отвѣтили, что «такого у насъ нѣтъ, а есть Масей». . . Такимъ образомъ, произношеніе этого имени въ первомъ, безъударномъ слогѣ варьируется, какъ: Ма. . . Мо. . . и Мы. . . Вообще же должно сказать, что звуковъ, стоящихъ внѣ ударенія — никогда нельзя отмѣтить съ надлежащею правильностію, передать графически именно такъ, какъ слышитъ ихъ человѣкъ, обладающій даже тонкимъ слуховымъ аппаратомъ.

Митрофаній

Младе́нченокъ (прозвище: 1785. 10. 294)

Приведемъ здѣсь еще нѣсколько брянскихъ уличныхъ прозвищъ:

Антоновъ огонь — прозванный за вспыльчивый характеръ

Блохины́ — предка носящихъ это прозвище, нѣкогда за его вертлявую походку мальчишки провожали возгласомъ: «блоха въ . . . .», что изъ приличія дало фамилію «по у́личному».

Бу́ховы (Бабко́вы)

воро́на

выхо́дить — за частое повтореніе сего слова: «Тольки этта, я, выхо́дить, хотѣлъ къ нему идить, а онъ, выходить, и самъ мнѣ у стрѣчу. Ну, выходить, и т. д. (ср. Курскій Сборникъ: 1903. IV, стр. 51, примѣч. 6)

горовы́е — жившіе возлѣ горы

душа́ — отъ частаго повторенія сего слова въ разговорѣ, какъ бы замѣняющаго: «милый», «любезный», и т. п.

за милую душу — также отъ частой поговорки, означающей высшую похвалу, чего бы рѣчь ни касалась: — Хорошъ гусь или поросенокъ? — За милую душу. — Время хорошо провели? — За милую душу. — Пѣли за милую душу, и проч.

зуёкъ

кара́чевскій — выходецъ изъ Кара́чева, и подъ такимъ прозвищемъ легче знать, о комъ идетъ рѣчь, нежели по настоящей

фамиліи того человѣка, для чего существуетъ даже особенное выраженіе, или оговорка: «а по книгамъ онъ», иногда добавляютъ: «пишется».

козѣ хвостъ откусилъ
крохи́чъ
кухва́нха
ла́пушкинъ
марки́зъ
сели́тра
сторублёвка
телелю́й
сорокъ аршинъ кишку съѣлъ, по вѣдности покупалъ литóмію
щелочóкъ, и др.

Нефёдъ — Меѳодій

Нижнія Демьянины, деревня (1783. 7. 368)

Ники́тьевичъ

Оболва рѣка — Болвà: около Оболвы покосовъ (1782. $^{15}/_{6}$. 468)

Оболовъ (?): перешедъ рѣку Оболовъ (1779. б. н. 778)

Овщижъ (и **Авши́жъ**) — Вщижъ

Оста́хъ — Евстафій (1783. 7. 428)

Па́вма — Па́мва

Па́вола (женское имя) — Па́вла (1779, б. н. 691 об.; 1794. $^{80}/_{1}$. 239); Павола Пофиснева (1801. 36. 912)

Пару́шка (съ пейоративнымъ оттѣнкомъ) — Прасковья; сокращенно зовутъ: Пару́шъ

Пода́ръ (таково общепринятое написаніе, но вѣроятно д. б. **Пада́ръ**) — горный ключъ у Брянска къ сторонѣ Карачи́жа.

Полевая церковь — кладбищенская, во имя Рождества Богородицы, съ придѣломъ на хорахъ во имя Александра Невскаго. Построена усердіемъ брянскаго купца Аѳ. Алексѣев. Баба́ева въ память пребыванія въ Брянскѣ Императора Александра Павловича 8 сентября 1823 года, причемъ квартира Его Величества была въ домѣ сказаннаго купца.

Основаніе храма заложено 18 мая 1825 года, освящена же церковь въ 1827 году.

Полика́рпій (народное: **Паника́пій**)

Поро́й — Упоро́й (село)

Посо́пный — нѣкогда въ Брянскѣ такъ называлась Гончарова слобода: Пособная или Посопная, нынѣ носящая названіе слободы «Нижней» (о значеніи слова «посопный» (посопные татаровья) см. замѣтку въ Пензинскихъ Губ. Вѣдомостяхъ 1898. 192)

Пофисневъ — Похвисневъ

По́нтикъ, уменьшительное отъ Пантелеймонъ

Пути́мскій — (Путивльскій? 1782. $^{15}/_{6}$. 449)

Пьянко́ва деревня (1783. 7. 336)

Пятницкій ровъ — горное ущелье въ Брянскѣ, идущее отъ Судка̀ къ Троицкой церкви и названное по одному изъ придѣловъ въ семъ храмѣ (Параскевы).

Пятницкое: былъ въ селѣ прозываемомъ Пятницкомъ, что на Андриановой горѣ (1779, б. н. 690)

Ра́дичи (1799. 16. 825) — нынѣ называется Ра́дица, также какъ Бѣ́жичи передѣлано въ Бѣ́жицу

Рославско́й (1799. 16: 428. 431. 438 об. 493 об. 507. 559. 573 об., и проч., вездѣ правильно, согласно говору, кромѣ одного случая: «рославльской» (430 об.); ср. ярославскій, и др.

Сарапа́евъ, крестьянинъ села Коро́стовки

Сахронъ — Софроній (1785. 10. 323); Софхронъ (1800. 113—III. 13)

Свинскъ — Свѣнскъ, Свѣнскій монастырь вблизи Брянска, основанный княземъ Романомъ Михайловичемъ въ 1288 году. Произношеніе съ *и* — южно-русское, кіевское, держащееся въ народѣ и донынѣ, хотя съ конца XVII столѣтія обитель, по монастырскимъ записямъ, встрѣчается уже и какъ Свѣнскъ, при которомъ нѣкогда славилась осенняя ярмарка (втеченіе всего октября).

Се аз колуженин посадцкой человѣкъ Осипъ Прокофьевъ сынъ Бочаров з детми своими с Никиѳаром да Ильею заняли есмы на свинской ярманки у колуженина... Дехтерева адиннадцать рублевъ денегъ серебреных мѣлких... и проч. (Запись 1689 года.— А. И. Маркевичъ: Калужскіе купцы Дехтеревы. Стр. 65).

Стюденéцъ, деревня Брянской округи (1779, б. н. 562 об.; 1782. $^{15}/_{6}$. 315; 1783. 7. 219)

Супóнина, Супóнино (1779, б. н. 1126)—такъ записано это названіе села со словъ самихъ крестьянъ, также оно писалось во всѣхъ актахъ (1783. 7. 787; 1785. 10. 323: здѣсь одинъ разъ: Супонено; 1800. 113—226), и правильно было отсюда прилагательное «Супóнинскій»; нынѣ же названіе села переиначено въ Супóнево, а народъ остался при своемъ гóворѣ.

Тúсовъ Максимъ, онъ же **Хлю́стка** (1785. $^{30}/_{9}$. 1224)

Умы́сличи, Умыслинскій (1799. 16. 466 об.)

Успенское, Снóпотъ тожь, нѣкогда принадлежавшее графу П. А. Румянцеву-Задунайскому (1794. $^{30}/_{1}$. 330).

Ущúжъ (1799. 16. 1011) и **Ущúжы** — село Вщижъ

Селоущижы
Свящѣнница
вдавица алекса
ндра митраполь
ской

[Запись въ синодикѣ Клетневской обители, или иначе «Клетны́», находящейся въ Брянскомъ уѣздѣ и основанной въ 1851 году (л. 26)].

Фвомá (1802. 35. 260)

Фру́за — уменьшительное отъ Евфросинія

Хóртикъ — Харитонъ

Черный колодезь — источникъ въ Брянскѣ на Дальнемъ Судкѣ

Шабалди́нъ, крестьянинъ села Коро́стовокъ (нынѣ Коро́стовка)

Ши́льниковъ крестьянинъ (въ дѣлѣ: «Объ умертвіи брянскаго помѣщика капитана Лаврова»: 1779, б. н. 1102)

Явсей — Евсей (1785. 10. 163)

Мѣры времени и пространства.

Вечеръ (сумерки): (мы) осмерклись (1792. 74. 738)

Водопой: и приехалъ домой еще рано, такъ, какъ (приблизительно) вудопой (въ водопой) (1792. $^{64}/_{17}$. 24)

Егорьевъ день (Егорій): нынѣшнею весною передъ Егорьемъ за недѣлю (1785. 10. 520)

Мясное заговѣнье: въ минувшемъ февралѣ съ пятницы подъ суботу предъ мясными заговенами (1783. 7. 343)

Николаевъ день: з (съ) зимнѣва Николаева дни (1783. 7. 483)

Обѣдъ: . . . самъ пошелъ ва обыходъ, а послѣ того на тотъ же день въвобеды, и проч. (1792. 64. 8 об.); . . . а на другой день, то есть шестого числа, (въ) самыя обѣды . . . (ib. 24)

Петровъ день: за пять дней до Петрова дни (просьба помѣщика Глотова: 1782. 10. 2)

Су́мерки (осме́ркнуться) — см. вечеръ

Сырная недѣля: передъ сырною недѣлею назадъ тому недѣль одиннадцать (1783. 7. 857)

Относительно счета времени праздниками и почему-либо выдающимися днями, особенно счета *недѣлями*, см. брошюру священника I. Бермана: Календарь по народнымъ преданіямъ въ Воложинскомъ приходѣ Виленской губерніи, Ошмянскаго уѣзда (Спб. 1874). Кстати, можемъ еще указать также весьма интересный трактатъ пастора St. Johannis въ Петербургѣ, д-ра I. Гурта (Hurt): Über estnische Himmelskunde (Спб. 1900).

Въ XVI—XVII вв. въ Польшѣ и въ Западной Россіи велся оригинальный счетъ сутокъ, дѣлившихся не на двѣ

половины, по 12 часовъ въ каждой, а послѣдовательно на 24 часа, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ, сообщаемыхъ профессоромъ М. Н. Ясинскимъ:

Czas, dzień i miejsce pokładamy w Krakowie na dworze naszym, od wtorku we dwie niedziele w ośmnastą godzinę na placu w szranku naszego dworu, który będzie im ukazan (листъ Сигизмунда I отъ 28 ноября 1511 года двумъ тяжущимся съ означеніемъ времени судебнаго поединка.— Skarbiec diplomat. Daniłowicza: 2232).

Жикгимонтъ Августъ, король Польский и великий князь Литовский умер в Кнышине, лета по нароженю Христовомъ 1000, 500 семдесятъ второго, месеца іюля семого дня, въ понедѣлокъ, годины осмоенадцать, и проч. (Московскій Архивъ М. Ю.: Записи коронныя. 1. л. 303).

...Вчора есте на суде не заседали и никого не судили черезъ увес денъ, еднож в самый вечоръ, по двадцатой године, пришли есте до замку, до церкви, к вечерни... (Кіевскій Центр. Архивъ: 912, актъ 213, относится къ іюню 1579).

...С поранку аж до вечера, годины двадцатое третее, в том дворе Грушовой-Вольки очекивали (Тамъ же: 993. 7 — февраль 1627).—Болѣе подробныя выписки см. въ Чтеніяхъ въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца: XVI. 4, стр. 24—39.

Въ Италіи уже довольно давно установленъ счетъ въ 24 часа и оффиціально введенъ въ желѣзнодорожное расписаніе (Харьковскія Губ. Вѣдомости: 1902. 5).

Упря́жка—время пробѣга или прохода лошадью съ нетяжелою кладью извѣстнаго пространства, примѣрно 25—30 верстъ, послѣ чего слѣдуетъ отдыхъ, иначе—*кормить* (станція).

Для сравненія съ брянскимъ опредѣленіемъ упряжки, каковыхъ болѣе двухъ въ сутки обыкновенно не дѣлаютъ, приведемъ еще нѣсколько данныхъ объ упру́гѣ.

Такъ, въ Козелецкомъ уѣздѣ, когда орутъ землю, то день дѣлятъ на три части или упруга: одна отъ ранняго утра почти до 10 часовъ, другая отъ 10 до 4-хъ пополудни и третья до совершенныхъ сумерокъ. Въ промежуткахъ этихъ частей пахари дѣлаютъ отдыхъ (Черниговскія Губ. Вѣдомости: 1853. 37. Ч. Н., стр. 369, примѣч. 13).

Пространство пахатнаго поля, по стариннымъ малороссійскимъ документамъ, опредѣляется днями, считая на деся-

тину 1 и $^1/_3$ дня и раздѣляя день на три упруга, такимъ образомъ ниву на семь дней приблизительно можно считать въ 5 десятинъ 600 саженъ. Опредѣленіе пространства днями основано на томъ, что въ одинъ и одну треть дня можно вспахать одну десятину упругами, считая на десятину четыре упруга, т.-е. перепрягать лошадей или воловъ для отдыха и корму три раза въ день. На десятину слѣдовательно надо полагать четыре такихъ перепряжки: въ одинъ день три и на другой — одну (А. Ханенко: Историческій очеркъ межевыхъ учрежденій въ Малороссіи. Черниговъ. 1870, стр. 67).

Владѣющій 10—15 десятинами земли считается въ Козелецкомъ уѣздѣ (Черниговской губерніи) зажиточнымъ человѣкомъ, такъ какъ немало есть крестьянъ и казаковъ, вовсе не имѣющихъ земли или владѣющихъ однимъ упругомъ (четверть десятины). (Кіевское Слово: 1898. 3707).

Филиповы заговины: передъ Филиповыми мясными заговенами (1783. 7. 368 об.)

Шибави́шша (шибови́ще) — мѣра разстоянія, по объясненію крестьянъ: «какъ можно середнимъ камнемъ ве́рзить», слѣдовательно саженей около 25—30.

Ср. подобное же опредѣленіе пространства: «У бѣлоцерковщинѣ село прозивается блощинцѣ, идучи от смѣлящини до села блощинецъ не доходячи до села какъ палкою кинуть яръ, у яру криницы (sic), уся в водѣ, криница рублена», и проч. (Запорожская рукопись о кладахъ. Кіевъ. 1857, стр. 17.$_{85}$; второе изданіе ея вышло въ 1903 году).

Одна изъ оригинальныхъ мѣръ въ Малороссіи для опредѣленія не только разстоянія, но даже площади поземельнаго участка, былъ сукъ, сучокъ, люлька — трубка для куренія табаку, иначе носогрѣйка. При опредѣленіи пространства между двумя пунктами иногда говорили: «на два сука», то-есть, проходя отъ одного мѣста къ другому, можно выкурить двѣ трубки. Такимъ же образомъ, когда при обходѣ межъ участка можно выкурить три трубки, говорили: «нива на три сука» (А. Ханенко: l. c. 75).

Такое же опредѣленіе встрѣтилось намъ въ одномъ разсказѣ изъ англійской жизни:

A lady who is staying at a South Coast village asked one of

the inhabitants how far it was to a house for which she was making, and answered:

— Just about a dog's trot, mum.

— How far is that? the lady asked again.

The man hesitated an instant and then replied:

— About as far as it would take ye to smoke an even pipe-ful o' terbacker, mum! (Liverpool Weekly Post: 1901, nº 1187).

Въ Малороссіи была еще мѣра: «воловый рикъ», употреблявшаяся для опредѣленія пространства, на которомъ можетъ быть слышенъ ревъ вола.

Между прочимъ у нѣмцевъ, на такомъ опредѣленіи пространства звукомъ, есть мудреная загадка: «Гдѣ находится колоколъ, въ который если ударить на Пасху, то звукъ будетъ длиться до Троицына дня» (будетъ слышенъ на Троицу)? — Разгадка: Oster и Pfingsten, двѣ деревушки, лежащія одна возлѣ другой.

Любопытны мѣры, приведенныя въ Космографіи 1670 года:

аршины

версты

кграды (градусы)

кубиты

левки гишпанскіе, а левка по три версты

мили: мили итальянскія, т.-е. версты; мили польскія или нѣмецкія, равныя пяти верстамъ; миля шпанская

ноги человѣческія

пАсы: 8000 пасовъ или стадій

песы или шахи

поприща

пяди

сажени

стадіи: слышать за 4000 стадій

стопы ножныя

стопы человѣческія

ступени человѣческія

улня (ulnus — локоть)

высота несказаемая: изъ лука дострѣлити невозможно; птица однимъ перелетомъ перелетѣть не можетъ (Космографія издан. И. Общ. любит. древней письменности: XXI—LVII—LXVIII, стр. 339).

Относительно «ступени человѣческой», у Хапенки находимъ слѣдующее: «Ступень въ степныхъ мѣстахъ обыкновенный шагъ человѣка, и равняется одному аршину, а въ сѣверной части Черниговской губерніи (гдѣ ступень называется сńгепь) ступень означаетъ пространство, занимаемое подошвою обутой ноги, и приблизительно равняется одному футу» (l. c., стр. 74—75).

Единицею мѣры при рубкѣ лѣса въ Брянскѣ служилъ *топоръ:* пущенъ я былъ съ товарищи въ дачу для гнутья обóдья шесть топоровъ (1791. 59/15. 6); со всякаго топора... (1798. 31. 146).

Въ Калугѣ величина лавки, какъ торговаго помѣщенія, нѣкогда опредѣлялась *замкóмъ* (дверями, раствóромъ): «Се аз колужене... поделилися мы меж себя... мнѣ Семену съ Евдокимомъ надѣлу (sic) досталси: отцовской старой двор и с хоромы и со всемъ строенямъ, да лавка з двемя замками»... «Мнѣ Зеновю с братом с Корнилем надѣлу досталося... в ряду маскотилномъ лавка адин замокъ»... «а ему Семену з братом съ Евъдокимом надѣлу досталос отца нашего старой двор и с хоромы... да лавка з двомя зомками»... «надѣлу мнѣ Корнѣю досталося въ москотилномъ ряду онбар и с мѣстомъ один замокъ»... (А. И. Маркевичъ: Калужскіе купцы Дехтеревы. Стр. 42—45).

На Волгѣ мѣрою глубины иногда служитъ выраженіе «*подъ табакъ»:* «...Подъѣзжаемъ рано утромъ къ Царицыну. На крутомъ берегу, по надъ Волгой, тянется скверъ, обсаженный невысокими, молодыми деревцами, а за нимъ виднѣются большія новыя зданія, красиво задрапированныя темной зеленью дикаго винограда и акацій. Отъ сквера спускаются къ пристанямъ различныхъ обществъ широкія деревянныя лѣстницы.

— А что, тутъ глубоко? — спрашиваю я у мимо проходившаго матроса.

— Да ничего, подъ табакъ! — отвѣтилъ онъ.

«Подъ табакъ» въ переводѣ на обще-русскій языкъ означаетъ: глубоко. Терминъ этотъ получилъ свое начало среди рыбаковъ или былыхъ бурлаковъ Волги, и онъ довольно образный. Когда имъ приходилось итти въ воду, то они обыкновенно всѣ свои капиталы и табакъ, т.-е. все, что у нихъ было драгоцѣннаго, подвязывали подъ мышки, чтобы не замочить. И вотъ, если вода начинала угрожать табаку, что было, конечно, очень печально для его владѣльца, то для бурлака это было уже глу-

боко. Оттуда и пошелъ этотъ терминъ» (Кубанскія Обл. Вѣдомости: 1899. 14).

—

Мѣры съ архаическимъ оттѣнкомъ иногда вводятся въ изящную словесность, гдѣ своею картинностью придаютъ разсказу особенный колоритъ. Таково, наприм., начало повѣсти Кохановской: «Рой—Θеодосій Саввичъ на спокоѣ», написанной въ духѣ старинныхъ складокъ: «...на этой безпредѣльной ширп и пустоши дикопорожнихъ земель, куда—лѣтъ тому будетъ два ста—сходили на выселъ русскіе люди новую сельбу селить и занимали ихъ вольныя займища, полагая грани на «калиновый кустъ», на «заячій скокъ» да на «сорочій летъ», да еще сколько вершникъ на борзомъ конѣ въ день объѣдетъ», и проч. (День: 1864. V).

Для вящаго представленія брянца въ его бытовомъ словѣ, помѣщаемъ въ приложеніи нѣсколько реченій, заключающихъ въ себѣ прибаски или пригýдки, повѣрья, присловья, пословицы, названія дѣтскихъ игоръ, и проч.

Извѣстны повѣствованія евангелистовъ объ отреченіи апостола Петра:

...Петръ же внѣ сѣдяше во дворѣ. И приступи къ нему едина рабыня, глаголющи: «и ты былъ еси со Іисусомъ Галилейскимъ». Онъ же отвержеся предъ всѣми, глаголя: «не вѣмъ что глаголеши». Изшедшу же ему ко вратомъ, узрѣ его другая и глагола сущимъ тамо: «и сей бѣ со Іисусомъ Назореомъ». И паки отвержеся съ клятвою, яко не знаю человѣка. Помалѣ же приступивше стоящіи, рѣша Петрови: «воистину и ты отъ нихъ еси, *ибо бесѣда твоя явѣ тя творитъ*» (Мѳ. XXVI, 69—73).

...И рабыня видѣвши его (Петра) паки, начатъ глаголати предстоящимъ, яко сей отъ нихъ есть. Онъ же паки отметашеся. И помалѣ паки предстоящіи глаголаху Петрови: «воистину отъ нихъ еси, ибо Галилеанинъ еси, *и бесѣда твоя подобится*» (Мрк. XIV, 69—70).

. . . Узрѣвши же его рабыня нѣкая сѣдяща при свѣтѣ, и возрѣвши нань рече: «и сей съ Нимъ (Іисусомъ) бѣ». Онъ же (Петръ) отвержеся Его, глаголя: «жено, не знаю Его». И помалѣ другій видѣвъ его, рече: «и ты отъ нихъ еси». Петръ же рече: «человѣче, нѣсмь». И мимошедшу яко часу единому, инъ нѣкій крѣпляшеся глаголя: «воистину и сей съ Нимъ бѣ: *ибо Галилеанинъ есть*» (Лк. XXII, 56—59).

Бесѣда — разговоръ, рѣчь, ἡ λαλιά, ῥῆμα, συντυχία, colloquium, verbum (Востоковъ, Миклошичъ). — По сравненію съ жителями главнаго города, галилеяне разнились выговоромъ, менѣе яснымъ и правильнымъ произношеніемъ (Schenkel: Bibel-Lexicon. II, стр. 322, s. v. Galiläa; ср. Schibboleth: ib. V, 217 s. v.).

Между индивидуальными особенностями каждаго человѣка не только языкъ, но го́воръ и самая устная рѣчь его составляютъ наиболѣе характеристичную черту. Такъ, въ числѣ примѣтъ, что такой-то «тѣлосложенія крѣпкаго, некрасивый»; или: «играетъ на гармоніи»; «иногда ходитъ въ очкахъ»; «православная, занимается домашнимъ хозяйствомъ»; «православный, по занятію ремесленникъ»; «стрижется коротко, въ общемъ красивъ»; «съ длинною шеей, шантретъ», и проч., означается, что имярекъ (наприм. жена дьячка) «порусски не говоритъ», или: «говоритъ шепеляво», «говоритъ нѣжно и вѣжливо», и т. п.[1].

Встарину, даже не очень давнюю, на устное слово обращалось большое вниманіе, и вотъ какою представлялась живая рѣчь человѣка.

Въ указахъ орловскаго губернскаго правленія брянскому нижнему земскому суду «о сыскѣ разнаго званія людей, а нѣкоторыхъ имѣній и наслѣдниковъ, и о учиненіи въ разныхъ мѣстахъ публики» (публикаціи, объявленія), читаемъ слѣдующее о разыскивавшихся бѣглыхъ: колодникахъ, рекрутахъ, и проч. (беремъ лишь однѣ примѣты рѣчи и говора).

[1] См. Старинныя публики. Черниговъ. 1897, стр. 8.

Такъ, объ одномъ бѣгломъ сказано, что онъ «говоритъ по россійски» (1793, б. н. 534).

О другомъ — «говоритъ по россійски чисто» (тамъ же, 922 об.).

Далѣе:

Говоритъ дроботливо (ib., 1083).

Говоритъ по малороссійски (ib., 1276).

Рѣчь во обоихъ толстая (ib., 1277).

Говоритъ тихо по русски и по татарски (ib., 1278 об.).

Говоритъ тихо и смиренъ (ib., 1279; 1800 32. 1520).

Говоритъ тихо по малороссійски (1795. 27. 74).

Говоритъ шепеляво по великороссійски и малороссійски (1799. 30. 45).

Говоритъ пространно (1799. 30. 46; 1800. 32: 581 об., 586 об., 670, 960 об. и 1623 об.; 1801. 36. 682 об.; 1804. 130—I. 776).

Говоритъ тихо (1799. 30. 308 и 750).

Говоритъ свободно (ib.: 390 и 392 об.; 1801. 36: 764 и 1071 ст. 21).

Говоритъ по казацку (1800. 32. 183 об.). — [Донцовъ-низовцевъ «не трудно отличить по говору, въ которомъ малороссійскія слова подъ вліяніемъ мягкаго рязанскаго говора получили своеобразный характеръ; да и всѣ другія слова выговариваются здѣсь (въ низовьи Дона) до приторности мягко» [1]].

Говоритъ дрободливо (1800. 32. 220).

Говоритъ по малороссійски пространно (ib.: 392 и 1159).

---

[1] А. Савельевъ: Сборникъ донскихъ народныхъ пѣсенъ. Спб., 1866, стр. 11. Ср. А. И. Соболевскій: Опытъ русской діалектологіи. Спб. 1897. I, стр. 25). — Вѣроятно тутъ дѣло идетъ о такой казацкой рѣчи, какую разумѣетъ и публикація.

Говоритъ тихо, пространно (ib., 572 и 1801. 36. 444).

Говоритъ пространно и въ землю смотритъ (1800. 32. 587).

Говоритъ несвѣтло (ib., 740).

Говоритъ щепетливо (ib., 1506).

Говоритъ смѣло и чисто (ib., 1514 об.).

Говоритъ исправно (ib., 1619 об.).

Говоритъ по малороссійски много (ib., 1624).

Говоритъ горково по малороссьиску (1801. 36. 444). — . . . житель с. Волынки, Сосницкаго уѣзда, Черниговской губерніи, казакъ . . . разговоръ гарькавый (Черниговскія Губернскія Вѣдомости: 1899, 35).

Говоритъ по кіевски смѣсью россійскихъ словъ (1801. 36. 451).

Кромѣ польскаго никакихъ языковъ не знаетъ, говоритъ тонко и тихо (ib., 686).

Говоритъ пространно литовскимъ нарѣчіемъ (ib., 1071 ст. 23); другой разыскиваемый показанъ какъ говорящій пространно, разнорѣчево (ib.).

Говоритъ по великороссійски пространно; о другомъ упомянуто лишь, что говоритъ по великороссійски (ib., ст. 26).

Говоритъ шибко (1803. 39. 573).

Рѣчми и поступками проворенъ и скоръ (1804. 40. 444, ст. 12).

Говоритъ дроботливо съ затинчивостью (ib., 597), и т. п.

Въ такомъ же родѣ встрѣтились намъ характеристики рѣчи въ черниговскихъ архивахъ, откуда приводимъ навыдержку нѣсколько опредѣленій.

1. Архивъ черниговской Пятницкой церкви:

Въ рѣчахъ непространенъ з заикою (1726 сентября 3).

Астраханскаго Спасскаго монастыря монахъ Герасій (sic) Ивановской «ростомъ високъ . . . носъ отъ болѣзни изгнилъ и рѣчь его разслушать съ нуждою, понеже говоритъ въ носъ» (1746 іюля 8).

Мѣстечка Зѣнкова, церкви Михайловской священникъ ...не дождавшись рѣшенія по его дѣлу, «с Кіева бѣзвѣстно бѣжалъ . . . росту високаго, корпуса кругглаго . . . очей бистрыхъ, носа мало кирпатого, обширного, бороды долгой и обширной, усовъ кудравихъ болшихъ, всегда веселъ, говоритъ много, шутливо» (1746).

Благовѣщенского Рабцовскаго монастира минувшаго іюля 26 дня табелніе двѣ монахинѣ Елена да Устінія . . . бежали. Первая «мови пространной» . . . другая «мови тихой» (1746, августъ).

Епархіи чернѣговской ігуменъ рихловскій Елисей Бориславскій въ консисторію епископіи чернѣговской доношеніе представилъ, яко-де монахъ Самуилъ прозваніемъ Покотило, будучи мая 7 дня за нѣкоторіе продерзостніе дѣла на чепъ посаженій, оного-жъ мая 8 дня со оной чепи безвистно бежалъ . . . мови пространной, мужичой, ходитъ скоро . . . etc. (1746, за тотъ же мѣсяцъ).

Золотоношскаго Красногорскаго монастыря монахи Анатолій и Варлаамъ бѣжали, «а оніе прмѣтами такови: Анатолій . . . мови литовской . . . Варлаамъ . . . мови попендливой» (тамъ же).

Сосницкаго монастыря монахъ . . . «безвистно бежалъ . . . которій монахъ . . . мови пространной» (тамъ же).

Говоритъ съ баса (1761).

Говоритъ по литовску (пастухъ, крестьянинъ полку

8*

Стародубовского, протопопіи Мглинской, прихода Будинского, деревни Писаревки — 1761).

Говоритъ тихо съ усмѣшкою (1776).

Говоритъ тихо, тонкляво и сиповато.

Говоритъ покладчиво.

Говоритъ тихо, нарѣчіемъ употребляемымъ жителями поморскихъ волостей и Колы.

Говоритъ пространно (ордеръ изъ козелецкаго духовнаго правленія о сыскѣ мѣщанки Улиты Янченковой — 1791 года 16 мая: 135).

2. Архивъ церкви села Лѣнькóва. Приводимыя выдержки заимствованы изъ документовъ 1747 года:

. . . пришедшій въ прошломъ 746 году золотоношскаго монастыря въ монастырь Троецкій-Ильинскій черниговскій расофорчикъ Герасимъ на житло . . . бѣжалъ . . . говоритъ сипливо, спѣваетъ розначо; мови дроботливой, малошепелявой.

. . . лицемъ щупловатъ, малотаранковатъ, очей малихъ, бороды малой вирослой кущикомъ, мови пространной швидкой.

Тѣла мирнаго (мѣрнаго, умѣреннаго тѣлосложенія) . . . мови тихой, въ пѣніи громогласенъ.

Послушникъ: природы чухонской . . . говоритъ по литовски и мало по польски.

. . . а оной іеродіаконъ примѣтъ таковыхъ: росту средняго, ходою нескоръ . . . мови пространной тупой, спѣваетъ басомъ, собою плечистъ.

Нѣсколько примѣровъ опредѣленія рѣчи по источникамъ намъ современнымъ:

Крестьянская жена Яндинской волости, Ключинскаго селенія . . . разговоръ торопливый, походка скорая грудью впередъ (Иркутскія Губернскія Вѣдомости: 1898. 45).

. . . особыя примѣты: говоритъ по еврейски (вѣро-

ятно такъ называемымъ жаргономъ, испорченнымъ нѣмецкимъ языкомъ, съ примѣсью польскаго) и малороссійски (Забайкальскія Областныя Вѣдомости: 1900. 17).

Говоритъ скороговоркой (Прибавленіе къ Таврическимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ: 1901. 51).

Разговариваетъ скоро (Кубанскія Областн. Вѣдомости).

Разговоръ картавый (Донск. Обл. Вѣд.: 1902. 15).

Говоритъ великорусскимъ акцентомъ (ib. 34).

Говоритъ гнусавя (Кубанск. Обл. Вѣд. 1899. 77), и проч.

Такимъ образомъ приведенные документы свидѣтельствуютъ, что различалась рѣчь малороссійская, особая казацкая, кіевская (смѣсь россійскихъ словъ), литовское нарѣчіе, рѣчь великороссійская, и проч. Въ числѣ главныхъ и существенно-важныхъ примѣтъ одного изъ разыскивавшихся убійцъ, показано только, что онъ «человѣкъ великороссійскаго нарѣчія». Такова же примѣта показана о бродягахъ, задержанныхъ въ Черниговской губерніи: «у нихъ нарѣчіе русское», сказано въ объявленіи[1].

Среди такихъ лицъ оказался рекрутъ Тихонъ Маркинъ, бывшій крестьянинъ помѣщика Безобразова изъ села Батогóва, Брянской округи, смежной со Мглинскимъ повѣтомъ Черниговской губерніи, и объ этомъ Маркинѣ сказано, что онъ «говоритъ чисто». Подобный же эпитетъ приданъ еще въ публикахъ о двухъ бѣглыхъ рекрутахъ: одинъ изъ нихъ былъ «изъ купцовъ города Ельца», другой—«изъ однодворцевъ Ливенской округи».

Къ сѣверо-востоку отъ Черниговской границы чувствуется слѣдовательно уже произношеніе московское. Таковъ выводъ, какой позволяютъ дѣлать даже мелкія указанія на особенности гóвора, устной рѣчи. Памятники письменные мѣстнаго происхожденія должны въ этомъ случаѣ получить еще бóльшее значеніе.

---

[1] Черниговскія Губернскія Вѣдомости, 1852, стр. 370, 382 и др.

Въ приведенныхъ опредѣленіяхъ устнаго слóва нѣсколько загадочно выраженіе «литовское нарѣчіе». Выраженіе «литва», какъ извѣстно, съиздавна имѣетъ у насъ двоякое значеніе: въ смыслѣ собственно племени, народности, со своимъ особымъ языкомъ, и какъ нарицательное, служившее для названія всякой мѣстности нерусской: ты съ коей земли, да ты съ коей литвы? и проч. Остановимся здѣсь и взглянемъ какъ опредѣляютъ гóворъ въ Черниговской губерніи, сосѣдней съ Орловской. Мнѣнія о семъ представляютъ выдающійся интересъ. Прежде всего, что такое говоръ литовскій.

Митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ) въ частномъ письмѣ къ академику П. И. Кёппену такъ изложилъ свое мнѣніе о русскихъ нарѣчіяхъ: «Бѣлорусской былъ языкъ двоякой, книжной и народной. Книжной перешелъ и въ Кіевъ, для книгъ же; но тамъ народной языкъ и донынѣ польско-славянской. Но бѣлорусской (т.-е., начиная отъ Смоленска, къ Минску, и вообще въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ — Витебской и Могилевской) — народной и былъ и есть московско-польскій съ выговоромъ литовскимъ»[1].

Печатая одинъ изъ бытовыхъ памятниковъ начала XVIII вѣка, именно тестаментъ (духовное завѣщаніе), издатель между прочимъ говоритъ: «Завѣщаніе писано языкомъ — смѣсь малороссійскаго съ польскимъ, который употреблялся въ то время малороссіянами высшаго круга и въ дѣлопроизводствѣ, — довольно выразительно и даже сильно; нѣкоторыя слова написаны сообразно мѣстному, черниговскому выговору, наприм.: *куп* вм. кип, коп; *дубр* вм. добр; *моюй* вм. моий, моей; *полюв* вм. полей; *десет*, *просéчи*, *стансе*, *контентоватисе*, вм. десять, просячи, станся, контентоватися, и т. п. Нарѣчіе или, правильнѣе, поднарѣчіе это за Десною въ простонародіи называется литовскимъ»[2].

Пойдемъ далѣе.

---

[1] Сообщеніе П. К. Симони въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ: т. I, кн. 2, стр. 339. — Ср. у Шафонскаго: О Черниговскомъ намѣстничествѣ. Кіевъ. 1851, стр. 26, § 12.

[2] Черниговскія Губернскія Вѣдомости: 1852. Ч. Неоффиц., стр. 267. — Ср. «... а примѣтами-де оной монахъ Тимонъ: росту среднего, сухобразъ, лицемъ

«Въ каждомъ почти уѣздѣ Черниговской губерніи вы замѣтите различное названіе одной и той-же вещи, различныя повѣрья, пословицы, поговорки, пѣсни, часто отличныя отъ пѣсенъ другихъ мѣстъ Малороссіи, и даже различіе характеровъ, всегда сильно связанныхъ съ ея мѣстными повѣрьями, языкомъ, говоромъ, такъ свидѣтельствуетъ мѣстный этнологъ.

Главное, рѣзкое отличіе говоровъ Козелецкаго уѣзда (Черниговской губерніи) состоитъ въ томъ, читаемъ у того-же автора, что въ одной части его народъ употребляетъ въ нѣкоторыхъ словахъ вмѣсто *о* — *а*, какъ-то: волы выговариваютъ *валы*, вм. пойду говорятъ *пайду*. Эта часть уѣзда лежитъ на сѣверъ, граничитъ съ Черниговскомъ уѣздомъ, и заключаетъ въ себѣ два или три селенія, не болѣе. Въ другой части уѣзда вмѣсто *о* употребляютъ въ выговорѣ *ъу*, наприм.: волъ говорятъ *въулъ*, конь выговариваютъ *къунь*. Мѣстность эта простирается частію отъ границы Черниговскаго уѣзда, занимаетъ всплошь среднюю полосу Козелецкаго уѣзда и доходитъ почти до селенія Козаръ. Въ остальной южной части уѣзда, начиная отъ Козаръ, господствуетъ уже чисто степовой языкъ (малороссійскій). Въ этой части уѣзда вмѣсто *о* употребляютъ *и*, наприм.: волъ выговариваютъ *вилъ*, конь — *кинь*, и т. п. Кромѣ того, въ этой же части уѣзда употребляются еще нѣкоторыя слова, кои вовсе не употребляются въ другихъ частяхъ Козелецкаго уѣзда.

Нарѣчіе, употребляемое въ при-Полтавской части Козелецкаго уѣзда, будучи совершенно одинаково съ нарѣчіемъ въ Полтавской губерніи, равно сходно съ нарѣчіемъ почти цѣлаго Нѣжинскаго уѣзда.

Нарѣчіе средней полосы Козелецкаго уѣзда грубѣе въ нѣкоторыхъ словахъ и труднѣе въ выговорѣ, чѣмъ нарѣчіе при-Полтавской его части. Здѣсь, въ средней полосѣ, говоръ въ

смуглъ . . . говоритъ по литовску, рѣчи картавой и писма мало умѣетъ», etc. (Сборникъ дѣловыхъ бумагъ архива черниговскаго Елецкаго монастыря, n⁰ 2, л. 367 и об.: Объявленіе консисторіи 1735 года 9 октября).

основныхъ своихъ началахъ и въ изложеніи рѣчи совершенно почти сходенъ съ говоромъ Остерскаго уѣзда, и отличается отъ него весьма немногимъ.

Въ сѣверной части Козелецкаго уѣзда, кромѣ того, что въ нѣкоторыхъ словахъ употребляютъ *а* вмѣсто *о*, часто еще произносятъ *ѣ* вмѣсто *е*, наприм.: дѣрживо вм. держиво (содержаніе, уходъ за чѣмъ); также послѣ *р* иногда произносятъ вмѣсто *я* — *а*, а *о* иногда замѣняютъ буквою (звукомъ?) *ю*, наприм. онъ — *юнъ*»[1].

«Говоръ юриновцевъ (с. Юриновки, Новгородсѣверскаго уѣзда, Черниговской губерніи), читаемъ въ другой замѣткѣ — особенно отличенъ въ своемъ словосочиненіи (?) иноситъ особенный характеръ. Его трудно опредѣлить съ точностью: есть слова̀ и выраженія чисто русскія, бѣлорусскія, малороссійскія, польскія и многія другія, каковы напримѣръ:

авсяник — конь
болонка — шибка въ окнѣ
боханъ — цѣлый хлѣбъ
вѣдать — знать
гладышка — кувшинъ
глек — тоже
каврига — цѣлый хлѣбъ
кватырка — шибка въ окнѣ
колиръ — сортъ
кулитка — цѣлый хлѣбъ
курѣть — шибко бѣжать
лементовать — громко кричать
луста — кусокъ хлѣба
мавляв — сказалъ
махабродзина — сметана

[1] Ал. Шишацкій-Илличъ: О народномъ языкѣ и говорахъ Козелецкаго уѣзда: Черниговскія Губернскія Вѣдомости: 1853. 37. Ч. Неоффиц. стр. 367, и n⁰ 40, стр. 385 и 378.

махотачка — маленькій горшокъ
мовить — говорить
ну-бо — полно
пастаялка — кислое молоко
певне — вѣрно
пендриться — надуваться
спецiя — составъ изъ разныхъ веществъ
спѣсь — гордость
трактовать — разсуждать
турбовать — безпокоить
як — какъ

Это смѣшеніе въ говорѣ происходитъ безъ сомнѣнія оттого, что Юриновка находится въ мѣстности между Бѣлоруссіею и Малороссіею»[1].

Авторъ статьи — воспитанникъ черниговской духовной семинаріи — воспользовался незадолго передъ тѣмъ появившимся также въ Черниговскихъ Вѣдомостяхъ очеркомъ Шишацкаго-Иллича: «Мѣстечко Олишевка, Козелецкаго уѣзда», гдѣ въ одной главѣ разсматривается языкъ мѣстныхъ жителей и откуда Богуславскій видимо заимствовалъ нѣсколько выраженій, приурочивъ ихъ къ Юриновкѣ.

Въ олишевскомъ нарѣчіи, говоритъ Шишацкій-Илличъ, есть немало словъ, употребляемыхъ вообще и въ чисто малороссійскомъ языкѣ, иностранныхъ, большею частію взятыхъ изъ латинскаго языка, наприм. (приводимъ слова въ алфавитномъ порядкѣ, какъ это нами сдѣлано и для замѣтки Богуславскаго):

Волыть (volo — хочу) — хотѣть, имѣть желаніе.
Гирую (gero — беру) — забираю что, отбираю.
Гонористы (honor — честь) — чванливый, честолюбивый, гордый.

[1] Ѳ. Богуславскій: Село Юриновка въ историческомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Черниговскія Губернскія Вѣдомости: 1855. 19, стр. 159.

Кватырка (отъ quatuor — четыре) — окошечная шибка (оконная рама?), въ которой такихъ шибокъ бываетъ всегда почти, по малороссійскому обыкновенію — четыре[1].

Колир (color — видъ) — сортъ, свойство, наружный видъ.

Куріть (curro — бѣгу) — сильно бѣжать.

Оферовать ця (offero — подношу) — относиться съ чѣмъ, спрашивать совѣта, подносить что.

Помпа (pompa — парадъ) — чвань, излишнее приличіе, особенный пріемъ.

Ратай (arator — пахарь) — пахарь.

Скрибать (scribo — пишу) — писать.

Спеція (speties (?) — видъ, лицо) — пространство, заключающее въ себѣ большее или меньшее количество земли[2].

Турбовать (turbo — возмущаю) — возмущать, обезпокоивать; существительное турбація.

Нельзя сказать, добавляетъ къ сему г. Шишацкій-Илличъ, откуда и по какому случаю слова эти и другія подобныя вошли въ составъ малороссійскаго языка и даже получили въ немъ свою особенность и форму въ произношеніи. Извѣстно только, что они оброднились въ малороссійскомъ языкѣ и живутъ въ немъ съ очень давнихъ поръ. Вѣроятно, слова эти остались со временъ польскаго владычества надъ Украйною[3].

Гóворъ олишевскихъ жителей, читаемъ у того же автора —

---

[1] Непонятное для великоросса шибка есть нѣмецкое Scheibe, Fensterscheibe, окончина, оконное стекло, французск. vitre.

[2] Чтобы слово *специя* (?) означало «пространство, заключающее въ себѣ большее или меньшее количество земли» — весьма сомнительно, и сравненіе этого выраженія со «speties (sic) — видъ, лицо» — также мало убѣдительно. По всей вѣроятности, г. Шишацкій-Илличъ хотѣлъ тутъ сказать: spatium (σπάδιον дорич. = στάδιον).

[3] Черниговскія Губернскія Вѣдомости: 1854, 24 и слѣд., стр. 170 и дал.

отличенъ отъ чисто малороссійскаго, но нисколько непохожъ и на литовскій. Съ перваго взгляда (по первому впечатлѣнію?) онъ совершенно малороссійскій, съ нѣкоторыми только особенностями, свойственными всей верхней половинѣ Козелецкаго уѣзда и другихъ (?) отчасти. Такая особенность выговора послужила причиною тому (sic), что всѣхъ употребляющихъ его называютъ чистые малороссы *перевертнями*, т.-е. перевернувшими главный коренной выговоръ малороссійскій[1].

Таковъ говоръ въ Козелецкомъ уѣздѣ и части Новгородсѣверскаго. Теперь свидѣтельство о говорѣ въ уѣздѣ Глуховскомъ:

«Простой народъ у насъ (въ мѣстечкѣ Воронежѣ, Глуховского уѣзда) говоритъ на какомъ-то особенномъ нарѣчіи — не малороссійскомъ и не русскомъ, а на такъ называемомъ *перевертенскомъ* языкѣ. Можетъ быть филологи и не слыхали о существованіи перевертенскаго языка, такъ надобно... войти въ филологическія объясненія. Въ Черниговской губерніи, продолжаетъ авторъ приводимой замѣтки — нѣкоторые уѣзды, какъ-то: Нѣжинскій, Борзенскій и прочіе (?), говорятъ вотъ на такомъ языкѣ, на какомъ написана Енеида Котляревскаго; другіе уѣзды, какъ-то: Новгородсѣверскій, Стародубскій и прочіе(?), по направленію къ Бѣлоруссіи, говорятъ на особенномъ какомъ-то нарѣчіи. Мѣстечко Воронежъ стоитъ среди этихъ двухъ нарѣчій, заимствуетъ кое-что отъ каждаго изъ нихъ и по своему передѣлываетъ произношеніе словъ. Въ Нѣжинѣ говорятъ: кинь, вилъ, ложка; въ Стародубѣ: конь, волъ, ложка; а въ Воронежѣ: куунь, вуулъ, луожка, и проч. Воронежскій языкъ, составленный изъ такихъ особенностей произношенія, называется *перевертенскимъ*»[2].

Есть еще одно названіе говора, свойственное впрочемъ и не одной Черниговской губерніи. Въ отличіе отъ другихъ нарѣчій или поднарѣчій, встрѣчается *простая мова* —

---

[1] Черниговскія Губернскія Вѣдомости: 1854. 24.

[2] Тамъ же: 1854. 47. Ч. Неоффиц., стр. 311. Ср. тамъ же, стр. 170...

«...монахъ Апфимъ слѣсаръ невѣдомо куда (изъ Макошинскаго монастыря) бежалъ, зростомъ же (возрастомъ) оной монахъ невеликъ, сутуловатъ, очей низкихъ, на головѣ и бородѣ волоси чорніе, мовою простъ, мало гугнивъ», и проч. (Сборникъ актовъ. Рукопись архива черниговскаго Елецкаго монастыря: 2, л. 366—указъ черниговской духовной консисторіи отъ 2 сентября 1735).

Простую мову нѣсколько конкретнѣе объясняетъ другое, позднѣйшее объявленіе:

Надворнаго совѣтника жена (имярекъ) объявляетъ, что 25 октября 1855 года бѣжали изъ дома ея въ Черниговѣ... крестьяне: 1. Иванъ... 28 лѣтъ отъ роду... говорящій простонароднымъ языкомъ, употребляемымъ въ Нѣжинскомъ уѣздѣ, въ которомъ онъ родился и возросъ, но смѣшаннымъ съ городскимъ нарѣчіемъ, такъ какъ онъ, Иванъ, находился въ услуженіи въ Нѣжинѣ. 2. Власъ... 23 лѣтъ отъ роду... говорящій медленно простонароднымъ языкомъ Нѣжинскаго уѣзда (Черниговскія Губернскія Вѣдомости: 1855. 47, Ч. Неоффиц., стр. 379, ср. тамъ же: 1860. 4, Ч. Н., стр. 23 и дал.).

Спѣшимъ оговориться однако: монахъ Анѳимъ быть можетъ уроженецъ не Нѣжинскаго уѣзда, каковой разумѣетъ въ своей публикаціи жена надворнаго совѣтника, и подъ «простою мовою» быть можетъ надо понимать какое-нибудь иное изъ малорусскихъ нарѣчій.

Интересна связь или соотношеніе между говоромъ и бытовою стороною человѣка.

«...При переѣздѣ чрезъ какую-либо мѣстность, для опредѣленія къ какой народности принадлежатъ жители, должно обращать вниманіе между прочимъ на женскую и мужскую одежду, особенно на головной уборъ, также на характеръ построекъ. Такъ напримѣръ шапка бѣлая (яломокъ, маgерка, марgелка) вой-

лочная у мужчины, бѣлый платокъ (но не намитка) у женщины — это литвины или бѣлоруссы. Темная шапка на мужчинѣ, темный или цвѣтной платокъ на женщинѣ — русины (?). Если же въ темной шапкѣ (войлочной) есть хоть немного бѣлаго, вслушайтесь въ говоръ — и вы непремѣнно замѣтите бѣлорусскій акцентъ. Хата бѣленая, съ окнами продолговатымъ четырехъугольникомъ, крытая соломой — въ ней живутъ малороссы; хата небѣленая, окна квадратныя, крыта гонтомъ — это бѣлоруссы.

Любопытно наблюдать постепенное измѣненіе вмѣстѣ съ шапками и народнаго говора, ѣдучи напримѣръ хоть изъ Кролевца (Черниговской губерніи) прямо на сѣверъ. Близь Новгородсѣверска вы уже замѣтите, что верхъ шапки бѣлый, тамъ же услышите и бѣлорусскій акцентъ. Переѣхавъ Десну, вы увидите уже только бѣлыя шапки, но гдѣ встрѣтится на нихъ хоть небольшая полоска темнаго цвѣта, тамъ еще слышится говоръ малорусскій. Подвигаясь далѣе на сѣверъ чрезъ Стародубъ, Мглинъ до Рославля, вы вездѣ замѣтите одинъ нарядъ и одинъ говоръ — бѣлорусскій, но за Рославлемъ, на войлочныхъ шапкахъ въ видѣ усѣченнаго конуса — появляются поля и темныя полосы, а вмѣстѣ съ тѣмъ верхушка начинаетъ удлиняться: вслушайтесь въ разговоръ — дзеканье начинаетъ исчезать. По мѣрѣ приближенія къ Юхнову шапки дѣлаются темнѣе и языкъ переходитъ въ великорусское нарѣчіе. Когда же въѣдете въ Калужскую губернію, то замѣтите, что войлочныя шапки обратились въ извощичьи поярковыя шляпы, а говоръ перешелъ въ московское нарѣчіе.

Съ малорусскими бараньими шапками происходятъ тѣ же превращенія: чѣмъ восточнѣе лежитъ мѣсто (въ Харьковской или Полтавской губерніи), тѣмъ шапки тамъ ниже, а чѣмъ западнѣе, тѣмъ выше, такъ что во многихъ мѣстахъ Подольской губерніи онѣ по высотѣ не уступятъ персидскимъ.

Головная повязка у женщинъ тоже измѣняется не вдругъ, а постепенно съ сѣвера на югъ. Въ Черниговской губерніи близь

Десны головная повязка чуть не равняется пѣхотному киверу (писано въ ноябрѣ 1860 года), а подвигаясь на югъ, повязка дѣлается все ниже и ниже, наконецъ въ Херсонской губерніи она становится чѣмъ-то вродѣ маленькой чалмы, не скрывающей даже верхней части головы»[1].

Большую услугу наукѣ оказалъ бы тотъ, кто взялся бы провѣрить эти показанія теперь, въ данную минуту, спустя полвѣка послѣ появленія приведенныхъ свидѣтельствъ о говорахъ.

«Южно-русскій языкъ по сію пору ожидаетъ еще филологической разработки», говоритъ одинъ изъ лексикологовъ, и приэтомъ въ двухъ главныхъ его нарѣчіяхъ, малороссійскомъ и червоно-рускомъ, различаетъ нѣсколько видоизмѣненій. Беремъ малороссійское нарѣчіе, которое подраздѣляется на три главныхъ говора: переяславско-чигиринскій, украинско-слободской и волыно-подольскій. Первый распространенъ въ губеріяхъ Полтавской, Черниговской, южной части Курской, въ Кіевской, Екатеринославской и Херсонской и въ Землѣ (Области) Войска Черноморскаго. «Говоръ этотъ мягче другихъ, чище, оттого пріятнѣе для слуха, и занимаетъ средину между всѣми прочими вѣтвями общаго языка». Украинско-слободской говоръ употребляется въ Харьковской губерніи. Говоръ этотъ относится къ переяславско-чигиринскому также какъ тверской (?) и владимирскій говоръ относятся къ московскому. Волыно-подольскій почти-что и чигиринско-переяславскій, но содержитъ въ себѣ много польскихъ словъ[2].

Вліяніе языка (ассимиляція говора) прежде всего отражается на предметахъ первой необходимости въ будничной

---

[1] М. Левченко: Мѣста жительства и мѣстныя названія русиновъ въ настоящее время. Основа: 1861. I, стр. 265—266.

[2] Ф. Пискуновъ: Словарь живого народнаго, письменнаго и актоваго языка русскихъ южанъ Россійской и Австро-Венгерской имперіи. Кіевъ. 1882: Предисловіе. Ср. Закревскій: Старосвѣтскій бандуриста. Москва. 1861: Кн. III. Введеніе.

жизни: утвари, вещахъ домашняго обихода, и проч., такимъ образомъ опредѣленіе послѣдняго говора, высказанное авторитетно упомянутымъ лексикографомъ, легко провѣрить на письменныхъ памятникахъ, причемъ окажется, что польскій элементъ волыно-подольской рѣчи, или, что то же—переяславско-чигиринской, къ которой относится и Черниговская губернія—далеко не такъ силенъ, какъ это можно было бы предположить на основаніи свидѣтельства Пискунова.

Не приводимъ долгой исторической справки о попыткахъ закрѣпить малорусскую рѣчь въ тѣ или иныя формы, вывести изъ нея законы, о попыткахъ установить единство малорусской правописи, создать свою грамматику [1]. Отмѣчаемъ лишь этотъ общеизвѣстный фактъ въ области русскаго языковѣдѣнія, гдѣ сильную помощь можетъ оказать изученіе письменныхъ памятниковъ. Разборъ посему архивовъ старыхъ дѣлъ, наприм. прежнихъ повѣтовыхъ судовъ или вообще низшихъ судебно-административныхъ учрежденій — сослужитъ хорошую службу. Архивные матеріалы въ данномъ случаѣ драгоцѣнное пособіе филологу. Правда, повторимъ сказанное нами въ предисловіи, журналы судовъ, присутственныхъ мѣстъ, и проч., выходили изъ рукъ секретарей или другихъ лицъ служебнаго персонала, получившихъ относительное образованіе, но перебѣлялись оффиціальные акты писцами изъ мѣстныхъ жителей, и той именно среды, близкой къ мѣщанской или простонародной, гдѣ сохранился и живетъ свой говоръ, который незамѣтно для самихъ писавшихъ переходилъ на бумагу. И можно съ увѣренностью сказать, что окажется большая разница въ написаніи актовъ, вышедшихъ, положимъ, въ Мглинскомъ повѣтѣ, и таковыхъ же по границѣ Кіевской или иной губерніи, сосѣдней съ Черни-

---

[1] См. наприм. замѣтку И. К. въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ: 1853, 42. Ч. Неоффиц., стр. 398—399; Молодикъ на 1843 годъ. Харьковъ. 1843. II, стр. 153, и мн. др., вообще же литература по данному предмету чрезвычайно богата, и вопросъ о малорусскомъ нарѣчіи съ небольшими перерывами продолжается до настоящаго времени.

говской. Посему болѣе чѣмъ удивительно было встрѣтить такое извѣстіе:

«Въ засѣданіи коммиссіи по вопросу объ изданіи земствомъ учебниковъ для начальныхъ школъ, было принято предложеніе ходатайствовать передъ Правительствомъ о допущеніи въ народныхъ библіотекахъ книгъ на малорусскомъ языкѣ на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и книги на русскомъ языкѣ. Принято и другое предложеніе: ходатайствовать объ уравненіи малорусской литературы съ русской въ цензурномъ отношеніи, для чего необходимо упразднить тѣ исключительныя въ этомъ отношеніи условія, которыя неблагопріятно отражались на развитіи малорусской литературы. Коммиссія постановила предложить губернскому земству немедленно приступить къ изданію учебниковъ по русскому языку и ариѳметикѣ примѣнительно къ условіямъ жизни и понятіямъ мѣстнаго населенія. Для достиженія въ этомъ направленіи наилучшихъ успѣховъ, необходимо объявить конкурсъ на премированные учебники. Всѣ эти постановленія имѣютъ большое краевое (?) значеніе, такъ какъ учебники, наприм. изданные примѣнительно къ средней полосѣ Россіи, съ весьма слабымъ успѣхомъ примѣняются въ Полтавской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ» [1].

Но послѣ только что приведенныхъ сужденій о малорусскомъ нарѣчіи и говорахъ хотя бы одной лишь Черниговской губерніи, сужденій и характеристикъ рѣчи, высказанныхъ самими мѣстными уроженцами названной губерніи — спрашивается: гдѣ единство того языка, на которомъ предполагается изданіе учебниковъ, гдѣ терминологія, необходимая для элементарныхъ руководствъ въ народной школѣ малорусскихъ или южно-русскихъ губерній, и при такомъ взглядѣ на школу — не будетъ ли еще бо́льшей розни и обособленности въ населеніи

[1] Газета «Новости», 2-е изд., отъ 28 сентября 1903 (267), гдѣ извѣстіе это озаглавлено: «Полтава. Важное земское ходатайство», и, по времени, относится къ «послѣднему» засѣданію коммиссіи. Откуда заимствовано это извѣстіе — источника не указано.

двухъ смежныхъ губерній, наприм. Орловской и Черниговской? Наконецъ, что значитъ выраженіе: «учебники, изданные примѣнительно къ средней полосѣ Россіи?» Таковыхъ нѣтъ, и сколько извѣстно, кромѣ книжекъ исключительно и собственно для инородцевъ, не говорящихъ порусски, всѣ учебники издаются одинаково для всѣхъ русскихъ школъ на одномъ общегосударственномъ языкѣ.

Во избѣжаніе упрековъ относительно высказаннаго о неустойчивости и шатаніи малорусскаго нарѣчія вплоть до нашихъ дней, можемъ указать на такія произведенія, какъ «Проповѣди, на малороссійскомъ языкѣ, Протоіерея и Кавалера Василія Гречулевича», вышедшія первымъ изданіемъ въ 1849 году и вторымъ въ 1857, статьи г. Науменка, наприм.: «Книжная рѣчь у малороссовъ и русиновъ» (галичанъ), по поводу критико-библіографическаго обзора новѣйшихъ трудовъ и изданій въ области славяновѣдѣнія [1], и особенно замѣтки, помѣщенныя въ газетѣ «Кіевлянинъ» 1899 года и озаглавленныя: «Вопросъ о литературномъ языкѣ въ Галиціи» [2]. Оставляя въ сторонѣ споръ о рѣчи Руси зарубежной, не можемъ не привести взгляда автора замѣтокъ па сочиненіе г. Старицкаго: «Оборона Буши, исторична драма въ V діяхъ и 6-ти одминахъ» [3].

«Не касаясь литературныхъ достоинствъ этой псевдо-исторической драмы, въ которой, впрочемъ, есть нѣсколько оазисовъ недурныхъ стиховъ, приведемъ нѣсколько образцовъ «украинскаго» языка, на которомъ она написана. Вся она, — читаемъ въ Кіевлянинѣ — испещрена такими выраженіями малорусскими или мало-русскими, какъ больше нравится г. редактору Кіевской Старины: «зализная *вдача*» (должно думать — «желѣзный характеръ»), «*лить* сотныка» (вѣроятно — «типъ сотника»), «сыва баба, але *бадёра*» (не понимаемъ), «дидъ *кволый*» (не понимаемъ), «*палкая вдача*» (пылкій характеръ!), «пышна панна *съ гедзомъ*» (не пони-

[1] Обзоръ этотъ принадлежитъ Т. Д. Флоринскому и помѣщенъ въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ: 1898. XI, стр. 203—244; статья г. Науменка напечатана въ Кіевской Старинѣ: 1899. I. 134—142 (см. еще тамъ-же: III. 444—452).

[2] Нумера: 137, 141, 148 и 160.

[3] Кіевская Старина: 1899. III.

маемъ), *«сурмачи»* (не понимаемъ), «далеко *бовваніе* на скели замокъ Буша» (ничего не понимаемъ), *«конъ»* и *«предконъ»* (сцена и авансцена), *«цвяхуе у серце»* (сочиненный поэтическій глаголъ, долженствующій обозначать — «бьетъ гвоздемъ въ сердце»), *«проклёны»* (выдуманное слово вмѣсто проклятіе), *«помста»* (польское слово — месть), *«метушатся»* (судя по смыслу рѣчи должно быть — суетятся), *«бентежутся»*, *«бентежный»*, *«взбентежна»* (излюбленныя выраженія г. Старицкаго, которыя, кажется, должны обозначать волноваться, взволнованный), *«лементъ»* (lamentation), *«сурмы засурмлять, коныкы забасуютъ»* (ничего не понимаемъ), *«гасаютъ»* (должно быть съ татарскаго), *«юрба скупчуется»* (толпа сгущается!), *«обуриння»* (вѣроятно, волненіе или одуреніе), *«малжонокъ»* (польское слово — мужъ, супругъ), *«насправэжнье»* (это невыговариваемое слово должно, кажется, судя по смыслу рѣчи, означать — «въ дѣйствительности»!), *«охвировала»* (не понимаемъ!), *«нехтуватъ»* (пренебрегать), *«занышкнутъ»* (вѣроятно — замолчать, сочиненіе г. Старицкаго отъ слова «нышкомъ» — тихонько), *«чаты»* (не понимаемъ), *«шыковатъ»*, *«шыкуется»*, *«шыкуйсь»*, и проч. (настоящія французско-кобеляцкія шикарныя выраженія, употреблявшіяся хохлами въ 1654 году!). «*Голинный* лыцарь ты и *велетень* душею» — любовные эпитеты казачки Марьяны по адресу рыцаря-казака, онъ-же переодѣтый польскій князь. Каждый можетъ по своему объяснять, что значатъ эти рѣчи безумной любви, но мы ихъ не понимаемъ. Далѣе та-же Марьяна говоритъ, что ея рыцарь «единый *проминь* у пустци *непрозорій*» (единый проблескъ въ пустотѣ непроглядной!). На рѣчи Марьяны, ея отецъ, «литъ сотныка», отвѣчаетъ: «а мы *слипуемо* (sic!), и *ремствуемъ* (??!) и плачемъ». «Ой, донечко, поглядъ твій ясный ставъ крытыся журлывою *сутынню*» (!!), но ты «батькови не *наванишажуй* тугы». Что значитъ *«ремствоватъ»* и что значитъ *«сутыння»* — не понимаемъ, а не *«наванишажуй»*, вѣроятно, какая-то «манжажа» вмѣсто «mon joujoux» (русская передѣлка названія барской дачи). Далѣе мы находимъ *«марцёваго* звиря», — должно быть, это звѣрь отъ бога Марса, потому что «марцевымъ звиремъ» старый казакъ называетъ храбраго рыцаря, который побилъ трехъ какихъ-то воиновъ *«левенцивъ»*, а его самого старая баба «бебехнула» изъ ружья. Кромѣ воиновъ *«левенцивъ»* есть еще какіе-то *«харцызы»*, какія-то «дивочи *прымхы*». Влюбленная Марьяна обращается къ звѣздамъ и проситъ *«кероватъ»* (польское слово) ея любовь. Къ своему рыцарю, переодѣтому въ казака польскому князю, Марьяна обращается съ такою чудною украинскою рѣчью:

«. . . Чого
Ты, голубе, *бентежышся*? За мукы
Видпомстымо!»

А рыцарь отвѣчаетъ:

«...Тутъ накыпило такъ,
Що *вражиння* мене задавыть *паломъ*»...

И слова и поэтическій образъ равно безподобны.

Дальше рыцарь говоритъ, что часы любви улетѣли въ какой-то «*вырій*» (рѣшительно не понимаемъ); что вмѣсто любви «зійшла *ненатла* (sic!) зависть», а съ нею какіе-то «пекельни *нагай*!» Далѣе оказывается, что рай любви остался «въ *спогади пекучимъ*» и что въ руинѣ «весь *пытымый*, руськый край».

Польская красавица «зъ гедзомъ», панна Ядвига, выражается слѣдующимъ образомъ о томъ же казацкомъ рыцарѣ и польскомъ князѣ:

«Невже *снагы* и чаръ у мене бракъ,
Невже мои невартъ ничого *вабы*?
И якъ на злисть, ще до вподобы винъ,
Озброеный всими жалами *знады*...»

Мы готовы ручаться, что изъ сотни малороссовъ девяносто этихъ четырехъ строчекъ не поймутъ, а остальные десять подумаютъ Богъ знаетъ что. Мы также почти ничего не поняли. Ядвига продолжаетъ:

«...О, тысячу перунивъ!
Невже мене те быдло *подола* (!!!)
И на вази у князя переважыть?...
О, чарами вси сылы я *напружу*,
Щобъ хлопку ту звалыты пидъ пьяту»!

Мы могли-бы еще долго продолжать, хотя пробѣжали только двѣ «діи» изъ пяти «дій» драмы г. Старицкаго; но полагаемъ, что приведеннаго достаточно»[1].

Не такъ давно появились Свѣдѣнія о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе библіотеки Императорской Академіи наукъ въ 1902 году, весьма обстоятельно изложенныя В. И. Срезневскимъ[2]. Между прочимъ въ этихъ Свѣдѣніяхъ значится:

---

[1] Кіевлянинъ: 1899. 141.

[2] С.-Петербургъ. 1903. Стр. 1—109 (текстъ) + I — XVIII (указатель). — Пользуемся случаемъ исправить тамъ одну ошибку. Въ Сборникѣ кантовъ, пѣсень и стихотвореній (23), на стр. 34, къ л. 53 об. предложено такое чтеніе:

Нач.: ‹П›отеряю что люблю,
ахъ какой удаР терплю....
Между тѣмъ слѣдуетъ:
То теряю что люблю: ахъ! какой ударъ терплю.
[См. Н. Курганова Письмовникъ: Спб. 1796. II, стр. 71 (8)].

«ЧЕТВЕРОЕВАНГЕЛІЕ ВЪ ПЕРЕВОДѢ НА МАЛОРУССКІЙ ЯЗЫКЪ. Трудъ Ф. С. Морачевскаго. Въ листъ и четвертку, въ трехъ частяхъ. Первая часть въ 4-хъ тетрадяхъ, на 176 лл., заключаетъ въ себѣ черновикъ перевода евангелія, исполненнаго Ф. С. Морачевскимъ въ 1860 г. Вторая часть (па 127 лл.) представляетъ собою копію (на пишущей машинѣ) съ принадлежащаго журналу «Кіевская Старина» списка того же перевода, сравнительно съ черновой рукописью дающаго нѣкоторыя разночтенія. Въ третьей тетради, озаглавленной: «Замѣтки поправокъ Евангелія», находится перечень исправленій къ переводу первой редакціи; въ эту тетрадь вложено 9 листковъ замѣчаній къ переводу; писана рукою Морачевскаго въ 1862 году. Свѣдѣнія о рукописи, переводчикѣ и судьбѣ его работы см. въ «Охранной описи рукописнаго отдѣленія библіотеки Имп. академіи наукъ», I. А. 29 (въ «Извѣстіяхъ академіи наукъ», т. XVI, № 4). Принесено въ даръ наслѣдниками Ф. С. Морачевскаго» (стр. 55—56).

Ввиду только что высказаннаго о малорусскомъ нарѣчіи, переводъ Морачевскаго представляетъ выдающійся интересъ, и было бы весьма желательно сравнительное изслѣдованіе южно-русскаго языка по памятникамъ его литературы ближайшаго къ намъ времени, примѣрно хотя бы за послѣднія 50—60 лѣтъ прошлаго столѣтія.

Не только нарѣчіе однако, или рѣчь, собственно гóворъ человѣка носятъ на себѣ индивидуальныя особенности, самый голосъ, то что мы называемъ звукомъ (timbre)—также заключаетъ въ себѣ характеристическія черты, свойственныя тому или иному субъекту. Выше мы видѣли, что означеніе примѣтъ голоса дѣлается въ объявленіяхъ о розыскѣ лицъ судебною или административною властью. Въ дополненіе къ приведеннымъ примѣрамъ вотъ еще два-три:

Астраханскаго Спасскаго монастыря іеромонахъ Ипполитъ «ростомъ високъ . . . пустобородъ, а ростетъ борода изсподъ горла, малоголосенъ, говоритъ сиповато» (Архивъ Черниговской Пятницкой церкви: синодальный указъ 1746 года 8 іюля)

. . . чтетъ и поетъ громко

. . . поетъ и читаетъ тонко (ib.: указъ 1776 года)

. . . голосъ глухой, надтреснутый (Семирѣченскія Областныя Вѣдомости: 1900. 103)

. . . голосъ грубый и рѣзкій (Московскія Вѣдомости: 1902. 121), и мн. др.

Не совсѣмъ вѣрно и даже прямо ошибочно названіе голоса «картавымъ»: это собственно рѣчь субъекта, недостатокъ правильнаго выговора нѣкоторыхъ звуковъ (буквъ), и т. п., но отнюдь не голосъ. «Иногда, читаемъ у А. Ѳ. Кони — разсказъ (покойнаго актера И. Ѳ. Горбунова) начинался пѣніемъ чувствительнаго романса о «канареечкѣ» (кинареечкѣ?), и фигура перезрѣлой (sic) замоскворѣцкой барышни(!) съ картавымъ голосомъ (sic) тотчасъ рисовалась передъ слушателемъ»[1].

Моро-Кристофъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: «Le monde des coquins»[2] приводитъ слѣдующіе оттѣнки голоса: возвышенный, глубокій, сильный, слабый, глухой, нѣжный, рѣзкій, естественный (свой), дѣланный (fausse) и звонкій (claire); ср. «говоритъ несвѣтло». Въ иномъ значеніи послѣдній эпитетъ примѣняется къ рѣчи или къ существу слóва[3].

Интересна въ этомъ отношеніи характеристика инородцевъ по впечатлѣнію, произведенному ими на москвича:

«. . . собственно самоѣдовъ (пріѣхавшихъ въ Москву на оленяхъ) — трое, двое мущинъ и одна женщина, а одинъ — зырянинъ. Снимите съ этого послѣдняго спеціальную (его народную) одежду, и передъ вами будетъ настоящій русакъ-мужичокъ. Что касается другихъ, то они очень типичны по своимъ выдающимся скуламъ, узкимъ глазамъ и выговору; у нихъ даже особый какой-то тонъ голоса, пискливый, брюшной: если стоишь

---

[1] Вѣстникъ Европы: 1898. XI, стр. 13. — «Картавый», «разговоръ картавый»: см. Казанскія Губ. Вѣдомости: 1900. 22, и Донскія Областн. Вѣдомости: 1902. 15.

[2] Беремъ его во второмъ изданіи: Парижъ. 1864.

[3] См. наприм. стихиру на «Господи воззвахъ» въ службѣ преподобному Макарію Унженскому: «Господи, даждь ми языкъ свѣтлогласенъ», и проч. (Минея подъ 25 іюля), или тропарь воскресный четвертаго гласа: «Свѣтлую воскресенія проповѣдь» (Τὸ φαιδρὸν τῆς Ἀναστάσεως κήρυγμα . . .), и мн. др.

вблизи и слышишь разговоръ самоѣдовъ, то такъ и кажется, что они говорятъ не около тебя, а гдѣ-то вдали, и тебѣ слышится лишь это»[1]. Что до говора, то самоѣды всѣхъ трехъ тундръ, также какъ и ижемскіе зыряне, вмѣсто буквы (звука) *о* употребляютъ *у*[2].

Само собою разумѣется, брянскій говоръ далеко не исчерпанъ словаремъ, приведеннымъ выше, и весьма легко могутъ найтись случаи еще какихъ-либо уклоненій нашей мѣстной рѣчи отъ рѣчи правильной, московской. Строго-опредѣленныхъ выводовъ посему дѣлать не будемъ. Говоръ — дѣло жизни, и только послѣ долгаго сближенія съ народомъ возможно вывести законы его рѣчи, облечь въ стройную форму тотъ матеріалъ, что даетъ сложный аппаратъ, производящій слово съ безчисленными его оттѣнками.

Мы слышимъ наприм. *дошчь* и *дошъ* (дождь = дошть), откуда въ родительномъ: *дажчà* (я) и *дажжà*, но въ обоихъ случаяхъ звукъ *а*, самый простѣйшій — будетъ не одинаковъ, какъ не одно и то же произношеніе слова *вода*, если написать его «вадà».

Въ двухъ произношеніяхъ нарѣчія *много*: мнóga и мнóhа — *о* при g и при h разнится протяженіемъ, долготою звука.

Мѣстоименіе *мнѣ* казалось бы произносится всѣми совершенно одинаково (беремъ московскую рѣчь), между тѣмъ одинъ Французъ, путешествовавшій по Россіи, отмѣтилъ въ своей книжкѣ слѣдующее: «il y a (въ Россіи) une espèce de vinaigre qu'on appele kwasse, ou imené-imené». Послѣднее выраженіе: «imené» получилось оттого, что дѣти, сидѣвшія за столомъ, при наливаніи кваса — просили каждый этого напитка себѣ, говоря:

---

[1] Русское Слово: 1897. 336.

[2] Библіотека для чтенія: 1855. CXXXIII. IX. Отд. I, стр. 204 (примѣчаніе 2).

и мнѣ, и мнѣ. Безъ сомнѣнія, на француза, не имѣющаго во всемъ своемъ лексиконѣ ни одного слова, начинающагося группою *мн* (кромѣ двухъ-трехъ греческаго происхожденія), также и у нѣмцевъ, особенное впечатлѣніе произвело губное *м*: «и м'нѣ», что онъ и отмѣтилъ съ необыкновенною точностью, означивъ бѣглый звукъ глухимъ *е*. Скрытые гласные, какъ извѣстно, отлично обнаруживаются при хомовомъ пѣніи: дьньсь—денесе, и т. п., у французовъ, также при пѣніи, глухіе гласные на концѣ слышатся отчетливо.

Въ Петербургѣ дама-продавщица, русская, но игравшая роль француженки, перечисляя разные сорта хлѣба, одинъ изъ нихъ назвала: «флютъ», причемъ явственно слышалось: flouthe вм. flûte.

Въ Петербургѣ же мальчикъ-финнъ на урокѣ французскаго языка перевелъ слово *cerise* выраженіемъ: эти пага́ды. Незнающимъ свойствъ финской рѣчи пояснимъ, что первый слогъ сло́ва cerise получилъ въ представленіи ребенка значеніе мѣстоименія ces, а rise отождествилось у него съ riches, произносимымъ какъ rice (звуковъ *ц*, *ч*, *ш*, *щ* и *ф* въ языкахъ финскомъ и эстонскомъ нѣтъ, замѣна же губныхъ и зубныхъ — въ природѣ финна и эстонца: про́ситъ — бро́зитъ, садитесь—затитесь, бога́тые—пага́ды', и т. п.). Такъ изъ одного слова получилось у ребенка два выраженія.

Нѣкто Зиновьевъ, по профессіи учитель, говоритъ слѣдующее о занятіяхъ съ инородцами въ Забайкальи. По сравненію съ дѣтьми русскими приходится сказать, что въ инородческой школѣ далеко труднѣе заниматься, чѣмъ въ русской. Здѣсь учитель имѣетъ дѣло съ дѣтьми, поступающими въ школу съ знаніемъ пяти-шести русскихъ словъ, т.-е. буквально неумѣющими отличить правой руки отъ лѣвой. Не буду проводить параллели между школами (русской и инородческой) въ занятіяхъ по всѣмъ предметамъ, укажу хотя на первую ступеньку къ знанію азбуки. Сколько труда и времени долженъ употребить инородецъ на усвоеніе такихъ буквъ какъ *б* и *в* (вмѣсто: вѣдь, весна, бурятъ

говоритъ: бѣдь, бесна), *ч* и *щ* (учитель—ущитель, чашка—шашка), *с* и *ш*, и т. д.[1].

Знакомымъ съ французскою ученою литературой безъ сомнѣнія извѣстно, что при ссылкахъ на нѣмецкіе источники, нѣмецкое ü не всегда передается тамъ въ надлежащемъ его начертаніи: въ большинствѣ, французъ, самъ того не замѣчая, ставитъ свое u, конечно произнося его какъ ü, ибо начертаніе со значкомъ tréma кажется въ его глазахъ ошибкой и для употребленія ü во французской грамматикѣ есть свой законъ.

То же самое иногда случается у насъ, когда въ заботахъ о существенномъ, рядомъ съ яркими признаками, дѣйствительною характеристикою сло́ва какого-либо нарѣчія, для вящей подлинности передачи выраженія употребляется фонетическая графика, каковая не всегда выдерживается съ должною послѣдовательностью: разумѣемъ измѣненіе сло́ва во флексіяхъ или при бѣглыхъ гласныхъ. Съ говорами и того хуже, и болѣе чѣмъ вѣроятно, при опредѣленіи ихъ въ той или иной области не обойдется безъ пробѣловъ: программы à priori тутъ слишкомъ безсильны и не могутъ предвидѣть всего, что требуется для твердаго установленія ортоэпіи мѣстной рѣчи. Правда, въ русскихъ говорахъ нѣтъ рѣзкихъ различій, даже при той обособленности, какую представляютъ собою нарѣчія бѣлорусское и малорусское, и жители Могилевской и Полтавской губерній отлично поймутъ другъ друга, но, помѣщая вышеприведенные примѣры, мы хотѣли бы сказать, что въ данномъ случаѣ много значитъ методъ передачи говора, способъ графическаго изображенія сло́ва, устной рѣчи, и вмѣстѣ способность самаго лица передать на бумагѣ то или другое произношеніе. Для примѣра напомнимъ

---

[1] Къ вопросу о церковно-школьномъ образованіи въ Забайкальи (Забайкальскія Областныя Вѣдомости: 1900. 69).—«Въ Косой степи и далѣе на свѣжаго человѣка производитъ впечатлѣніе выговоръ мѣстнаго русскаго населенія, въ которомъ звуки *с* и *з* замѣняются соотвѣтственно *ш* и *ж*» (Иркутскія Губернскія Вѣдомости: 1901. 262).—Извѣстенъ библейскій фактъ, что Ефраимитовъ узнавали по слову «шибболетъ», которое они произносили какъ «сибболетъ» (Судей: XII. 6).

два сло́ва изъ дневника архимандрита Авраамія (авторъ уроженецъ Жиздры, города сосѣдняго съ Брянскомъ). Обычно у насъ произносимые *халва̀* и *кава́съ*—въ записяхъ жиздринца получили такое начертаніе: *алва̀* и *гава́зъ*. Всѣ у насъ говорятъ и пишутъ: *фанза*, *фанзъ*, и проч., но нѣкто Г. Ш., крестьянинъ Рогачевскаго уѣзда, Могилевской губерніи, очевидецъ бомбардировки Благовѣщенска, бывшей 2 іюля 1900 года, такъ передаетъ это слово: «Къ вечеру совершенно Сахалинъ былъ очищенъ отъ китайцевъ и ихъ большихъ кулаковъ, и подвергся пламени огня весь. Послѣ этого тамъ остались только однѣ печныя тру́бы отъ китайскихъ *фанцъ* (домиковъ)»[1].

Изъ множества другихъ примѣровъ приведемъ лишь нѣсколько, для чего изъ Курскаго Сборника (1903. IV) возьмемъ двѣ-три сказки и остановимся на фонетической передачѣ слѣдующихъ выраженій: «Вотъ у вад̂нэй бѣднай избушки» (77 б); «у вадно время» (78); «кагда увайдешь у вызбу», «ускакала у вызбу» (86—87); «зеркальца ей у ватвѣтъ» (88, 91); «у ватлучки» (88), и проч.

Здѣсь невѣрно положеніе, что предлогъ *въ* обоянскаго говора можетъ быть переданъ только черезъ *у*, тогда какъ въ сущности это *ув*[2]; если же согласиться съ авторомъ Сборника, то остающееся: *ваднэй* (одной), *вадно̀* (адно̀—одно̀), *вызбу*, *ватвѣтъ*, *ватлучка*—представляетъ нѣчто невѣроятное. Такихъ словъ въ русскомъ языкѣ нѣтъ. Если издатель хотѣлъ строго держаться фонетики, то приведенное надлежало бы передать такъ: ув(ъ) адно время (ўремя): одинъ, одна, одно остаются безъ придыханія; ув(ъ) атвѣтъ, ув(ъ) атлучки, увызбу. Послѣднее именно подлежало бы такой слитной передачѣ, или же по приведенной схемѣ слѣдовало раздѣлить его на составныя части: ув(ъ) избу, ибо словъ, начинающихся со звука *ы* (ъи)—въ рус-

---

[1] Могилевскія Губернскія Вѣдомости: 1900. 79, стр. 322.

[2] Ср. наприм.: « . . . а увъ озеря плаваютъ двѣ утки»—Сказка, записанная въ Тимскомъ уѣздѣ, говоръ котораго близокъ къ обоянскому (Труды курскаго статистическаго комитета: 1863. I. 519).

скомъ языкѣ нѣтъ ни одного. Ошибочна посему такая передача древняго текста: «. . . самовольно завладѣли Софійскою пустошью Климовскою въ Заблуднѣ, отгородивъ ее себѣ «в-ысхожу». Или: «да Михаилу жъ на Ваге Богословского монастыря черного священника выслаті к намъ в Великиі Новгородъ ко поставленью в ыгумены» [1].

Подобное написаніе, гдѣ звукъ *ы* составился изъ предлоговъ *въ*, *съ*. . . и гласной *и* какого-либо выраженія, слѣдующаго за этими предлогами — расчленяютъ нерѣдко, дѣлая изъ сего: в(ъ) + ы, с(ъ) + ы. . . и подчиняя сему даже нарѣчія, наприм. *выспoди* (в ыспoди? [2]). Особенно рѣзко бросается это, когда буквой *ы* начинаютъ имена собственныя. Напримѣръ:

А на тым явари сыз орел сыдыть,
Да в воду гледыть з рыбою (sic) говорыть:
Ой, буть нам, рыбо, у одного пана,
Пана в Ывана —
Тобою, рыбо, гости вититы,
А моим пером лысты пысати [3].

Или: ро҃зѿг июля кѕ҃ справлены те҃рати статеѣнаго списка и наказ и грамоты что посыланы в ышпанское да во фрацꙋское [4]...

[1] Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи за 1901 годъ. В. XIV. Въ приложеніи: П. Яновскій: Описаніе актовъ новгородскаго Софійскаго дома. Спб. 1902, стр. 14 и 141. По справкѣ съ подлинными актами, въ обоихъ случаяхъ: «высхожу» и «выгумены» написаніе слитное.

[2] В. Н. Перетцъ: Памятники русской драмы эпохи Петра Великаго. Спб. 1903, стр. 553.

[3] Черниговскія Губернскія Вѣдомости: 1853. Ч. Неоффиц. IX, стр. 61. — Въ предисловіи къ Архиву сельца «Сурьянино», фамильнымъ бумагамъ рода дворянъ Юрасовскихъ (Орелъ. 1900), хотя и говорится, что «по примѣру всѣхъ издателей памятниковъ нашей древней письменности», акты напечатаны въ томъ сборникѣ съ «буквальною точностью въ отношеніи подлинниковъ — необходимое условіе для исторіи языка, къ чему они также могутъ служить матеріаломъ» (стр. III), но въ Порядной записи на постройку церкви (1675) такое написаніе: «Се азъ Болховскаго уѣзду Годыревскаго стану вотчины стряпчаго Петра Ростиславовича Апухтина крестьянинъ Ывашко Гладкой да вотчины окольничьяго и воеводы Ивана Ивановича Ржевскаго крестьяня ево . . . Ывашка Гладкой да Филька (bis) . . . Ывашку Гладкова . . . И намъ Ывашкѣ Гладкому» . . . и т. д. (стр. 13—14) — весьма сомнительно.

[4] Описаніе рукописей библіотеки института кн. Безбородко. Статейный списокъ. Черновой списокъ съ грамотъ, посланныхъ Алексѣемъ Михайлови-

Въ выдержкѣ изъ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей мы отмѣтили написаніе слова «рыба» (Да в(ў?) воду гледыть з рыбою говорыть. . . и др.). Настоящій черниговецъ-рапсодъ и южно-руссъ, беремъ людей и простыхъ и грамотныхъ, помимо своей воли, такъ сказать машинально и безсознательно всегда напишетъ это выраженіе: *риба*, гдѣ *и* есть средній звукъ между *и* и *ы*. Убѣдиться въ этомъ можетъ каждый по тѣмъ промахамъ, слывущимъ подъ именемъ опечатокъ, какіе случаются при спѣшномъ наборѣ не только повременныхъ изданій, а даже и книгъ, гдѣ предполагается болѣе тщательная и болѣе внимательная корректура. Вотъ примѣры отображенія говора въ печати (тутъ же кстати, наряду съ этимъ, сопоставляемъ выдержки изъ другихъ источниковъ, какіе когда либо намъ приходилось встрѣчать).

1. Смѣшеніе *и*=*ы*, и наоборотъ: *ы*=*и*, какъ яркій признакъ мѣстнаго говора.

Бетрыщевъ: «Чичиковъ у Бетрыщева» отрывокъ изъ Мертвыхъ душъ, соч. Н. В. Гоголя (Черниговскія Губ. Вѣдомости. Ч. Неоффиц.: 2724).

Бури (буры, боэры): ...войска давали залпы изъ шанцевъ, чтобы отвлечь вниманіе буровъ отъ серьезно пострадавшаго лагеря; бури потеряли три человѣка убитыми и 12 ранеными (Тамъ же: 2139).

Взырать: Петръ ѿвѣщаваше къ людемъ: мѹжіе іилтяне, что чѹдитеся ѿ семъ или на ны что взыраете (Дѣянія свв. Апостолъ. Черниговъ. 1770. Второго счета л. 5).

...не смѣютъ чини ангельстіи взырати (Ирмологій кіевской печати 1877 года: Гласъ 6, п. 9, л. 72 об.).

Выды (виды) — см. ниже, подъ словомъ открить.

Выкапивать (выкапывать): могила выкапивается... (С. Беймъ: Память о Чуфутъ-Кале. Одесса. 1862, стр. 50).

Выртуозность: Единственно, что еще сохранилось въ голосѣ пѣвца — это средній регистръ его и безусловное умѣніе владѣть имъ, доведенное артистомъ до полной выртуозности (Черниговскія Губ. Вѣдомости. Ч. Неоффиц.: 1336).

Вишній-Волочекъ (Тамъ же: 1441).

чемъ къ Филиппу IV испанскому (1667) и Людовику XIV (1668), и проч. Москва. 1900, стр. 87: nº 42, л. IV.

Государиния благодарила рескриптомъ (Историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи: кн. I. 102).

Дѣловытые люди (Л. В. Боровскій: Двадцать пять практичныхъ совѣтовъ. Климовичи. 1900. 3).

Избырать: избыраемы, ...депутатамъ избыраемымъ, ...разбырая споры лицъ (А. Ханенко: Историческій очеркъ межевыхъ учрежденій въ Малороссіи. Черниговъ. 1870, стр. 35, 106 и 107).

Испыть: дай только мнѣ водицы испыть и пріюти меня на часокъ (Кіевлянинъ: 1898. 227).

Крыкъ: горе тому ребенку, который часто вскрыкиваетъ (Тамъ же: 39).

Князь «Синодалъ»... Это одна изъ лучшихъ ролей оперы «Демонъ», но пѣвецъ сдѣлалъ изъ нее что то невозможное, это было не то пріятное мелодическое пѣніе, которое мы привыкли слышать отъ князя Синодала, а скорѣе какое то выкрыкиваніе, въ особенности въ патетическихъ мѣстахъ... (Далѣе идетъ рѣчь о неумѣлыхъ жестахъ пѣвца)... и все это сопровождалось не пѣніемъ, а выкрыкиваніемъ, особенно въ высокихъ регистрахъ (Черниговскія Губ. Вѣдомости. Ч. Неоффиц. 1633).

Крытъ (островъ Критъ): Греческое правительство дѣйствуетъ въ томъ смыслѣ, чтобы происходящее на Крытѣ спокойствіе было сохранено (Тамъ же: 2685).

Мытье (мытье) головы (вывѣска у парикмахера въ Черниговѣ на Шоссейной улицѣ).

Мыѳъ (миѳъ):... мы имѣемъ множество заговоровъ, въ которыхъ, при всемъ желаніи, нельзя найти никакого намека на миѳъ; да это станетъ и понятнымъ (понятно?), если предположить, что заговоръ древнѣе миѳа, что онъ существовалъ уже тогда, когда мыѳы еще не создавались (Ѳ. Ю. Зелинскій: О заговорахъ. Харьковъ. 1897. 13).

Обрысовывать: Во время тостовъ было произнесено много прочувствованныхъ рѣчей, изъ которыхъ наиболѣе характеристична рѣчь мѣстнаго нотаріуса, обрысовывающая личность (виновника торжества) (Гродненскія Губ. Вѣдомости: 1901. 78).

Острыженный: (надъ) неострыженными ихъ головами (С. Беймъ: op. cit. 72).

Осчастливылъ своимъ посѣщеніемъ (Тамъ же: 50).

Открить: 18 сентября 1901 года Г. Начальникомъ Черниговской губерніи разрѣшено Остерской уѣздной земской управѣ открить въ г. Острѣ библіотеку-читальню (Черниговскія Губ. Вѣдомости: 1901. Ч. Оффиціальная, 75).

Продажа откритихъ писемъ съ выдами Чернигова (вывѣска въ газетномъ кіоскѣ желѣзно-дорожной станціи «Круты». 1900).

Парыжъ: Въ курьерскомъ поѣздѣ, шедшемъ изъ Марселя въ Парыжъ, разыгралась... etc. (Кіевлянинъ: 1898. 160).

Подписивать (подписывать): Дикій не позволитъ снять съ себя портретъ, чтобы чужой человѣкъ, владѣя его портретомъ, не владѣлъ частью его существа. Сюда же слѣдуетъ отнести и суевѣрный страхъ, съ какимъ крестьяне подписиваютъ свое имя на бумагѣ (Ѳ. Ю. Зелинскій: О заговорахъ, 27).

Попрыщинъ: Къ проекту Фердинанда VIII. Читатели «Матагалы», по всей вѣроятности, знакомы съ этимъ архи-удивительнымъ проектомъ, принадлежащимъ Фердинанду VIII, сирѣчь г. Попрыщину... Въ свое время, къ сожалѣнію, этотъ великій попрыщинскій планъ не былъ признанъ и оцѣненъ (Бессарабскія Губ. Вѣдомости: 1902. 1).

Прибить (прибыть): Абація. Наслѣдная (?) принцеса Румынская прибила сюда черезъ Фіуме (Черниговскія Губ. Вѣдомости. Ч. Неоффиц. 2139).

Прижокъ съ четвертаго этажа (афиша черниговскаго театра отъ 15 октября 1900, n⁰ 18).

Рескрыптъ (Черниговскія Губ. Вѣдомости: Ч. Н. 1361).

Риба: мѣстная риба (А. Верзиловъ: Очерки торговли, и проч. Черниговъ. 1898. 57).

«Винная и рибная торговля В. А. Пашкова въ Кіевѣ» (металлическій капсюль на бутылкахъ).

Рижій (рыжій): см. Архивъ черниговск. депутатскаго собранія. Дѣло 2088, л. 15.

...уворована пара лошадей слѣдующихъ примѣтъ: а именно: 1-й меринъ масти рижей... 2-й меринъ темно-карой масти (слѣдовательно: карая вм. каряя, карій) (Прибавленіе къ Могилевскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ: 1898. 17).

Свыться (сбиться): Въ теченіе ночи 15 англичанъ, сбывшихся съ пути, прибыли пѣшкомъ въ лагерь буровъ... (Черниговскія Губ. Вѣдомости: Ч. Н. 2139).

Томыться: Всѣ узники и колодники, томывшіеся въ тюрьмахъ и приказахъ, удостоивались посѣщенія Государя . . . (Тамъ же: 2166).

Убыть (убить): бѣшеная собака убыта (Тамъ же: 1387).

Унилой (унылый): Рогатой скотъ испущаетъ глухой унилой ревъ (Украинскій Журналъ: 1825. V. 106), etc.

Въ заключеніе о звукѣ *ы* еще одинъ примѣръ:

Хто Прячистую принимаить,
Тэй (той?) щаслиў у Бога буваить.
Христосъ васкреси да й на нибеси!
Яму Богъ пумыгаить
И ў поли, и ў доми.
. . . .
А ў гумни стыгами,
У *въ ымбари* кырыбами,
А ў доми пирыгами . . . и проч. [1].

Здѣсь, въ отмѣченномъ выраженіи, сугубо неправильно употребленіе *ы*, ибо показываетъ удвоеніе полугласнаго, каковой получается въ такой формѣ: *въ* + *ги*, чего никогда не можетъ быть. Любопытно, какъ по теоріи расчлененія отнеслись бы къ написанію нижеприводимаго слóва въ одномъ изъ произведеній XVIII вѣка: «. . . слыхано-ли въ свѣтѣ, подай онъ этому бродягѣ цѣлые *полымперіала?*»[2].

Не лишена интереса оговорка, помѣщенная въ концѣ перечня опечатокъ къ Смоленскому Сборнику (1903. IV), гдѣ есть поправки ошибочной звуковой передачи (конечно въ наборѣ, при печатаніи): «Здѣсь», читаемъ въ этой оговоркѣ — «не отмѣчены (sic) нѣсколько случаевъ неправильной постановки краткихъ ў, й вм. у, и, или наоборотъ, напр. ишоу, вайтоуна купйў, и т. п.» (стр. 718). Но тогда, спросимъ: какъ же смотрѣть на такія записи, на всю книгу, и у желающаго пользоваться Смоленскимъ Сборникомъ гдѣ критерій для оріентированія себя при изученіи мѣстнаго говора?

Нѣчто подобное сему исправленію «*нѣсколькихъ случаевъ* неправильной постановки краткихъ ў, й», и проч., но въ другомъ родѣ, встрѣтилось намъ въ южно-русской литературѣ: «На желаніе сочинителя задержана *побольшой части* того-жь правопись» — такова оговорка, помѣщенная на оборотѣ титула

[1] Смоленскій Этнографическій сборникъ: 1903. IV. 164—165; тамъ же въ указателѣ: Ымбаръ.

[2] М. В.: Имянинники. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. М. 1774, стр. 25.

книги: «Думы та думки Іосыпа Богдана Залеского, переведени зъ полского на родимый рускій языкъ(.) Издани же Др. Владиміромъ Терлецкимъ. Перемышль. Тvпомъ Михаила Диковского, держителя печатни руск. собора крылошанъ. 1861». Конечно, изучать правопись сего перевода «зъ полского на родимый рускій языкъ», гдѣ въ угоду сочинителю, и то лишь «по большой части», а не во всей книгѣ, что-то оставлено принадлежащее собственно ему — былъ бы трудъ напрасный, и Думы эти могутъ представить развѣ интересъ по сравненію съ произведеніями, выходившими у насъ почти одновременно, каковы наприм.: «Вигадки. Вихтовца А. С. Москуа. В друкарні Каткова и товариства. 1860».

Далѣе.

2. Употребленіе *и* вм. *ѣ*:

Мнѣ пріятно засвидительствовать (Кіевлянинъ: 1898. 69).

Прошла гроза, и солнце заблистало,
И бирюзою свититъ неба сводъ. (Изъ кантаты на открытіе въ Кіевѣ городского театра.—Кіевское Слово: 4919), и мн. др.

3. Мягкое *л* (ль):

Адмиральтейство (Черниговск. Епарх. Извѣстія: 1888. XX. Прибавленіе, стр. 819).

Дольгъ (долгъ): Ренты куплены за деньги, полученныя въ уплату дольга (Главная опись церковнаго имущества черниговскаго каѳедральнаго Спасопреображенскаго собора: л. 150 а).

Допольнительный: Бралъ вновь крупныя суммы на допольнительныя пошлины (Кіевлянинъ: 1901. 168).

Продольжать: ...которую (службу) онъ началъ продольжать съ 1759 года, и проч. (Абшитъ бунчуковому товарищу Якову Лобко, 1785 года. — Архивъ черниговской архивной коммиссіи).

Пультускъ: Организуется паевое товарищество перевозки пассажировъ въ автомобиляхъ между Варшавой и Пультускомъ (Черниговскія Губ. Вѣдомости: 2705), и проч.

Твердое л(лъ) недоступно черниговцу, и можно слышать на ектеніи: «Испольнимъ молитву нашу Господеви»; также вм. царствующаго говорятъ: царьствующаго, и т. п.

4. Полногласіе:

Линеека — линейка, экипажъ, родъ дилижанса, для проѣзда отъ Чернигова къ вокзалу желѣзной дороги (слово «линеека» отпечатано на билетахъ конторы Бѣляева).

Перемъ (Перьмъ) — Пермь (Черниговскія Епарх. Извѣстія: 1902. I. 16).

5. Характеристичный выговоръ йотированнаго *а* (ꙗ = я) какъ *ья*:

Государья: «Указъ Государья Петра (1-го) 270 экз.» (надпись черниговца-рабочаго, сдѣланная на оберткѣ литографскихъ оттисковъ).

Имья — имя (Архивъ черниговск. депутатск. собранія: д. 2088, л. 15).

Матерьями: ...эти картины могутъ быть наблюдаемы всего на разстояніи двадцати часовъ ѣзды отъ нашей столицы, въ такъ называемой «странѣ колтуновъ», гдѣ четырехлѣтніе ребята бѣгутъ за своими матерьями съ требованіемъ покормить ихъ грудью (Минскій Листокъ: 1901. 45).

Пьятница: ...а въ понедѣльникъ и въ среду и въ пьятницу, во всѣ посты не ѣстъ и не пьетъ ничего (Черниговскія Губ. Вѣдомости: Ч. Неоффиціальная, 2166).

6. Ф = х: стифарный дьячокъ (Архивъ черниговскаго депутатскаго собранія: д. 4940, л. 113).

7. Ѳ = фт: Фтеодоръ — Ѳеодоръ (тамъ же, л. 195), и проч.

Или, наприм., встрѣчаются такія, не менѣе любопытныя выраженія, какъ:

Вырыть (вырѣзать, изсѣчь): Николай II (2-й?) Юрьевичъ Радзивиллъ, имя котораго вырыто на камнѣ, былъ гетманомъ великаго княжества литовскаго (Ковенскія Губ. Вѣдомости: 1899. Прибавленіе 41).

За вм. о, объ: Если Рауль выходитъ съ отцомъ только, онъ скучаетъ за матерью (Отзывы о концертахъ Рауля Кочальскаго. Спб. 1895, стр. 4). Ср. К. Зеленецкаго: О русскомъ языкѣ въ Новороссійскомъ краѣ (Одесса. 1855), гдѣ приведены такіе примѣры: Я за его забылъ, за его говорилъ — вм. о немъ. Я соскучился за васъ, за него, вм. по васъ, по немъ. Вздыхаю, умираю за тобою, вм. по тебѣ (стр. 23).

Въ Брянскѣ также не рѣдкость слышать употребленіе этого *за* вм. *о, объ, по*..., порча занесенная съ юга, изъ Кременчуга,

Херсона и Одессы, по-брянски «низъ», съ которымъ городъ имѣетъ наиболѣе общенія по своимъ торговымъ оборотамъ.

Зало́жки (закладки въ книгахъ или тетрадяхъ) легко исчежаютъ (Л. В. Боровскій: Двадцать пять практичныхъ совѣтовъ. — Климовичи. 1900, стр. 7).

Незловимый (неуловимый): Въ Одесскомъ уѣздѣ появилась правильно организованная шайка воровъ, которая, несмотря ни на какія мѣры, долгое время оставалась незловимой (Кіевлянинъ: 1899. 219).

Слободный: Извозчики должны, въ слободное отъ ѣзды время, останавливаться только на постоянныхъ биржахъ, и проч. — При ѣздѣ по городу ломовые извозчики обязаны... не соединять возы (возовъ) въ одну цѣпь, а держать между ними послѣ каждыхъ трехъ подводъ перерывы, для слободнаго проѣзда и пропуска прохожихъ; и проч. (Постановленія о производствѣ извознаго промысла въ Кинешмѣ: пп. 12 и 35. — Костромскія Губ. Вѣдомости: 1899, 82).

Стихи́рь: На актѣ хоромъ училища были исполнены слѣдующіе номера:

1) Тропарь праздника.

2) Стихирь осьмого гласа «Маріины слезы».

3) Стихирь «Свѣте тихій».

4) Гимнъ «Колена, Россы, приклоните», и проч. (Черниговскія Губ. Вѣдом. Ч. Н. 2984), etc.

Всѣ выдержки, за исключеніемъ лишь небольшого сокращенія нѣкоторыхъ изъ нихъ, приведены здѣсь въ ихъ правописаніи, безъ всякихъ измѣненій.

Возвращаемся къ Курскому Сборнику.

Неудовлетворительность фонетической передачи обоянскаго говора сказалась тамъ еще въ слѣдующихъ случаяхъ:

Встрѣчается: ничиго (75), ничига (79), изъ ниго (82), у ниво (83), никаво (91), между тѣмъ должно быть какое нибудь одно произношеніе, одинаковое въ разныхъ случаяхъ употребленія, иначе слѣдовало оговорить это, и если *ничиго*, *ничига* (sic), *изъ ниго*, то и *у ниго* (у него = у не(и)во).

Затѣмъ читаемъ: укра*вшы* (76), пагутари*вшы* (ib.), и тутъ же: приѣха*мчи* двару (приѣхадчи или приѣха*мши*?), по-

завтрика*мшы* (79), увиди*вшы* (86: увиди*мшы*?). Окончанія здѣсь опять сомнительны.

«Тата» (74) значитъ не эта, а *та-то*, и гораздо бы лучше раздѣлить выраженіе дивизомъ (по типографски дефисъ — короткое или малое тирэ), а союзы, кстати сказать, передавать бы слитно, наприм. *штопъ* — чтобъ (88): *што* въ одной строкѣ, а *пъ* перенесено въ другую, причемъ не поставлено соотвѣтствующаго значка.

Сомнительно употребленіе такихъ словъ въ простой рѣчи, даже въ поэтическихъ сказкахъ, каковы: красавецъ, красавцавъ... (78); или: «лошади-ня лошади, а львы» (sic! — ib.). Если въ Курской губерніи, да и въ Орловской произносятъ *Ильговъ* вм. Льговъ, *ильгóта* или *вальгóта* (старинное льгкота̀), *ильнúшка* вм. льнишка, или *аллянóй* (альляной) вм. льня́ный, то казалось бы и *левъ* долженъ итти по тому же закону подъема (ильва̀, ильвы̀...). Но даже и тогда въ устахъ обоянца вышеприведенное уподобленіе лошадей кажется мало вѣроятнымъ.

«Табѣ» и «тибе» (79). Правда, выраженіе это употреблено въ двухъ падежахъ, но въ обоихъ оно произносится одинаково: ёнъ ждётъ тибе (тебя), ёнъ дастъ тибе (тебѣ), если же существуетъ *табъ*, то слѣдовало это оговорить.

«Уплавь» (80) должно быть: *ўпла́въ* или ўпла́ў (вплавь: послѣдній звукъ: *въ* = *фъ* — чуждъ простонародному произношенію).

«Ни жива ни миртва̀» (82) вм. *мёртва*.

«Атышшишъ» (86) — отыщешь, какъ будто замѣна простонароднаго *на́йдишъ*, что болѣе въ духѣ языка.

«Блешша» (86), вѣроятно: *бля́шша* — блеститъ.

«Толкя» (87) вм. *толькя*.

«Умирла̀» (87), но вѣрнѣе — *умёрла*.

«Пожаловала» (89) вм. *пажалавала*.

«Кальдунья» (90): мягкое л (*ль*) здѣсь чрезвычайно важно, указывая какъ бы на вліяніе южно-русскаго говора, но далѣе *калдунья* (калдуння, калдуньня?).

«Прилятѣли двинатцать сакало́въ» (90), но на той же страницѣ и далѣе вездѣ «сокалы» (со́калы?), тогда какъ, слѣдуя первому написанію, это должно бы быть *сакалы̀*.

«Увида́ла» (90), но должно быть *увйдила*? (ср. выше: *увйдившы*: 86).

«Усходить ана у третью горницу—усё таки никаво нѣтъ, толькя стаять двинатцать карватій (кроватей)», и проч. (90). Выраженіе «стаять двинатцать карватій» — весьма сомнительно въ устахъ простого человѣка, какимъ предполагается обоянецъ, будь онъ мѣщанинъ или крестьянинъ, если оба они не испорчены безграмотною переводною беллетристикой или языкомъ нашей современной періодической печати: *стаять двинатцать* есть германизмъ (es stehen zwölf. . .), русскій же человѣкъ въ данномъ случаѣ скажетъ: *стоитъ*, въ значеніи быть, находиться, а не какъ антитеза глаголу «лежать».

«Падъ акномъ» (92)—сомнительно, а вѣроятнѣе должно быть *падъ вакномъ* (вакно̀, во́кны. . .).

Объясненіе мѣстныхъ словъ во взятыхъ сказкахъ сдѣлано правильно, иногда глоссы приведены даже безъ нужды въ нихъ, между тѣмъ такое выраженіе, какъ «поискать» [1] — осталось безъ комментарія, тогда какъ этотъ русскій специфически-простонародный терминъ требовалъ ссылки хотя бы на Даля.

Въ общемъ, Курскій Сборникъ даетъ обильный матеріалъ, откуда можно вывести законы мѣстнаго говора, и касаясь нѣкоторыхъ въ немъ неточностей, мы хотѣли бы сказать, что фонетическій методъ записи, самъ по себѣ важный, а въ иныхъ случаяхъ и необходимый, какъ образецъ того или другого произношенія — не всегда однако бываетъ удовлетворителенъ. Что до расчлененій, какія мы видѣли выше, наприм.: въ Ывана, к

---

[1] «Вотъ ана (Марья-царевна) и ка́жа (Ивану-царевичу): «Аддають мине батюшка съ матушкаю лютаму змѣю на съяденья». — Ну, Марья-царевна, ни плачь; сибе пагублю, а тибе спасу. Типеря я зъ дароги ляжу, а ты мине *паишшы*, да каравуль, какъ полнеба (палнеба?) загаритца, такъ (дакъ?) скарѣича мине буди̂, а ни разбудишъ, крападемъ абоя» (76).

ышпанское, или: «...въ Курмышскомъ уезде в Ынизенскомъ(?) стану»[1]..., и проч, то при слитномъ написанiи въ произведенiяхъ даже позднѣйшихъ возможны и другiя недоразумѣнiя. Такъ, въ одномъ памятникѣ, спискѣ XVIII вѣка, имя Улка (Улька, Ульяна) прочитано и передано какъ «Даулка» (да Улкой зовутъ)[2].

Разительный примѣръ того, въ какiя невѣроятныя условiя иногда ставятъ себя желающiе точно передать фонетику чужого языка на русскiй, представляетъ описанiе двухъ эѳiопскихъ рукописей, сдѣланное покойнымъ В. В. Болотовымъ, профессоромъ петербургской духовной академiи. Вотъ «нѣсколько словъ о принятой имъ транскрипцiи эѳiопскихъ словъ». Возьмемъ оттуда лишь двѣ гласныхъ литеры алфавита, пятую и шестую, и одну согласную.

«V (= sere)...е [въ нынѣшнемъ произношенiи часто какъ русское *е* или *ѣ*]».

Но частое произношенiе, скажемъ на это, притомъ «нынѣшнее» (sic), ктому же неизвѣстно какой мѣстности, не есть еще употребленiе у насъ всегдашнее и постоянное, и посему, строго говоря, *е* и *ѣ* надо бы различать.

«VI (= schwa)...у».

Здѣсь толкованiе Болотова принятой имъ транскрипцiи сего звука до такой степени своеобразно, что мы не можемъ не привести его все сполна, цѣликомъ.

«Трудность представляетъ передача звука такъ называемаго «sexti ordinis» (= еврейскому schwa). Его обыкновенно (Dillmann, Praetorius, de Lagarde) передаютъ черезъ ĕ. Но такъ какъ въ этомъ смѣшанномъ глухомъ звукѣ несомнѣнно преобладаютъ *у* (русское) и *i*, а въ тигрескомъ выговорѣ, по Мунцин-

---

[1] Н. П. Лихачевъ: Грамоты рода Осоргиныхъ. Спб. 1900, стр. 24 (знакъ вопроса въ приведенной выдержкѣ поставленъ самимъ авторомъ).

[2] Сборникъ Кирши Данилова. Спб. 1901, стр. 183 экземпляра болѣе полнаго, чѣмъ находящiеся въ продажѣ, гдѣ страницы 183—187 опущены, но «Даулка», какъ собственное имя, стоитъ въ указателѣ.

геру, еще замѣтна примѣсь нѣмецкихъ ö и ü; такъ какъ самъ Людольфъ, «данныя котораго мы должны полагать въ основу во всемъ, что касается произношенія» (A. Dillmann, Grammatik der äthiopischen Sprache. Leipzig, 1857. 10[1]), транскрибируетъ этотъ звукъ въ первомъ изданіи своей грамматики 1661 чрезъ (лат.) y [въ послѣдующихъ трудахъ чрезъ греч. ε], сравниваетъ его съ «y polonicum», которое равно нашему *ы*, и описываетъ такъ: «sonus hujus vocalis tam obscurus est, ut parum a murmure absit, haud aliter ac si quis obscure loquens infantes terrere velit»; такъ какъ и самъ Диллъманъ [въ Lexicon] еще колеблется между краткимъ ĕ и краткимъ ĭ: то мною принято латинское y = русскому ы»[2].

Заключеніе это, поистинѣ, поражаетъ своею неожиданностью. «Самъ Людольфъ», говоритъ Болотовъ, транскрибируетъ литеру schwa посредствомъ «y polonicum», которое равно нашему русскому *ы*, казалось бы это послѣднее, какъ естественное и наиболѣе цѣлесообразное, и слѣдовало взять за означеніе даннаго звука, между тѣмъ «принято латинское y = русскому *ы*!» А въ латинскомъ это *y* само взято у грековъ...

Изъ объясненій при передачѣ согласныхъ беремъ «Tajt (= ט)...», которое Болотовъ означилъ «капителью т», обнаруживая при семъ незнаніе употребленнаго имъ типографскаго термина. Названіе капитéли присвоено литерамъ строчнымъ, имѣющимъ форму прописныхъ или начальныхъ, каковыми, въ отличіе отъ большихъ и титульныхъ, нѣкогда набирались главы и подъотдѣлы (capitulum, нѣмецк. Kapitel, перешедшее въ русскій съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, подобно тому какъ изъ bourgeois образовался бóргесъ или бóргисъ, изъ дивиза [divis (-)] дефисъ, и проч.). Но со временъ Сперанскаго, измѣнившаго видъ строчного т, которое состояло изъ трехъ равныхъ вертикальныхъ линій и посему смѣшивалось съ ш —

[1] Ссылка раскрыта, въ статьѣ же Болотова она означена сокращенно: (DiGr. 10).

[2] Христіанское Чтеніе: 1887. VII—VIII. 137—160.

капитéльнаго т въ русскомъ обыкновенномъ шрифтѣ нѣтъ. Капитéли немного, всего девять, иногда восемь литеръ, если ф не выходитъ за черту: а б е і р с у [ф] ѣ. Курьозно, что въ заботахъ о вѣрной передачѣ эѳіопскаго текста, упускалось свое, русское правописаніе, и въ этой статейкѣ встрѣчается: ипостась (148—150), миропомазаніе (151).

Двѣ-три ошибки Болотова, собственно пустыя проpухи, въ существѣ своемъ ничтожныя, тѣмъ не менѣе весьма поучительны, показывая, до какой степени можетъ иногда доходить одностороннее увлеченіе предметомъ: именно съ этою цѣлію мы и остановились на нихъ. Но само собою разумѣется, приведенныя обмолвки отнюдь не умаляютъ покойнаго профессора-труженика, обладавшаго выдающимся знаніемъ своей спеціальной науки, достойнымъ представителемъ коей онъ былъ, къ сожалѣнію, слишкомъ короткое время.

Рвеніе въ поискахъ за чѣмъ-то при изученіи говоровъ — также доходитъ иногда прямо до невозможнаго. Таковы наприм. наблюденія надъ говоромъ, производившіяся въ нѣсколькихъ деревняхъ, лежащихъ отъ Плеса въ 2—5 верстахъ, самый же дальній поселокъ находился въ 12 верстахъ. И вотъ въ этихъ-то пунктахъ изслѣдователь мѣстной рѣчи, дѣлая наблюденія, «не наткнулся, по его словамъ — ни на одну звуковую черту (т.-е. не встрѣтилъ ни одной звуковой особенности), которая была бы присуща говору одной какой-нибудь изъ деревень и совсѣмъ не существовала бы въ другой» (!) [1].

Но такъ и должно быть, замѣтимъ въ свою очередь, если коренное населеніе состоитъ не изъ пришлаго элемента, выходцевъ изъ другихъ мѣстъ, или осѣвшихъ инородцевъ, между коими своя родная рѣчь или говоръ сохранялись бы всилу естественнаго закона преемства языка. Иного явленія никоимъ образомъ и нельзя было ожидать отъ подгородныхъ поселковъ, жители которыхъ, по словамъ изслѣдователя — находятся въ

[1] Живая Старина: 1895. Вв. IV—V. Отд. II, стр. 399.

постоянныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ, гдѣ самый городъ есть центръ для деревень, взятыхъ за объектъ наблюденій, гдѣ нѣкоторыя деревни приписаны къ городскимъ приходамъ, посѣщенія города крестьянами этихъ селеній бываютъ часто, и проч.; какъ средство къ ассимиляціи говора, изслѣдователемъ не забыты кабаки, упоминается о посѣщеніи крестьянами гостиницъ, и проч., и проч. При такихъ условіяхъ ожидать какихъ-либо тонкостей, оттѣнковъ говора, или желать «наткнуться на звуковую черту» среди жителей небольшого района — нѣчто странное. Правда, различія въ говорѣ однороднаго населенія могутъ быть на разстояніи и гораздо меньшемъ, чѣмъ деревни, лежащія въ окрестностяхъ Плеса, таковы наприм. говоръ или рѣчь жителей долинъ сравнительно съ жителями селеній, расположенныхъ тутъ же, но выше, по склонамъ горъ: произношеніе нѣкоторыхъ звуковъ и даже самая рѣчь будутъ стоять здѣсь въ зависимости именно отъ условій мѣстонахожденія горнаго поселка. Но искать того же въ при-Волжской равнинѣ, въ деревняхъ, лежащихъ подъ городомъ и другъ отъ друга на разстояніи какихъ-нибудь двухъ верстъ, повторяемъ — странно, и «наткнуться» тутъ на какую-либо «звуковую черту», которая была бы присуща говору одной какой нибудь изъ деревень — нельзя было. Если же, паче чаянія, оказалось бы противное, то такой аггломератъ напоминалъ бы собою броженіе южно-русской рѣчи или, да простятъ намъ сравненіе — тотъ невозможный юридическій бытъ, какой нѣкогда существовалъ въ Германіи. Наприм. въ Баваріи, на территоріи въ 1388 кв. миль, въ гражданской сферѣ права дѣйствовало болѣе 113 (ста тринадцати) различныхъ законовъ, статутовъ, кодексовъ, и проч. Такъ, въ деревнѣ Аллесгеймъ (вѣдомства Эйхштедтскаго окружнаго суда) въ домѣ подъ нумеромъ 56 дѣйствовало *Эйхштедтское право*, какъ обычное, относительно наслѣдованія по закону; въ остальномъ — *Аншпахское провинціальное* и *Прусское право*. Въ домахъ подъ нумерами 3 и 49 — *Вейстбургское право*. Въ домѣ подъ нумеромъ 1 — *Папенгеймское право*. Въ домахъ подъ ну-

мерами: 2, 4—15, 17—19, 21, 23—35, 37—44, 46, 47, 51—55, 57—59 и 63—76 — *право Нѣмецкаго ордена*, а во всѣхъ остальныхъ домахъ *Аншпахское* и *Прусское право*. Въ деревнѣ Birkach (вѣдомства Видигеймскаго окружнаго суда), въ домѣ подъ нумеромъ 9 дѣйствовало *Графско-Кастельское право*; въ домахъ подъ нумерами 1 и 5 — *Бамбергское земское право*, а въ остальныхъ домахъ *Шварценбергское право*. Въ деревнѣ Лоннерштадтъ (вѣдомства Бамбергскаго окружнаго суда), въ домахъ: 6, 8, 9, 10, 15—17, 19, 20, 22, 26, 29—31, 36, 41, 44, 57, 59—63, 68, 117 и 118 дѣйствовало *Вюрцбургское право*; въ домахъ: 71—75, 77, 80—85, 98—111, 113, 114, 116, 119 и 122 — *Нюренбергское право*; во всѣхъ же другихъ домахъ, да еще на мельницѣ — *Бамбергское право*. Кромѣ того, во всѣхъ домахъ имѣло еще субсидіарную силу *Обще-Нѣмецкое право*, и т. д.[1].

Неужели нѣчто подобное относительно устной рѣчи предполагалъ или хотѣлъ найти изслѣдователь гóвора въ окрестностяхъ Плеса? Кстати: отъ существительнаго Нерехта прилагательное будетъ не «Нерехтинскій», а со вставкой евфоническаго *о* — Нерехотскій, какъ говорится теперь и какъ писалось встарину[2]. Также и отъ слова синтаксисъ прилагательное будетъ синтаксическій, а не синтактическій: это послѣднее написаніе покойный Буслаевъ называлъ ересью. Впрочемъ, въ словѣ «синтактическій» могла вкрасться и опечатка.

Послѣ такого взгляда на изученіе областной рѣчи, не удивительно встрѣтить выраженія рязанскаго говора, наприм.: *бѣлою* и *дѣлаю*, по замѣчанію автора — «произношенія обыкновеннаго», переданными слѣдующимъ образомъ: «б̓œ́лаjу, д̓œ́ла̊jу». Или, наприм., утвержденіе, что «в приставляется (только?) въ слѣдующихъ словахъ (къ слѣдующимъ словамъ): вóсе̓н, вóзера̊,

[1] См. Журналъ Министерства Юстиціи: 1867. XXXI. Ч. II, стр. 17—18 (примѣчаніе 2).

[2] Щекатовъ: Географическій Словарь. IV. 524, 1167.

ву́лица̊, на̊вучи́т»[1]. Не касаясь невѣрности сообщенія о количествѣ словъ, употребляемыхъ съ приставкой *в*, ибо таковыхъ найдется еще нѣсколько, наприм.: вокно, вострый, вочень, вумъ, etc. (сюда же надо отнести и наше обще-великорусское восемь), спросимъ автора замѣтки: какая разница будетъ въ произношеніи, если слова̀, приведенныя въ кавычкахъ, написать такъ: во́сень, во́зеро, ву́лица, навучи́ть, гдѣ послѣдній слогъ въ словѣ «о́зеро», какъ стоящій внѣ ударенія, каждый русскій произнесетъ со звукомъ среднимъ между *о* и *а*? Этотъ средній звукъ безъударнаго *о*—есть, можно сказать, общій законъ для нашей великорусской рѣчи центральныхъ губерній, и въ выраженіи «дѐла̊ју» графика а̊ болѣе чѣмъ сомнительна: таковая скорѣе должна бы находиться въ другомъ словѣ, рядомъ съ нимъ стоящемъ — «бѐлаја» (бѣла̊ю). Оба примѣра, впрочемъ, взяты не совсѣмъ удачно: одинаковыя по фактурѣ, выраженія эти съ начальными *б* и *д* даютъ слишкомъ слабый оттѣнокъ ихъ произношенія, а для тождества опи негодятся. Графика а̊ въ конечномъ слогѣ *вулица* (ца̊) и въ первомъ *навучить* (на̊)—положительно ошибочна.

Извѣстно, какое стараніе приложилъ наприм. Гильфердингъ при записываніи былинъ[2]. Нужнымъ однако считаемъ сказать, что рѣчь пѣсенная и обыкновенный разговорный языкъ — двѣ вещи различныя, да онѣ и должны разниться по самому свойству и ходу работы, которою производится слово.

Встрѣчаются попытки передавать манеру го́вора посредствомъ музыкальныхъ знаковъ[3]. А такія нарѣчія, какъ мало-

---

[1] Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ. Спб. 1903: LXXIII. 5. Матеріалы для изученія великорусскихъ говоровъ. VIII, стр. 14 (вообще, вся эта запись говора деревни Тимохиной, Погостинской волости, Касимовскаго уѣзда, до такой степени преисполнена вычуръ, что затемняетъ простое обще-русское выраженіе и мѣстами совершенно непонятна).

[2] См. Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ, т. LIX: Олонецкая губернія и ея народные (sic) рапсоды, стр. 40 и слѣд.

[3] В. Майновъ: Поѣздка въ Обонежье и Корелу. Изд. 2. Спб. 1877, стр. 125.

россійское и бѣлорусское—до сихъ поръ все еще блуждаютъ и не выходятъ изъ сферы вопроса. Въ доказательство сего можно навыборъ взять изданія кіевскія, полтавскія, харьковскія и черниговскія, и сравнить ихъ между собою: предполагаемый южнорусскій языкъ вездѣ окажется на степени мѣстнаго говора и не представитъ единства даже малорусскаго нарѣчія. Для бѣлорусскаго беремъ случайно встрѣтившійся намъ сборникъ пѣсенъ, изданный Д. А. Агреневымъ-Славянскимъ. Вотъ какъ переданъ тамъ народный говоръ (даемъ отрывки):

Чаму жъ мнѣ ня пѣць,
Чаму жъ ня гудзѣць?
Коли въ моей хатунцѣ
Порядокъ идзець?
Сучка на лычкѣ
Хату стяряжецъ, и проч.

Или:

Чаловѣкъ жану бьецъ, бичуецъ (,)
И никто яе не ратуецъ... и т. дал.[1]

Подобное же встрѣчается у лицъ, преслѣдующихъ исключительно этнографическія цѣли на филологической подкладкѣ. Возьмемъ пѣсенку, какъ она приведена въ статьѣ А. Занкевича: «Бѣлорусскіе свадебные обряды и пѣсни сравнительно съ великорусскими»:

Янечка къ цесьцю ѣдзецъ.
Ёнъ дзиця разумное:
Ёнъ селезнемъ плывецъ,
Ёнъ поле соколомъ ляцицъ,
У ворoцяхъ росой падзецъ,
На дворѣ княземъ станецъ,
За столомъ госьцемъ сядзецъ...[2]

---

[1] Сборникъ. Москва. 1896, стр. 64 и 74: первая пѣсня записана въ Витебской губерніи, вторая въ Могилевской.

[2] Русская Бесѣда: 1896. XI, стр. 41, со ссылкой на Шейна: Матеріалы, 84 (37), и Носовича: Бѣлорусскія пѣсни, 182 (19). — Для-ради курьоза отмѣтимъ разсказъ Г. П. Эрастова: «Не сбылось» (Народъ: 1897. 138), гдѣ фонъ повѣствованія якобы бѣлорусскій, а дѣйствующія лица (тоже мнимые бѣлоруссы) носятъ такія фамиліи: Червонюкъ и Закорузлый (!).

Нельзя посему не упомянуть объ отрадномъ фактѣ, что въ послѣднее время за дѣло изученія бѣлорусской рѣчи взялись наконецъ лица компетентныя: такъ, по недавнему сообщенію изъ Вильны, «профессоръ варшавскаго университета Е. Ѳ. Карскій посѣтилъ шесть губерній для опредѣленія границъ распространенія бѣлорусскаго, малорусскаго и польскаго языковъ. Онъ записываетъ различные древніе и новые говоры и проводитъ цѣлые дни на базарахъ и въ другихъ людныхъ мѣстахъ»[1].

Впрочемъ, легко относятся у насъ къ записямъ не только этнологическаго характера, рѣчи областной, а даже къ письменнымъ памятникамъ древнѣйшаго періода, наприм. XI—XII вѣка, гдѣ казалось бы надо дорожить каждою буквой, каждымъ штрихомъ. Извѣстно заявленіе профессора Соболевскаго на десятомъ археологическомъ съѣздѣ, объ утратѣ древнихъ надписей при реставраціи новгородскаго Софійскаго собора, на что послѣдовало такое возраженіе: «При неизбѣжномъ возстановленіи нѣкоторыхъ крайне разрушенныхъ частей храма, утрачено совершенно ветхихъ надписей (однако же скопированныхъ) всего не болѣе десяти (если включить и крѣпко заштукатуренныя — по обстоятельствамъ ремонта), между тѣмъ открыто надписей около двухсотъ. Кстати сказать, что многія изъ надписей однообразны и малосодержательны. Сдѣланныя на съѣздѣ замѣчанія, что надписи скопированы неточно, оставались (sic) голословными, и могутъ касаться скорѣе орѳографической формы, а не содержанія надписей»[2].

Таковъ взглядъ на сущій вздоръ, на орѳографическую форму новгородскаго памятника XI—XII столѣтія.

---

[1] Новости: 1903. 212. Не совсѣмъ понятно, что надо разумѣть въ этой корреспонденціи подъ именемъ записи «различныхъ *древнихъ* говоровъ»: изученіе ихъ по памятникамъ письменнымъ?

[2] Свѣтъ: 1896. 230.

Выше мы упомянули о подъемѣ въ брянскомъ говорѣ нѣкоторыхъ согласныхъ (*Амце́нскъ, ильни́шка, алляно́й*, московское *алимо́нъ*, общепринятое *аммуниція*, и проч.). Но возьмемъ такой случай. Брянскій крестьянинъ ѣдетъ рубить лѣсъ, по брянски серенова́ть, рубить дерево по серену́, по на́сту, лучшее время для разработки лѣса, и заготовленный въ эту пору онъ называется серённымъ. Крестьянинъ срубилъ извѣстное число живыхъ деревьевъ, и затѣмъ изъ дерёвъ сдѣлалъ (срубилъ) *истру́бъ*: послѣдняго слова онъ иначе не произнесетъ, выраженіе «срубъ» для него дико и онъ пойметъ его не сразу.

Доска̀ въ родительномъ множественнаго даетъ *до́стокъ* и *досто́къ*, а уменьшительное будетъ *до́сточка* (дощéчка).

Тесть въ родительномъ даетъ — *стя* (цтя = тьстя).

Яйцо — такъ и остается въ своемъ произношеніи, но родительный множественнаго числа уже *яе́цъ*, а уменьшительное будетъ *яе́чькя, яе́чькю.*

Вышина̀ и *высота̀* произносятся общемосковски, но тутъ же рядомъ: *висо́кåй* и *висаче́ннåй.*

Дамнó, дамно́шнåй (давно, давнишній), *сла́мнå, сла́мнåй* (славно, славный), но эта замѣна *м* = *в* слышится не всегда: stercus произносится какъ приведенныя два слова, прилагательное же отсюда образуется по общему закону языка.

Горечи́шникъ — гречи́шникъ (гре́шневикъ или черепе́нникъ).

Куда пріурочить и какъ не остановиться передъ образованіемъ такого слова, какъ «*привачу́дьминнåй*» (въ значеніи болѣе чѣмъ пречу́дный)?

Примѣровъ, подобныхъ приведеннымъ, найдется много.

Намъ казалось бы посему, что прежде чѣмъ начинать изученіе говора той или другой мѣстности по нѣсколькимъ предвзятымъ примѣтамъ, подводить и такъ сказать притягивать къ этимъ признакамъ мѣстную рѣчь, слѣдовало бы собрать всѣ реченія извѣстнаго района, въ связи со всѣми видоизмѣненіями и особенностями ихъ произношенія, и тогда уже изъ этого матеріала дѣлать выводы. Правда, достояніе словаря есть собственно

часть лексическая, а не дѣло грамматики, но сумма своихъ, мѣстныхъ, правильно обоснованныхъ выраженій и составитъ именно то, что носитъ названіе гóвора.

Глубокій интересъ въ данномъ случаѣ имѣетъ и для насъ весьма поучительно свидѣтельство пастора Эдуарда Аренса, автора грамматики эстонскаго языка ревельскаго нарѣчія. Вотъ что говоритъ онъ въ предисловіи ко второму изданію своей книги по поводу переработки тамъ главы о склоненіяхъ, въ основу чего онъ положилъ свое изслѣдованіе: «Zur Declinationslehre»[1].

Ради оправданія, говоритъ скромный работникъ, да позволено мнѣ будетъ объяснить — какъ образовалась моя догма о склоненіяхъ. Для этого я прошелъ чрезвычайно трудный путь, такъ какъ другихъ, удобнѣйшихъ, которые вели бы къ цѣли — не было. Я выбралъ изъ словаря всѣ существительныя и кое-что недостающее добавилъ изъ своего запаса. Потомъ все это я проштудировалъ съ эстонцами, предлагая склонять каждое слово отдѣльно, причемъ падежи я устанавливалъ соотвѣтственными краткими вопросами. Наконецъ флексіи всѣхъ словъ, но каждаго порознь, я сравнилъ между собою, и одинаковыя сопоставилъ. Такъ безъ моего вѣдома и помимо моей воли получилось восемнадцать различныхъ разрядовъ словъ, и только тутъ я сталъ хозяиномъ, господиномъ матеріала: nun erst war ich des Stoffes Herr geworden, und konnte ihn geistig durchdringen... Die ganze Eintheilung meiner Declinationslehre ist also nicht künstlich gemacht, sondern naturgemäss entstanden; sie ist nicht erfunden, sondern entdeckt, und von der Sprache selbst vorgeschrieben, etc.

Таковъ былъ путь почтеннаго пастора и таковы результаты, полученные имъ для установленія наиважнѣйшаго отдѣла въ грамматикѣ. Такого же метода держался онъ при разработкѣ спряженій.

И Аренсъ совершенно правъ, приводя затѣмъ въ заключеніе предисловія сказанное имъ раньше: «Dass achtzehn Klassen

---

[1] Ревель. 1848.

gelernt werden müssen, daran bin ich nicht schuld. Habe ich sie denn etwa gemacht? Nein, ich habe sie fertig vorgefunden und nur aus dem Munde des Volkes aufs Papier übertragen. Man versuche doch nur eine einzige derselben auszumärzen! Wem's gelingt, dem will ich unverzüglich als meinem grammatischen Herrn und Meister huldigen»[1].

Профессоръ Соболевскій избралъ иную дорогу, но этотъ путь, на нашъ взглядъ, менѣе надеженъ, и методъ, намѣченный имъ для изученія говоровъ, то же что мести лѣстницу съ нижней ступени, или по брянски — съ нижняго приступка. Всегда тутъ найдется что-либо новое, требующее поправокъ и дополненій, ибо исчерпать какой бы то ни было говоръ по программѣ предвзятой заранѣе — невозможно. Повторяемъ — это дѣло жизни и непосредственнаго сношенія съ самимъ народомъ, притомъ въ разныхъ его слояхъ.

«Сей классъ (низшій классъ народа) часто менѣе самопроизволенъ въ перемѣнѣ значеній словъ; иногда и чрезъ тысячу лѣтъ слова̀ простаго народа употребляются въ одномъ значеніи, между тѣмъ коликимъ превратностямъ подвергаются они и отъ высшаго класса и отъ писателей»[2].

То что, сказано здѣсь вообще о языкѣ простого народа, равно примѣнимо въ полной мѣрѣ и къ его говору: и этотъ послѣдній, хранясь въ народѣ, съ теченіемъ времени подвергается превратностямъ и отъ высшаго класса и отъ писателей.

---

[1] Eduard Ahrens: Grammatik der Ehstnischen Sprache Revalschen Dialektes. Ревель. 1853. — Его же: Zur Declinationslehre, стр. 11. — Припомнимъ здѣсь великія начала, преподанныя Лютеромъ какъ основа при изученіи нѣмецкаго языка и вмѣстѣ наставленіе переводчикамъ: «Mann muss nicht die Buchstaben in der lateinischen Sprache fragen, wie man soll deutsch reden; sondern man muss die Mutter im Hause, die Kinder auf der Gassen, den gemeinen Mann auf dem Markte darum fragen und denselbigen aufs Maul sehen, wie sie reden, und darnach dolmetschen, so verstehen sie es denn und merken, dass man deutsch mit ihnen redet» (Friedrich Kluge: Von Luther bis Lessing. Страсбургъ, 1888. 48).

[2] Труды Казанскаго общества любителей отечественной словесности. Казань. 1815. Кн. I, стр. 133.

«Чистой народной рѣчи вы не услышите», читаемъ о нынѣшнемъ крестьянинѣ, вкусившемъ отъ плодовъ городской и заводской цивилизаціи. «Въ малороссійской рѣчи приходится слышать слова̀: *катигорія*, *дра́гикъ* (трагикъ), *обнакновенно*, и такими выраженіями пересыпается вся рѣчь. Народныя поэтическія пѣсни вытѣснены разухабистыми, нерѣдко сальными и пошлыми, занесенными мастеровщиной. Къ обычаямъ старины относятся со снисходительнымъ презрѣніемъ: «не все-жъ батькивскимъ умомъ жыть — треба и своего попытать». Многіе оставляютъ земледѣліе не потому, что оно безвыгодно, но просто изъ зависти къ кажущемуся раздолью: «мы на печи сидимъ, а чужыи люди гроши загребаютъ». И если глава семейства не поступаетъ на заводъ въ мастеровые, или на рудники въ ша́хтеры, то не запрещаетъ это дѣлать своему сыну, дочери, хотя прекрасно видитъ и понимаетъ, что кромѣ лишнихъ рублей они могутъ пріобрѣсти тамъ нѣчто страшное: развращенность, доходящую до отрицанія родительской власти и семейной жизни, неизлѣчимыя болѣзни. Нерѣдки примѣры, когда заработокъ не попадаетъ въ домъ на подспорье семьи, а остается въ различныхъ притонахъ разгула и разврата. На упреки же родителей сынъ научится отвѣчать: «Чего кричишь? Тебѣ какое дѣло? Я не заклятый, чтобы отъ компаніи отстать! Поди самъ заработай, да и трать куда знаешь!» [1]

Можетъ-ли и годится-ли подобный субъектъ служить матеріаломъ для изученія мѣстнаго говора?

Грамотность и относительное образованіе (quasi-просвѣщеніе) также дѣлаютъ свое, и прежде всего вліяніе школы отразилось на языкѣ наприм. малоросса: рѣчь его получила новые оттѣнки, постепенно приближающіе ее къ великорусскому говору [2].

---

[1] Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости: 1898. 45. — Ср. характеристику куростровскихъ крестьянъ въ Матеріалахъ для изученія великорусскихъ говоровъ. Спб. 1903. В. VIII. 357 и дал.

[2] И. Александровскій: «Съ дороги» (Кіевлянинъ. 1898. 139).

Теперешній крестьянинъ, даже не подгородній, по условіямъ своего быта далеко не тотъ, что былъ не сто лѣтъ назадъ, а всего какихъ-нибудь четверть вѣка. Горожанинъ, беремъ сословіе мѣщанское — тоже. О такихъ же писцахъ, какіе бывали въ земскихъ или повѣтовыхъ судахъ — не можетъ быть помину. И со всѣмъ этимъ надо считаться современному этнологу, принимать все это во вниманіе.

Но сохраняясь, поскольку возможно, въ низшихъ слояхъ народа, говоръ тогда лишь откроетъ таящіеся въ немъ законы, правила, формы, особенности, и проч., когда подойдутъ къ нему именно такъ, какъ это сдѣлалъ Аренсъ, и когда изслѣдователь говора не создастъ для него à priori своихъ требованій: припомнимъ два вопроса изъ программы А. И. Соболевскаго относительно произношенія словъ: «курочка» и «матушка».

ПРИЛОЖЕНІЯ

720

(1785. 10/43. 720.—О значеніи слова «человѣкъ» при крѣпостномъ правѣ, см. выше, стр. 44.—Къ слову «порубка» можемъ добавить, что относительно деревьевъ есть еще выраженіе *подиръ* (драть, обдирать): «2-го августа (1895), въ лѣсной дачѣ В. Н. Васильчикова при деревнѣ Буневѣ произведенъ подиръ 61-го березоваго дерева крестьяниномъ...» (рапортъ пристава 4-го стана Брянскаго уѣзда).—Тéменскій («тéменскава») — прилагательное отъ слова Тéменичи, село въ Брянскомъ уѣздѣ).

II

Книшка Отъгаворная Егора Зайцова.

(Памятникъ брянской письменности)

Книжка представляетъ собою небольшую тетрадь, въ осьмую долю листа простой бумаги, писана она, какъ значится на заголовкѣ—въ 1857 году, и содержитъ въ себѣ разнаго рода заговоры, отговоры, рецепты противъ различныхъ болѣзней, и проч. «Мы знали собственника тетрадки, сообщилъ намъ одинъ изъ брянцевъ: это былъ мастеровой на одномъ изъ мальцовскихъ заводовъ, старикъ, довольно крѣпкій свиду, и какъ говорятъ въ Брянскѣ — имѣлъ въ носу (былъ колдунъ)».

Непонятное «имѣлъ въ носу», съ добаленіемъ, что это значитъ «былъ колдунъ», требуетъ нѣкотораго поясненія.

Въ русскомъ жаргонѣ, среди словъ для означенія степени охмѣленія есть между прочимъ выраженіе «муха», съ такими варіантами: забить, убить муху (му́шинку), съ мухой, подъ мухой, предварительная муха, и проч., что въ переводѣ на обыкновенную рѣчь надо понимать: человѣкъ находится-де въ подпитіи, въ легкомъ опьяненіи, выпито для смѣлости, для храбрости, etc. Кромѣ этой, такъ сказать скромной, небольшой выпивки, подъ «мухой» иногда разумѣется пиръ горой, когда бываетъ что называется море разливанное и всѣ лягутъ костьми. Это загадочное выраженіе «муха» со всѣми его видоизмѣненіями недаромъ привилось въ циклѣ иносказаній или жаргонѣ, хотя употребляется оно врядъ-ли сознательно.

По русскому народному суевѣрію, колдуны знаются съ нечистымъ, съ дьяволомъ. Сопоставляя «муху» съ одною бѣлорусскою пословицей, откроемъ внутреннее значеніе сего слова. Вотъ что находимъ въ изслѣдованіи Буслаева: «Русскія пословицы и поговорки»:

О чародѣѣ или колдунѣ бѣлоруссы говорятъ: (у него) «мухи въ носѣ». Чтобы понять эту поговорку, слѣдуетъ припомнить соотвѣтственныя ей миѳическія преданія другихъ народовъ. У литовцевъ есть божество мухъ, mussû birbiks (отъ глагола birbju — пищать, жужжать). Нѣмецкія сказки повѣствуютъ о превращеніи нечистой силы въ мухъ. Я. Гриммъ (въ Deutsche Mythologie) приводитъ одно мѣсто изъ Acta Bened. (sec. I. 238), вполнѣ объясняющее нашу бѣлорусскую поговорку: in muscae similitudinem prorumpens cum sanguine de naribus egressus est inimicus [1].

При характеристикѣ Зайцова (что онъ «имѣлъ въ носу») опущено слово «муха», значеніе котораго въ смыслѣ «нечистаго» вѣроятно потерялось въ народѣ, сохранивъ его лишь для опредѣленія степени охмѣленія водкою, «кровью сатаны».

Титулъ на тетрадкѣ писанъ наманеръ печатнаго шрифта, и находится подъ дугообразной узорной заставкой, съ середины которой возвышается украшеніе, по сторонамъ коего двѣ звѣздки.

Отговоры и заговоры начинаются съ оборота второго листа и идутъ до фаса 16-го. Далѣе, съ оборота сего послѣдняго до

---

[1] Буслаевъ: Пословицы. Москва. 1854, стр. 171—172. — Я. Гриммъ даетъ еще нѣсколько превращеній дьявола въ муху; см. его Deutsche Mythologie. Берлинъ. 1877: II, стр. 834; III, 295. Тамъ же и о другихъ метаморфозахъ, кои принимаетъ malignus spiritus. Ср. извѣстную легенду въ житіи Іоанна новгородскаго и мн. др. «Между смѣшными и достойными всякаго презрѣнія идолами, у хананеянъ былъ *велзевулъ — богъ мухъ*, которому въ Аккаронѣ воздвигнуто было великолѣпное капище (4 Царствъ: 1...). Имя это іудеи впослѣдствіи употребляли для означенія *князя бѣсовска*. Мѳ.: X. 24 и дал.» (М. Сибирцевъ: Опытъ библейско-естественной исторіи. Спб. 1867. 329). Ср. у Calmet: Dictionnaire historique, critique, etc., de la Bible (Женева. 1730. III. 329 s. v. Mouches): «...Les Philistins adoroient le Dieu Mouche sous le nom de Béelsébub», и др.

л. 42а — разныя записи частнаго характера, сдѣланныя карандашомъ, и наконецъ отсюда до листа 44а — еще четыре средства; на л. 45а послѣдняя запись чернилами и криптографіей. Прочія страницы съ карандашными записями изъ домашняго обихода.

Всѣ заголовки въ Отговорной Книжкѣ сдѣланы навыворотъ, такимъ же способомъ занесено тамъ средство: «какъ скотъ заводить», рядомъ съ чѣмъ мы помѣстили транскрипцію въ обыкновенномъ чтеніи.

---

1. ЫНИВАДАГ ДО ЪРОВАГДО (Одгаворъ од гадавины).

На мори на кияни на вострави буяни стаить частъ ракитавай кустъ. в томъ частамъ ракитавомъ кусту лижить змей шкурапей. о змей шкурапей собири (bis) своихъ всехъ змей змиевича(въ) межныхъ и подрубежныхъ, калодныхъ, паткалодныхъ, махавыхъ и лисавыхъ, змію шкурапею, змию пириярью, литучихъ и палзучихъ шиливыхъ, печныхъ и запечныхъ. а ни сабирешъ ты всѣхъ змей змиевичахъ (sic) межныхъ, подрубежныхъ, калодныхъ, паткалодныхъ, мохавыхъ и лисавыхъ, змию шкурапею, змию пириярью, литучихъ и палзучи(хъ), шиливыхъ, печныхъ и запечныхъ, то пойду я къ Михайли и к Гавриилу. напушу грознава грому, грозназ тучу, громомъ пабъю, моланьей сажгу. о рабъ Христовъ человѣкъ ни ходи къ самому Христу и к Михайли и к Гавриилу, отъ Гавриила к гарганки (sic), ни пускай на мине грознава грому, грозназ тучу, ни бе(й) мине громомъ, ни жги маланьей, я рабъ Христовъ человекъ, выташи жала русава. Какъ вода чиста и непорочна, такъ чтобы рабъ чистъ и непороченъ (былъ) о(тъ) змиинай лютости и ненависти.

2. ЪРОВОГАЗ ИИМЗ (Заговоръ змии).

Сонце, небо, земля, ключь, запри змию къ сырой зимли.

3. **ЙОНРУДО ИКАБОС** (Собаки одурной).

Во имя О(т)ца и Сына и Светаго Духа и нынѣ и присно и во вѣки вековъ. Аминь. Зжды.

Помени Господи царя Давыда и кротость всю его — Зжды. и укротилъ царь Давытъ серце и укроти лукавы, такъ укроти Господи всякія скорби и болезни рабу твоему имракъ. избави Господи и защити отъ всехъ прилохъ вражицкихъ и отъ омраку бесовскаго. о Михайла Архангелъ вышнихъ силъ воеводе, помилуй и защіти отъ всѣхъ прилохъ вражицкихъ и отъ омраку бесовскаго. Аминь.

4. **ЙОНРУДО ИКАБОС ЪТО УМОЛАЗ** (Залому (sic) отъ собаки одурной).

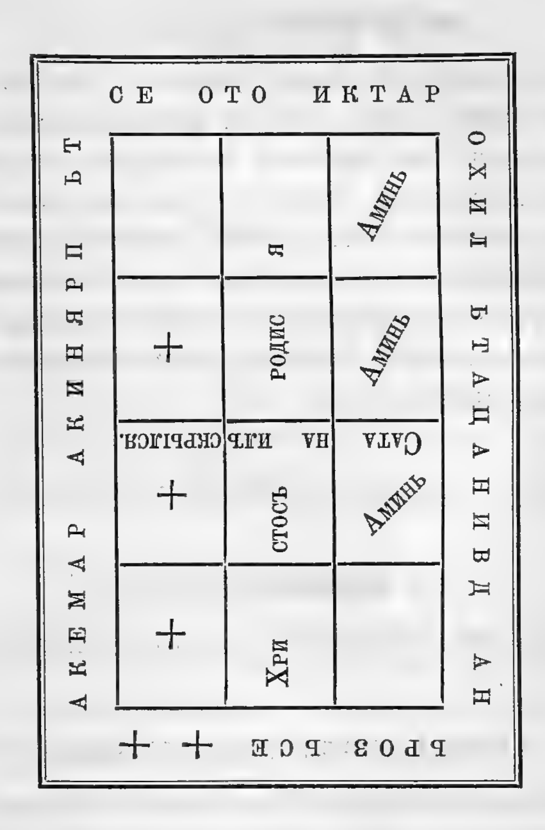
(Въ) месице марте во свѣтомъ градѣ вов Рымѣ. на той горе Люне стоялъ саборъ, у томъ сабори мати Марея спала и почивала. видела сибѣ сонъ чудѣнъ и страшенъ. кто сонъ знаить и читаить, из дому в домъ перипускаить — на соракъ днеи прощенъ имракъ знать[1] будетъ. вынимай дурнуя кровъ из буйно(й) галавѣ с ритивова серца, ис кожи, з жилъ, изъ-подъ жилъ, с кахтей и с нохтей. в томъ домѣ три ангела: первой Исакъ, второй Ияковъ, третій ангелъ шестикрылатой, деной помочникъ, теплой одежникъ, привиликай сохранитель, сохранить на крутыхъ горахъ, на темныхъ лисахъ отъ ведмы еретницы, калдуна, калдуни, отъ ничистава духу, отъ буенаго древа. Слава О(т)цу и Сыну и Свѣтому Духу и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

5. **ЯІНЕЧИЛЗИ ИКДАРОХИЛ** (Излеченія лихорадки).

По морю кияню плывуть 12ть девъ волоса растрипамши, сами распаясамши. Ананій, Карпей, Михаилъ глянули на моря, восkликнули етихъ девъ, стали ихъ спрашавати — что вы есть за

[1] То-есть: имярекъ знать, иначе — надо заклинателю знать какъ зовутъ того, надъ кѣмъ произносится этотъ заговоръ.

девы, о(тъ) кого посланы. мы есть дѣвы посланы отъ царя Ирода в Свѣтло-Руское царство, тело иссушать, кости умести собирать. Ананій, Карпей, Михаилъ стали ихъ мучити разнами муками и дали имъ по 77 ударовъ. да возмолюца дѣвы Ананію, Карпею, Михаилу. Кто етотъ списокъ знаить или прочитаить, к тому мы чѣловеку ни прикоснѣмся во вѣки вѣковъ. Аминь: Зжды.

Въ транскрипціи надпись даетъ слѣдующее: «(Это) Есть рамека пряника. ото(ъ) лихоратки. Есь (ѣсть) на двинацать зорь».

6. УРЕМЕЧ ЪТО (Отъ чемеру).

На мори на кияни на востраве Курганѣ стаить осина, веить потъ подница (?) чемеръ чемерица. шли три краснаи дивицы, на-

шли стараи рукавицы, то прошу у васъ у красныхъ дивицъ чернои рукавицы выгонять из лошади и в конѣ или в кобыле изъ такой шерсти подъ подницу, чемеръ чемирицу. расходись по чисты(мъ) полямъ, по зеленымъ лугамъ, по буйнымъ вѣтрамъ.

Потомъ лошади у ноздри укинуть чтобы она зачхала.

7. **УМОЛАЗ ЯІНАВРИ** (Ирванія залому).

Подойди на мѣста (и скажи:) Благослови, Господи. (Потомъ, читай:) Отче нашъ. 3жды. Прочти: Живый помочи[1] три раза, потомъ прочитай Сонъ Пресвятой Богородицы три раза, сорви ево (заломъ) левой нагой, наступи где онъ росъ пяткой, и левой рукой кинь чрезъ левоя пличе, потомъ прочитай три раза[2], возми ево домой, брось у печь. А покрепча нужно[3] — полошъ ножикъ на столъ на восходъ концемъ, на ножикъ — псалтирь, пото(мъ) проч(т)и 12ю каф(изму), 10ю каф., потомъ псаломъ: Богъ боговъ, (и) кинь (заломъ) у печь.

*

(Если) обида челов(ѣ)ко(мъ нанесена, то читай) 105 псаломъ.

8. **ЪМОЛАСП** (Псаломъ).

Выписанъ весь ХС псаломъ: «Живый в помочи Вышняго», и проч.

9. **ЙОННЕД ЪБУЗ ЪТО** (Отъ зубъ денной?).

На мори кияни на вострави Буяни лижить дубъ червъ мертвъ. просилъ-бала Лазаря. Лазарь мертвъ и ни говорить, зубы ни болять. Ни боли у раба твоего имракъ зубы жилнаи и прелнаи и кастиныя и галавныя и мазгавыя. Мати порадити всѣ нидуги отхадити. какъ заря утихаить, утихни у раба твоего имракъ зубы.

---

[1] Живый въ помощи Вышняго... (Пс. ХС).
[2] Здѣсь очевидно пропускъ.
[3] А чтобы еще дѣйствительнѣе было.

Лѣвь птица умалкаить, умолкни у раба твоего зубы ночная, полуночная, деная, полуденая. Отче нашъ Зжды.

10. УРОВАГАЗ ИВОРК (Крови загавору).

На морѣ кияни на востpави Буяни лижить бел̆ъ латый камень. на томъ бѣломъ камню сидить чернецъ, держить краснаю красату и степную жилу крававую рану. Едить Христосъ на калинавай мостъ, подъ нимъ конь карь. А ты кровъ ни кань. Ой ты, Исусъ, вѣрнися, крововая рана увоймися. Зжды.

11. ЪКИННОС (Сонникъ).

(Въ) месицѣ марте, во свѣтомъ градѣ Иерусалимѣ, на горѣ на Льванѣ, у церкви саборной спала Мать Прѣсвитая Богородицѣ. немного спало, но много ува сне видала сонъ страшенъ и ужасѣнъ: Павла у Маслѣ, Петра у Рыме, Христа у Ерусалиме у жидахъ, распятъ Христосъ на трехъ тревахъ: на кивке, на китре на свѣто. . . (далѣе оторвано).

12. ЯІНЕЧИЛЗИ ЫРЕЛАХ (Изличенія халеры).

Взять травы гурьяну с коринямъ, корянь можно сушить, а потомъ обливать и тамить у печки, можно пить три рюмки 3 раза (на день). трава гуръянъ растетъ по харошимъ лугамъ. цволъ 5ть четвертей, цветъ белакраснай, мелкай.

13. ЯІНЕЧИЛЗИ АТОВИЖ (Изличенія живота).

Взять травы пемпелия наръвать с коринямъ, сушить и настаивать корень, а траву можпа кипеченой водой абливать. пить три раза на день. пимпелій растетъ па харошимъ лугамъ, вышиною 7мъ вершко(въ), листъ широкай, какъ гусинаи лапы. ище можно пить травы кри. . . корень называетца рачки, можно (сушить), потомъ скаблить, с кипеченой водой пить, можна давать

цваловыхъ ка(ренье)въ или извезнава (sic) спирту пить. ище травы явара корень сушить, скаблить и пить. трава яваръ растетъ у самыхъ мокрыхъ мѣстахъ, у балотахъ.

14. **ЯІНЕЧИЛЗИ ЙОНИДАВ ИЛОБ** (Изличенія вадиной боли).

Взять альховаго листу, (отп)арить и укладать (боль), потомъ взять (тра)вы лапухъ листа и укладать боль. трава лапухъ растетъ у хорошихъ местахъ . . . навахъ листъ какъ чулнокъ длинай.

15. **ЯІТИБЗАР ИВОРК** (Разбитія крови).

Взять крапивы, наклась у пасудину, поставидь у печь потамить, потомъ выжимать, можно растираца у духу.

16. **ЯІНЕЧИЛЗИ ИЗЫРГ** (Изличенія грызи).

Взять бирезавыхъ шишакъ, у пасудину насыпать, налить вина, поставить у теплая места на шесь сутать. потомъ пить по рюмки три раза на день. или волчьихъ ягадъ есь наташакъ. Ягады краснаи, у нихъ глазъки чернаи, какъ канапелины (bis) есь можно.

17. **ЯІНЕЧИЛЗИ ИЖОР** (Изличенія рожи).

Взять теста дѣжнаго прикладать или отъ вѣху корень на тирку натиреть, можно прикладать, или сукна полоску натиреть лигушинай икрой (и) увертавать опухъ.

18. **ЯІНЕЧИЛЗИ УСОНАП** (Изличенія паносу).

Взять травы заичьи ухи, сушить, просеить, потомъ пить по чайной лошки три раза на день. тожа калганъ или раковы шейки или травы пимпелея можно пить.

19. **ЯІНЕЧИЛЗИ ИКТАР(ОХИЛ)** (Изличенія лихоратки).

Взять дерива крушины, наскоблить кожи, потомъ высушить, потолочь, на сита просеить. можно по чайной лошки с водой пить 2 раза на де(нь). тожа взять травы казлица, нарвать цвету, составить (съ) саломъ нисаленымъ, привизать на рукѣ дли ладони.

20. **ЯІНЕЧИЛЗИ ЪНАР УТАКС У** (Изличенія ранъ у скату).

Взять мидунишнику, ево цвету, насушить, виномъ рану примочить, цветомъ присыпать.

21. **(ЯІНАР)ИТС АМЛИБ** [Сти(ранія)? билма].

Взять рыбъихъ червей, выжмать дрянь, наклась у стиклянаю пасудину, пасыпать сахарамъ, поставить на 'динъ [одинъ (день)] у теплая места. настаица спиртъ, можно брызгать у гласъ.

22. **ЯІНЕЧИЛЗИ АГУРК** (Изличенія круга).

Взять пишой бумаги и здѣлать трубку, зажечь, поставить у стикляную пасуду, абвизать бумагой. найдетъ спиртъ у посудину. мож(но) маза(ть).

23. **ЯІНЕЧИЛЗИ ИДУРГ** (Изличенія груди).

Взять травы баранъчико(въ), наклась у пасудину, налить кипиченой водой, поставить у печь на адни сутки, потомъ можно пить наташакъ по рюмки, тожа масла диривянава пить наташакъ по 'дной лошки. или травы аднамесичной, цветъ синяй, балшой, сушить, настаивать. с водой можно пить. тожо сырыхъ тамит(ь) одне сутки: будетъ спиртъ. можно пить с водой наташакъ по 'дной лошки.

24. **ЯІНЕЧИЛЗИ ЫНИДИРИС** (Изличенія сиридины).

Взять авсяной муки и сдѣлать соку, процидить на сита, потомъ пить по рюмки наташакъ по три раза на де(нь).

25. **ЯІНЕЧИЛЗИ ИКТОСИЧ** (Изличенія чисотки).

Нарыть кареньявъ отъ лашидинава шавелю и здѣлать (съ) сырыми канаплями, гушай патварить или заквасить. потомъ можно мазаца у духу. или авчинымъ квасомъ растираца.

26. **ЯІНЕЧИЛЗИ ЫТОПИЛС** (Изличенія слипоты).

Взять травы цветъ двайной, бѣлой и желтой, наклась у пасудину, налить кипеченой водой, завесица платкомъ. будеть у глаза итить паръ. или пить рыбяй жиръ 2 раза на день по лошки. или чистымъ дѣхтямъ у глаза брызнуть.

27. **ЯІНЕЧИЛЗИ ЪСАЛГ** (Изличенія гласъ).

Взять муравлинава спирту, мазать вѣки. взять ачнова сахару, усыпать у пасудину, налить воды, потомъ вина на 2 ка(пейки?). смѣшать умести. можно бѣлой вѣтошкой примачивать.

28. **ЯІНИЖЫВ ИЛОБ** [Выжи(ва?)нія боли].

Взять купороснава масла, налить 15 капель, потомъ ецо одинъ белокъ, мешать покуда ецо сварица. мазать боль. потомъ личить одаленомъ. зажив(етъ?).

29. **ЯІНЕЧИЛЗИ ЫНИЧИРП** (Изличенія причины).

Взять травы дискору, наклась у пасудину, налить кипеченой водой, поставить у печь на одни сутки, потомъ пот порохъ на 12 сутакъ. пить по зарямъ, два раза на дѣнь, утрамъ и у вечири.

30. **ЯІНЕЧИЛЗИ ЯІНАХЫД** (Изличенія дыханія).

Взять свѣжива молока, налить у пасудину, накрашить свѣжива сала, паставить потомить у печь. можно пить. толко холоду нужно баяца.

31. **ЯІНЕЧИЛЗИ АГУДИН** (Изличенія нидуга).

Взять травы папертнику нарыть, кориню наклась у пасудину, налить вады, поставить на (зачеркнуто: адни) сутки, потомъ пить три раза на день, наташакъ, по рюмки.

(Далѣе идетъ нѣсколько записей карандашомъ, касающихся прихода и расхода денегъ, и наконецъ четыре слѣдующихъ средства):

32я. **ЯІНЕЧИЛЗИ ЪНАР УТОКС** (Изличенія ранъ скоту).

Взять каминаю пасудину, насыпать сырыхъ канапель, накрыть з диркяй скаврадо(й), поставить у землю, наверху клась агонь, под нисъ поставить пасудину. будетъ капать спиртъ. потомъ ету боль мочить можно.

33я. **ЯІНЕЧИЛЗИ ИДАШОЛ** (Изличенія лошади).

Ежели когда лошать затъ чешить, взять обыденава квасу. са(мо?)му ни пимши помыть задъ, потомъ поднять верхнию губу. будуть тамъ пришики, взять соли, стирать суконкай, покуда кровъ пойдетъ.

34. **ЬТИДОВАЗ ЪТОКС** (Заводить скотъ).

Илеже ъшедйірип
иавонан ъровд ьтарыв
ъковар идирис аровд
ьтапысыв юанилвар-
ум ючук ъковару
ьтитйабо ирт азар
ьтазакс икшуварум
ъкак иселу ясилив
ъкат анитакс енему
— — ясалив — —

Въ обыкновенномъ чтеніи эта тайнопись даетъ слѣдующее:

Ежели пирійдешъ || на новаи дворъ, вырать || равокъ сириди двора || высыпать (му)равлинаю || кучю у равокъ || обайтить три раза, || сказать: муравушки, || какъ у леси вилися, || такъ скатина у мене || вилася.

35. **ЯІНЕЧИЛЗИ ЫРЕЛАХ ЪВОРАК** (Изличенія халеры каровъ).

Взять корень одалену, нарезать, насушить, потомъ потоло(чь) и зделать какъ муку. можно посыпать по сену или давать с хлебомъ есь, или какъ нибуть пить.

Послѣдняя запись, сдѣланная чернилами:

ЬРЫТСАНОМ А(Н) ЪНЕЖЛОД (Долженъ на монастырь).

ъхенед (денехъ)	—13
ажот (тожа)	—11
ажот	1—50

«Ажот» и «ожот» повторяется еще нѣсколько разъ. Далѣе идутъ цифры, проставленныя карандашомъ. Знавшіе Егора Зайцова сообщили намъ, что покойный удѣлялъ-де на монастырь часть получавшейся имъ благодарности за пользованіе недуговъ.

III

Присловья, пригудки, игры, пѣсни, и проч.

Анаѳема! Будь (ты, онъ), трижды проклятъ! (брань одна изъ самыхъ сильныхъ).

Ангелу его (имярекъ) кланяемся — такъ встарину брянцы объясняли свой поклонъ при встрѣчѣ съ человѣкомъ даже незнакомымъ.

Ангелы играютъ съ младенцемъ — говорятъ когда у новорожденнаго появляются конвульсивныя движенія рта, похожія на улыбку.

Антикъ — выраженіе соотвѣтствующее слову: превосходно, отлично, и т. п. (есть поговорка: «Антикъ, Матрёшка, сто рублей застёжка», и примѣняется въ смыслѣ похвалы чему-либо забавному, шуточному, какой-нибудь веселой выходкѣ, выкинутому колѣну, и проч. — Ср. англійск. antic).

Ахъ, Имска́я (Ямская) улица: чѣмъ она укра́шена? Елками, сосонками, дѣвками-красотками (вѣтвь елки или сосны на крышѣ кабака, нѣкогда символическая вывѣска питейнаго дома, также какъ пукъ сѣна, привязанный у воротъ, означалъ постоялый дворъ, и т. п.).

Баба яга, костяная нога, ... жи́линая.

Безпартошнай камандéръ у вакошка ... (дразнятъ маленькихъ, ходящихъ безъ панталонъ).

Богъ дастъ день, Богъ дастъ и пищу (ср. «Не пецытеся убо на утрей», и проч. Мѳ. VI. 34).

Богъ дастъ — и въ окошко подастъ.

Богъ напиталъ, никто не видалъ.

Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ.

Богъ Святой знаетъ (говорится о полномъ невѣдѣніи или трудности объясненія чего-либо).

Богъ что ни дѣлаетъ — все къ лучшему.

Боюсь какъ лѣтошняго (прошлогодняго) снѣгу (т.-е. совсѣмъ не боюсь, не страшно). — Лѣтось употребляется и въ значеніи «нѣкогда».

Бровь чешется: правая — къ свиданію съ замужней, лѣвая — разговоръ съ дѣвицей.

Брюхо не зеркало (говорятъ разборчивому въ пищѣ, привереднику).

Бубенъ, бубенъ Николай,
Отдай свою дочку
За нашего князя.

Князь не печалься:
Твоя жена Марья
Породи́ла сына.
— «Какъ его имя?»
— Царя Константина. (Дѣтская пѣсенка).

Гаданья святочныя производятся брянскою молодежью различно, занимаются же этимъ почти исключительно дѣвицы. Такъ,

Ходятъ слушать подъ окна что говорятъ въ домѣ: если про богатство, то гадающій будетъ жить богато, и наоборотъ, рѣчь о бѣдности предвѣщаетъ скудость. Если бесѣда идетъ о замужествѣ, то выйдетъ-де замужъ или женится. Частое повтореніе утвердительнаго «да» — задуманное сбудется, нарѣчіе отрицательное означаетъ противное.

На новый годъ (собственно подъ первое января) выметаютъ всѣ комнаты, соръ берутъ въ фартухъ и идутъ такъ по улицѣ, затѣмъ у встрѣчнаго (или встрѣчной) спрашиваютъ имя, каковымъ, по повѣрью, будутъ звать жениха (или невѣсту).

Подъ Крещенье выносятъ на улицу дежу и ставятъ ее подальше отъ калитки, послѣ чего гадающія поочередно идутъ къ квашнѣ задомъ, и кто попадетъ въ нее и сядетъ, той выйти замужъ.

На другой день, 6 января, смотрятъ — распустились-ли почки на вишневой вѣткѣ, поставленной у себя въ воду 9 декабря (празднованіе Зачатія св. Анны и иконѣ Богоматери «Нечаянная Радость»).

Берутъ охапку (бере́мя) полѣньевъ и считаютъ ихъ парами: четное число означаетъ, что будетъ «пара» (выйдетъ замужъ).

Приносятъ куръ въ комнату и ставятъ на полу зеркало, сыпятъ крупъ, наливаютъ въ блюдечко воды и кладутъ на полъ кольцо, и назначаютъ себѣ каждая курицу. И вотъ чья курица «клювнетъ» въ кольцо — той дѣвицѣ непремѣнно выйти замужъ; чья курица смотритъ въ зеркало — той женихъ будетъ форсунъ (щеголь), чья будетъ много ѣсть крупъ — той женихъ обжора, чья будетъ пить — пьяница (Форси́ть и форсунъ дало еще выра-

женіе «форсовство»: «Мода, форсовство, стремленіе не отстать отъ «купца», очень тяжело отзывается на бюджетѣ нашего крестьянина, благодаря отхожимъ промысламъ усвоившаго далеко не деревенскія привычки и потребности». — Владимірскія Губ. Вѣдомости: 1902. 45).

Берутъ большое блюдо, кладутъ въ него кольцо и наливаютъ туда воды, затѣмъ накрываютъ блюдо и поютъ пѣсни, въ то же время водя рукою въ блюдѣ: на чей палецъ надѣнется кольцо — той выйти замужъ. Затѣмъ съ этимъ блюдомъ и ложкою идутъ на улицу, и подъ вереею каждая изъ гадающихъ поочередно выплескиваетъ ложкою воды изъ блюда, послѣ чего стучитъ ложкою по вереѣ, приговаривая: «узла́й, узла́й (взлай), кобелекъ, гдѣ мой суженый живетъ?» — и слушаютъ: гдѣ залаетъ собака, въ той сторонѣ замужемъ быть.

Въ полночь ходятъ къ церкви, и тутъ что кому послышится: или пѣніе изъ брачнаго ритуала, или пѣніе паннихидное.

Наливаютъ въ блюдце воды и кладутъ поперекъ девять лучинокъ, затѣмъ ставятъ это на ночь подъ изголовье кровати, на полу, загадывая, что кто суженый — тотъ-де переведетъ черезъ мостъ (приснится). Или кладутъ нѣсколько березовыхъ вѣточекъ также подъ изголовье, приговаривая: кто мой суженый, меня проведетъ черезъ рощу.

Надѣваютъ на одну ногу чулокъ, загадывая присемъ, что-де суженый сниметъ его.

Гребень кладутъ подъ подушку, съ мыслью, что женихъ расчешетъ волосы.

Кладутъ подъ подушку четыре карточныхъ короля: какой-де изъ нихъ приснится, такого цвѣта (?) будетъ и женихъ (вѣроятно подъ цвѣтомъ, собственно мастью игральныхъ картъ, надо понимать цвѣтъ волосъ субъекта, но какой именно — не сообщено, и опредѣленія въ данномъ случаѣ кажется не одинаковы).

Пишутъ на лоскуткахъ бумаги нѣсколько мужскихъ именъ и кладутъ эти клочки на ночь на икону, а наутро берутъ одну изъ

бумажекъ, и написанное тамъ имя есть-де, или будетъ имя суженаго, и проч.

Будь другъ — уходи дальше.

Будь я анаѳема трижды проклятъ, если.... (клятва; также говорится съ употребленіемъ мѣстоименій: ты и онъ, но тогда безъ условнаго «если»; см. выше).

Ваше благорóде —
Свинья на горóдѣ:
Прикажите согнать,
А другую взогнать. (Насмѣшка надъ чваннымъ).

Воробей случайно влетитъ въ комнату — къ покойнику, и лучшее средство избавиться отъ мнимаго горя — убить самую птичку.

Въ кабакѣ да въ банѣ одинаковы дворяне.

Всякому старцу по ставцу (ставецъ — приборъ для употребленія пищи).

Въ лѣвомъ ухѣ звенитъ — кто-нибудь говоритъ неправду про того человѣка; въ правомъ наоборотъ.

Въ одномъ карманѣ вошь на арканѣ, въ другомъ — блоха на цѣпи (говорится о человѣкѣ пропившемся или промотавшемся, нѣкогда состоятельномъ).

Въ своемъ домѣ и стѣны помогаютъ.

Вѣдьму бьютъ наóтмашь.

Голь хитра, голь мудра, голь на выдумки пошла.

Господинъ Скаврáдинъ,
Прозьбишша Ляпёшкинъ.
[Шуточное обращеніе къ малышу (скаврадá — сковорода)].

Грѣхъ ув арѣхъ, а вóтачку (водочку) ў ротикъ.

Далеко куцому (псу) до зайца (Daleko kucy od zająca. — Ж. М. Н. Просвѣщ. 1898, V).

Двухъ смертей не будетъ, одной не миновать (говорится при отвагѣ на что-либо, рискѣ, и т. п.).

Денегъ: пять денегъ, грошъ да пять копеекъ, денежка ста́ра — много-ль денегъ стало? (гривна, десять копеекъ ассигнаціонныхъ).

Добрый вечеръ!
Кормить нечѣмъ:
Была соба́чина,
Да и та потрачена (фамильярное привѣтствіе гостя).

Довольно сдѣлаться овцой, чтобы нашлись волки.

√ Дрема̀. — Про́воды дремы̀. На лѣтняго Козьму-Демьяна (1-го іюля), съиздавна въ Брянскѣ существуетъ обычай «провожать дрему̀», каковой состоитъ въ слѣдующемъ: Ночью, чуть не вполночь (не́вголосъ), въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ города, преимущественно на Судка́хъ, Ближнемъ и Дальнемъ, раздается гдѣ-нибудь на перекресткѣ крикливое женское пѣніе, сопровождаемое битьемъ въ заслонки, сковороды, и т. п. Поютъ же при этомъ обыкновенно одну, пріуроченную къ сему пѣсню, такъ сказать главную или обрядовую, хотя не исключаются и другія:

Сухота̀-ль моя, сухота̀,
Некорыстная жена,
Некорыстная жена,
Мужа высушила,
Изсушила, сокрушила
Живо сердце до конца,
Румянійце изъ лица.
Какъ заставила ходить
По чужой сторонѣ,
Приневолила любить
Чужемужнюю жену:
Чужемужняя жена —
Лебедушка бѣлая,
А моя шельма-жена —
Полынь-горькая трава,
Полынь-горькая трава
Во чистомъ полѣ расла.
Черезъ чистое поле
Перепелушка летитъ,

Она летитъ, летитъ, летитъ,
Перепырхиваетъ.
Какъ изъ терема въ терёмъ
Красна дѣвица бѣжитъ,
Она бѣжитъ, бѣжитъ, бѣжитъ,
Пусты рѣчи говоритъ:
Загорися мой терёмъ
Со широкимъ со дворомъ.
Сохрани, Боже, помилуй
Одинъ дѣдушкинъ овинъ.
Увъ овинѣ дворянинъ
Каравать сгородилъ,
Каравать сгородилъ,
Перчаточки позабылъ,
Еще скляницу вина.
Со того-ли съ овинà
Загорѣлась слобода:
О, что-жь это за пожаръ,
За пожарище (пажаришша) такой:
Онъ ни низокъ, ни высокъ —
Девяносто семь вѣнцовъ.

Варіантъ:

Сухота-ль моя, сухота,
Некорыстная жена,
Некорыстная жена,
Мужа высушила,
Изсушила, сокрушила,
И въ чахотку удалà.
Чужемужняя жена —
Лебёдушка бѣлая,
Но моя шельма-жена —
Полынь-горькая трава,
Полынь-горькая трава,
У чистóмъ полѣ расла. . .

Исполненіемъ этой пѣсни и заканчивается «провожаніе дремы», послѣ чего всѣ расходятся домой.

Не имѣетъ ли связи съ брянскимъ обычаемъ окликъ донынѣ соблюдаемый по осени въ Рыбинскомъ уѣздѣ, причемъ также главную роль

играетъ пожаръ овина. Въ Николо-Кормской волости сказаннаго уѣзда на праздникъ св. Дмитрія Селунскаго (26-го октября) крестьяне варятъ пиво, и дѣти въ возрастѣ отъ семи до пятнадцати лѣтъ обходятъ всѣ дома съ крикомъ: «овинъ горитъ — пивомъ заливать», собираютъ пиво и относятъ его въ отдѣльный домъ, гдѣ и начинается дѣтское пьянство, продолжающееся дня три (Русская Жизнь: 1892. 133. — Ср. Новости: 1904. 74 и 82).

Обычай, перешедшій къ дѣтямъ, есть несомнѣнно уже вырожденіе того, что нѣкогда существовало среди взрослыхъ. Или быть можетъ здѣсь случайное совпаденіе роли овина, значеніе же его разное, причемъ въ брянскомъ обычаѣ пожаръ самаго зданія опредѣляется въ девяносто семь вѣнцовъ, цифра тоже по всей вѣроятности заключающая въ себѣ что-либо сокровенное.

Дура — огонь дула, а умница подошла — себѣ губки обожгла.

Дуракъ красному радъ.

Душа съ Богомъ бесѣдуетъ (говорится когда кто икаетъ).

Единъ Богъ безъ грѣха.

Если домовой давитъ во снѣ (кошемаръ), то надо спросить: къ добру или къ худу? Если къ добру — ничего не скажетъ, а къ худу — пахнётъ на человѣка теплымъ дыханіемъ.

Есть батя — убилъ бы его, нѣтъ бати — купилъ бы его.

Жёвъ (жовъ) да плёвъ — говорится о ракахъ, что несытная-де пища.

Жена не лапоть — съ ноги не сбросишь (жанитьба (?) не лапыть: зъ ноги ня скинишъ — такъ передана эта пословица въ Смоленскомъ Сборникѣ: III, 8).

За волосное правленіе да въ нижній земскій судъ (оттаскать за волосы пригибая къ землѣ).

Заживетъ до свадьбы (утѣшеніе дѣтямъ при полученіи боли вслѣдствіе какой-либо шалости или при игрѣ, отъ неосторожнаго обращенія съ чѣмъ либо, и проч.).

За неправду заставятъ на томъ свѣтѣ горячую сковороду лизать.

Запилъ, загулялъ молодой прикащикъ, опустилъ онъ свои руки у хозяйскій ящикъ.

Зарѣцкая слобода, чѣмъ она украшена? Дубами, колодами, ребятами уродами.

Звонъ въ Брянскѣ слышенъ изъ Бѣлыхъ Береговъ — къ холоду (восточный вѣтеръ). — Звонъ слышенъ изъ Свѣнска (Свѣнскаго монастыря) — перемѣна погоды къ дождю, къ оттепели (южный вѣтеръ).

Здравствуй у красномъ, ходи ў голубомъ (шуточное привѣтствіе женщинъ).

Игры брянскія, наиболѣе употребительныя въ обиходѣ мѣстной дѣтворы, хотя, по словамъ мальчика, доставившаго намъ описаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ — это «игры всѣобщіи». Здѣсь также найдется нѣсколько своеобразныхъ выраженій.

Ба́бки. — Игра раздѣляется на нѣсколько видовъ: безъ подходу, конъ, конъ-за́-конъ, пло́цка, лежачая пло́цка, подки́духи на четверть, присмо́лъ, пристѣ́нъ, стано́къ, юрки̍; черта, проводимая на землѣ для означенія разстоянія, съ котораго надо бить, называется ни́ка.

Волося́нка — одна изъ игоръ у мальчиковъ. Играющіе садятся въ кружокъ плотно другъ къ другу и всѣ поютъ:

Станемъ-ли мы, братцы,
Волосяночку тянуть,
А кто не дотянетъ,
Того самого —

Послѣдній звукъ о тянется всѣми, не переводя дыханія, и кто первый остановится, тому достается по уговору.

Горѣлки: передъ тѣмъ какъ бѣжать — припѣваютъ:

Гори̍-гори̍, пень,
Дай конопе́ль,
Съ лучкомъ, съ мачкомъ,
Съ козьимъ бобо́чкомъ.
Глянь на небо —
Галки летятъ.

Или:

Горй-горй га́рко,
Пріѣхалъ Захарка,
Самъ на кобылкѣ,
Жена на коровкѣ,
Дѣти на теляткахъ,
Слуги на собачкахъ.

Гуси. Всѣ участвующіе составляютъ стадо гусей или вообще домашней птицы, причемъ избирается мать и волкъ. Начинается игра съ выгона стада въ поле:

Гынь-гынь — у по́ле...

Всѣ побѣгутъ отъ матери. Потомъ она зоветъ дѣтей:

— Гуси-лебеди, домой!

На это получается въ отвѣтъ:

— «Волкъ подъ горой».

Мать:

— Что онъ дѣлаетъ?
— «Вутку шшы́пить!» (щиплетъ)
— Какую?
— «Сѣрую да бѣлую!»
— Летите, не бойтесь...

И вотъ, когда всѣ побѣгутъ къ матери, волкъ, стоящій сбоку пути — старается поймать (перенять) кого-либо. Такъ продолжается до поимки всего стада, послѣ чего мать начинаетъ искать своихъ дѣтей. Для этого она подходитъ къ каждому изъ гусей и слегка беретъ его за ушко: если гусь пикнетъ, то ея, материнъ, если крикнетъ: «кукаре́ку», то во́лковъ, причемъ по степени пи́ска и произношеніи «кукаре́ку», раздается болѣе или менѣе веселый смѣхъ. Послѣ сего топятъ баню и моютъ волка, состоитъ же это въ томъ, что волка повалятъ на́-земь и начнутъ его дергать: раздается смѣхъ, поднимается возня, шумъ, и проч. Случается, что въ этой игрѣ наряду съ дѣтьми принимаютъ участіе и взрослые.

Дѣтки-голубятки.

Жгуты.

Змѣй (см. въ текстѣ подъ словомъ телеграмма).

Ка́мушки (ка́мешки), лучшіе изъ нихъ слывутъ подъ именемъ «фоща́нскихъ». Игра исключительно дѣвочекъ. Всѣхъ камешковъ пять. Состоитъ же игра въ подбрасываніи одного изъ нихъ кверху и схватываніи съ земли остальныхъ. Расположеніе камешковъ въ Супоневѣ носитъ такія названія: большой и малый колодезь, озеро, рѣка, са́жалка, крестъ и ро́зсыпь. Передъ началомъ игры произносится слѣдующая фраза: «Чуръ мнѣ зачинать-заколачивать, на первой кучкѣ сронить — никому не отдавать». Въ Брянскѣ раскладка камешковъ носитъ названія иныя: выпуски, ручка, воловьи глаза, воловій хвостъ, кома́рики, берёза, высокій дубъ, низкій дубъ; въ заключеніе продѣлывается конъ. Неловкое исполненіе какой либо фигуры называется «заро́нъ», который отыгрывается извѣстнымъ способомъ.

Классы или Городо́къ. — Игра относительно недавняя, по крайней мѣрѣ лѣтъ сорокъ-пятьдесятъ назадъ въ Брянскѣ ея не было. Заключается она въ слѣдующемъ:

Собирается нѣсколько мальчиковъ, и одинъ изъ нихъ чертитъ на землѣ чѣмъ-либо твердымъ: палкой, щепкой, и т. п. — такую фигуру

Названіе классовъ помѣщено въ чертежѣ. Въ игрѣ можетъ участвовать нѣсколько человѣкъ, причемъ каждый, становясь одной ногой на внѣшней чертѣ перваго класса, гдѣ положенъ небольшой камешекъ, сначала долженъ выбить его ногой наружу, а потомъ, все прыгая на одной и той же ногѣ — этою послѣднею загнать камешекъ черезъ первый классъ во второй, откуда выбивъ камень наружу — загнать его черезъ первые два класса въ третій, потомъ такимъ же порядкомъ загнать его въ сердце, въ лѣвое крыло, въ правое, въ воздухъ, до послѣдняго отдѣленія. Продѣлавшій это скаканіе почитается выигравшимъ, а не выбившій камешка какъ слѣдуетъ, отъ усталости поддержавшись немного другою ногою — долженъ на одной ногѣ обскакать вокругъ всего города, по чертѣ, десять разъ или смотря по уговору.

Между цыганскими играми, описанными фонъ-Влислоцкимъ въ его сочиненіи: «Vom wandernden Zigeunervolke, приведена одна, имѣющая съ брянскою совершенно тождественный характеръ, такъ называемая *teglá*, одна изъ самыхъ старинныхъ и наиболѣе любимыхъ игоръ у дѣтей цыганъ, пребывающихъ въ Семиградіи и научившихъ тамъ сему развлеченію дѣтей мѣстныхъ жителей (Гамбургъ. 1900, стр. 136—137). — См. Bilder aus dem Leben der Siebenbürger Zigeuner. — Почти въ такомъ же родѣ есть игра у англичанъ, гдѣ она называется Hop-scotch. См. Every boy's book: a complete encyclopedia of sports and amusements, etc. 1856. — Рисунокъ такой игры можно видѣть въ книгѣ Э. Кольрауша и І. Вагнера: Подвижныя игры. Спб., 1903, стр. 65).

Клёцъ (Klotz). Игра не интересная.

Колесо. Забава, состоящая въ томъ, что участвующія въ ней дѣвочки кружатся, припѣвая:

Крути, крути, колесо,
Чїё пиво хорошо,
Дайте напиться,
Съ ногъ повалиться.

Потомъ кладутъ руки всѣ вмѣстѣ, и одна изъ играющихъ считаетъ ихъ, приговаривая:

Челéньчики, мелéньчики,
Перводáнъ, драгадáнъ,

На коробѣ барабанъ,
Свистéль, коростéль,
Бая́колка, соколóкъ,
Чи́жика десятокъ,
Пя́дунъ, ла́дунъ,
Шу́ктунъ, лу́ктунъ,
Ди́верикъ, ди́кусъ,
Ди́кинь выкинь,
Родивонъ, поди вонъ.

При послѣднемъ словѣ, та, на чьей рукѣ оно остановится — выходитъ. Такъ продолжается, пока останется двое-трое, послѣ чего затѣвается какая нибудь новая игра (о пригудкахъ когда конятся, см. ниже, подъ словомъ «лапта»).

Иная забава подъ именемъ колеса устраивается мальчиками-подростками зимою на Деснѣ, для катанья на салазкахъ, которыя прикрѣпляются къ концу длинной жерди, привязанной къ колесу, надѣтому на колъ, глубоко всаженный въ ледъ и въ немъ примороженный. Своего рода карусель, приводимая въ движеніе всѣмъ составомъ участниковъ въ игрѣ.

Колоколà (калкалà). Всѣ участвующіе становятся какъ въ хороводѣ, образуя кругъ (колоколъ), наиболѣе-же сильный изъ нихъ избирается или самъ предлагаетъ себя въ качествѣ «языка», и находится въ центрѣ круга. Неожиданнымъ ударомъ въ ту или другую сторону, языкъ долженъ выбить кого нибудь, разорвать цѣпь стоящихъ по окружности.

Кострома̀. — Садятся дѣвочки на́-земь, образуя кругъ, въ центрѣ котораго находится одна изъ участвующихъ, играющая роль «Костромы», а по окружности, совнѣ, ходитъ дѣвочка и приговариваетъ:

Костро́мушка, Кострома̀,
Не болитъ-ли голова,
Не сходитъ-ли за попомъ,
За егорьевскимъ попомъ,
Не привесть-ли попа
Изъ-подъ печкина клопа.

Послѣ чего спрашиваетъ:

— Костромушка дома?

Сидящая въ серединѣ круга отвѣчаетъ:

— Дома.

— Что она дѣлаетъ?

— Чай пьетъ.

Опять начинается хожденіе дѣвочки вокругъ, съ тѣмъ же приговоромъ, и затѣмъ вопросъ: дома-ли Кострома, на что въ отвѣтъ получается, что дома, но теперь она «чулки вяжетъ». Въ третій разъ дается отвѣтъ, что «Кострома померла». Поднимается крикъ и визгъ, чѣмъ игра и кончается.

По другому сообщенію, игра совершается нѣсколько иначе. На землю садится двое дѣвочекъ, всѣ остальныя ходятъ вокругъ нихъ приговаривая нараспѣвъ:

Костромушка, Кострома,
Отчего ты померла?
— «Съ голоду,
Съ холоду,
Отъ дѣвичей красотѣ,
Отъ ребячей сухотѣ».
Какъ у нашей Костромѣ
Двѣ коровки съ молочкомъ
И телушечка съ бычкомъ,
Табатерка съ табачкомъ.

Затѣмъ спрашиваютъ у сидящихъ:

— Дома Кострома?

Въ отвѣтъ получается:

— Дома.

Что она дѣлаетъ?

— Спитъ.

Начинается опять хожденіе вокругъ сидящихъ съ тѣмъ же припѣвомъ, и на вопросъ: дома-ли Кострома и что она дѣлаетъ, получается отвѣтъ: встаетъ, затѣмъ — умывается, одѣвается, умираетъ, свѣчку подали, и наконецъ слышится послѣднее —

умерла, причемъ одна изъ сидящихъ, играющая роль Костромы—повалится. Тотчасъ-же всѣ бросаются къ ней, поднимаютъ Кострому и несутъ куда нибудь хоронить. По пути къ мѣсту погребенія — Кострому роняютъ. Послѣдній актъ этотъ сопровождается веселымъ смѣхомъ, чѣмъ и завершается игра.

Третій вapiантъ. Одинъ изъ участниковъ садится на землю, всѣ остальныя дѣти образуютъ около него кругъ, и ходя приговариваютъ:

Ахъ, свѣтъ наша та-та Кострома!
Какъ у нашей у Костромушки блинки,
А кисель-то все давешній.
Костромушка, Кострома,
(Иногда добавляется: Кургузая сатана),
Не болитъ-ли голова?
Не послать-ли за попомъ,
За еврейскимъ отцомъ (вар.: клопомъ)
(Вар. всего стиха: За егорьевскимъ клопомъ)?

Затѣмъ спрашиваютъ у сидящаго:

— Дома Кострома?

Въ отвѣтъ получается:

— Въ баню пошла.

Опять начинается хожденіе вокругъ сидящаго и повторяется тотъ же припѣвъ, послѣ чего спрашиваютъ:

— Дома-ли Кострома?

— Изъ бани пришла.

На послѣдующіе вопросы отвѣчаютъ: палецъ порѣзала, въ больницу пошла, изъ больницы пришла, на постели лежитъ, умерла, обмываютъ, одѣваютъ, въ гробъ кладутъ, хоронить несутъ, вслѣдъ затѣмъ Кострому поднимаютъ. Далѣе продѣлывается то же, что и въ предшествующемъ описаніи, съ тою лишь разницею, что забава на этомъ не кончается, а Кострома послѣ сбрасыванія ея — оживаетъ и старается поймать кого либо изъ играющихъ, который долженъ замѣнить ее, и т. д.

Кошка и мышка (игра извѣстная).

Кра́сочки. — Дѣти садятся рядомъ, и кто либо изъ нихъ по выбору, такъ сказать за старшаго, даетъ каждому названіе какого-либо цвѣтка. Двое изъ участвующихъ въ игрѣ стоятъ отдѣльно и носятъ названіе: одинъ — ангела, другой — бѣса. Садятся чинно. И вотъ сначала подходитъ ангелъ и произноситъ:

Динь-динь-динь...

Дававшая играющимъ названіе цвѣтковъ, откликается:

— Кто тамъ?

— Ангелъ.

— Зачѣмъ?

— За цвѣтомъ.

— За какимъ?

Получается въ отвѣтъ, примѣрно: «за астрой», и тогда, если есть такой цвѣтокъ, носящій его названіе идетъ къ ангелу.

Потомъ подходитъ бѣсъ и произноситъ:

Стукъ-стукъ-стукъ...

На что, какъ и прежде, слѣдуетъ вопросъ:

— Кто тамъ?

— Бѣсъ.

— Зачѣмъ?

— За цвѣтомъ.

— За какимъ?

Говорится названіе цвѣтка, и если есть такой — называющійся имъ идетъ къ бѣсу. Такъ продолжается пока не разберутъ всѣхъ. Тогда ангелъ начинаетъ исповѣдовать каждаго, причемъ никто не долженъ смѣяться, хотя именно въ этомъ и заключается игра, дабы устоять противъ искушеній, каковыя въ это время продѣлываются со стороны партіи бѣса.

Кулю́чки — тоже что пря́талки (пря́тки).

Куши́нчики. Въ этой игрѣ избираются котъ, дочка и мать, остальныхъ участвующихъ «матка наговариваетъ каво какъ: тво́рогъ, масло»...

Лапта̀, она же и мячъ, мя́чикъ. Участвующіе раздѣляются на двѣ партіи: городъ и поле, и въ каждой есть свои ма́тя и

сынча, кромѣ того избирается еще козёлъ (см. въ текстѣ, подъ словомъ: пожаръ, стр. 70).

Въ названной игрѣ обыкновенно такъ конятся (кони́ться въ игрѣ — гадать кому чѣмъ быть): кто-либо изъ участвующихъ подбросивъ кверху лапту, схватываетъ ее налету гдѣ придется, рядомъ съ его рукою берется другой, затѣмъ выше — третій, и т. д. Держащій лапту въ самомъ верху, но такъ, что въ этомъ состояніи онъ можетъ перебросить ее черезъ себя — будетъ ма́тя, второй за нимъ — сы́нча, и проч. Бросаніе лапты въ воздухъ передъ игрой, и въ случаѣ спора, для удостовѣренія, что верхній держитъ лапту крѣпко, перебрасываніе ея черезъ себя — пріемъ одинъ изъ древнѣйшихъ [ῥαβδομαντεία: см. въ Библіотекѣ твореній свв. оо., etc. Кіевъ. 1894. Толкованія блаженнаго Іеронима Стридонскаго на книгу пророка Осіи: IV. 12 (т. XXI, 12, стр. 200)].

Иныя формы кониться существуютъ при играхъ дѣвочекъ. Садятся или становятся въ кружокъ, и кто-либо изъ нихъ, указывая по порядку каждую изъ участвующихъ, въ томъ числѣ и себя, произноситъ медленно, какъ бы нараспѣвъ:

Перве́нчики,
Друже́нчики,
Наёмные царевичи,
Перстень,
Грустень,
Мой конь вороной.
Пѣли,
Горѣли,
За море летѣли,
Шипа́ночка,
Рога́ночка,
Родивонъ,
Поди вонъ.

При послѣднемъ словѣ, та, на которую падетъ указаніе, выходитъ изъ круга, или же она есть первая въ игрѣ, начинающая, и т. п., что зависитъ отъ уговора.

Или конятся приговаривая слѣдующее:

Перводáнъ,
Драгадáнъ,
На кóробѣ барабанъ,

Свистель-коро(кара)стель,
Буяколка соколóкъ.
Шишелъ,
Вышелъ,
Родивонъ,
Поди вонъ.

Варіантъ этого:

Челéньчики, мелéньчики (малéнь....),
Перводáнъ, драгодáнъ,
Свистель-коростель,
Бубенъ, бубенъ, маковъ крестъ (цвѣтъ),
Шишелъ,
Вышелъ,
Родивонъ,
Поди вонъ.

Въ позднѣйшее время явился еще такой сумбуръ, при которомъ конятся:

Разъ, два, три, четыре,
Наши грамотѣ учились,
Ни читать, ни писать,
Только по полю плясать.
Наша маменька идетъ,
Чаю-кофею несетъ,
Сахарный миндалёкъ.
Родивонъ, поди вонъ.

По безсмыслію, эта приговорка можетъ развѣ поспорить съ одною появившеюся въ Брянскѣ также недавно:

Оны-бóны ре,
Интеръ квинтеръ жесъ,
Оны-бóны рáба,
Интеръ квинтеръ жáба.

Лукъ-чеснокъ, игра съ такими разновидностями: городóкъ, лукъ, чеснокъ, капуста, солдаты, пушка, утка и колодезь. Всѣ фигуры эти устраиваются изъ небольшого количества маленькихъ деревяшекъ, сбиваемыхъ палкою вродѣ шаровни.

Мячъ — см. лапта.

Ножичекъ. — Для сего берутъ перочинный ножъ, открываютъ лезвіе, и поставивъ его остріемъ на конецъ мизинца, причемъ ножъ слегка придерживается остальными пальцами—сбрасываютъ на землю: ножь долженъ воткнуться, въ противномъ случаѣ онъ переходитъ къ очередному круга играющихъ. Второй ударъ слѣдуетъ такимъ же образомъ съ пальца безыменнаго, потомъ со средняго, съ указательнаго и наконецъ съ большого: тутъ рука уже повертывается ладонью книзу. Послѣ этихъ пяти фигуръ идетъ: кулакъ, бочка, большія вилы, малыя вилы, кошечка, котикъ, комедійка, трепáчикъ, зазýбрикъ, кóсики, вискѝ, семнадцатая фигура и послѣдняя — козѣ поклонъ.

Во всѣхъ фигурахъ положеніе ножа различное, и требуется особенная ловкость, чтобы при сбрасываніи онъ воткнулся въ землю. Конецъ игры составляетъ угадываніе — въ какомъ положеніи находится ножъ сзади продѣлавшаго перечисленныя фигуры, въ лежачемъ или въ стоячемъ. Отгадавшій почитается вышедшимъ, т.-е. выигравшимъ. Выходятъ обыкновенно всѣ кромѣ одного, которому предлагаютъ на выборъ: какой зубъ хочетъ онъ: мышиный или кони́ный (конскій)? Въ этихъ зубахъ и заключается вся потѣха игры. Зубъ мышиный — маленькій деревянный клинушекъ, почти вплотную забиваемый въ землю: проигравшій долженъ достать его оттуда своими зубами (что дается нелегко) и затѣмъ бѣжать съ этимъ мышинымъ зубомъ, причемъ во время бѣга зубъ теряется. Начинаются самые веселые поиски, а такъ какъ найти въ густой травѣ едва замѣтный кусокъ прутика довольно трудно, то на этомъ искусъ и прекращается: довольствуются лишь хохотомъ при взглядѣ на испачканное лицо игрока. Кони́ный зубъ гораздо больше, вынуть его изъ земли несравненно легче, но за то потерять его труднѣе, и того, кто найдетъ таковой — проигравшій долженъ возить на себѣ на четвереньках, также разумѣется при общемъ смѣхѣ.

Послѣдняя фигура въ этой игрѣ, какъ читатель быть можетъ замѣтилъ, называется «козѣ поклонъ», что совершается истово, и дѣлается это конечно ради того, чтобы ножъ, свободно лежащій на головѣ играю-

щаго, при сбрасываніи воткнулся въ землю. Но почему именно оставлено это въ концѣ игры и что значила бы здѣсь коза, почтеніе ей — трудно объяснить. Есть выраженіе: «брянская коза» — синонимъ бойкаго, живого. Или: «какъ брянская коза смотритъ» (Буслаевъ: Пословицы, стр. 104). Но существуетъ еще мѣстная легенда, по которой коза нѣкогда сыграла въ Брянскѣ роль римскихъ гусей. Однажды нападали-де на городъ татары, а было это нéвголосъ, всѣ спали. Какимъ-то образомъ коза, вѣроятно еще съ вечера взобравшись на колокольню, запуталась тамъ рогами въ веревки-приводы отъ колоколовъ, и въ такомъ положеніи барахтаясь произвела звонъ, нѣчто вродѣ набата. Жители проснулись, и нападеніе врага было-де отбито. Насколько въ этомъ исторической правды и имѣетъ ли какую связь существующее преданіе съ послѣднею фигурой игры — рѣшить невозможно.

Повидимому, игра ножемъ была у насъ довольно распространена и въ древней Руси пользовалась широкимъ правомъ гражданства, на что указываетъ эпизодъ изъ жизни царевича Димитрія, собственно моментъ его кончины: «. . . царевичъ Димитрій небреженіемъ дяди его и пѣстуновъ, иже не досмотрѣша царевича въ дѣтстемъ играни: паде на ножъ, и закласся, и умре» (Житіе въ изданіи Императорскаго Общества любителей древней письменности: XXXVI).

Въ какомъ видѣ производится эта игра въ Ярославской губерніи — намъ неизвѣстно.

Пря́талки (прятки).

Пыжъ: деревянный шаръ, положенный на невысокій, вбитый въ землю колъ, участвующими въ игрѣ сбивается шаровня́ми, небольшими кольями (ко́ликами) съ затесанной ручкой.

Рѣдька. Участвующіе садятся гуськомъ, держась другъ за друга обѣими руками, а кто-либо одинъ изъ нихъ ходитъ и проситъ рѣдьки, приговаривая:

Хожу-хожу къ бабушкѣ,
Прошу-прошу рѣдечки,
Рѣдька червива,
Бабка соплива.
Бабушка, дай рѣдечки!

На это изъ среды сидящихъ слышится вопросъ:

— А ту гдѣ дѣлъ?

Ходящій отвѣчаетъ:

Шелъ черезъ мостъ,
Чортъ дернулъ за хвостъ
И рѣдька провалилась подъ мостъ.

Сидящіе говорятъ:

— Ну, иди, выдерни одну!

Начинается выдергиваніе кого-либо изъ сидящихъ, причемъ раздается хохотъ, шутки, и проч., пока не выдернутъ какого-нибудь слабо держащагося, и т. д.

Свайка. Удары разные, между прочимъ есть копе́ица. Проигравшій таскаетъ рѣпу, свайку, нарочно забиваемую съ силою глубоко въ землю (ср. угрозу: «ты у меня бабушку-рѣпку запоешь»).

Царскія ворота̀.

Чехарда̀, или какъ озаглавилъ мальчикъ свое описаніе сего развлеченія: «Игры въ шёгорды».

Шо́ровни — подобна игрѣ въ лапту, но мячъ замѣняется деревяннымъ шаромъ, а лапта шаровнёй (шаровня̀ ед., шо́ровни множ.).

Ярки-я́мочки. Результатъ игры — «са́лить», бить мячемъ неловкаго или зѣваку; промахъ называется «жо́нкой» (женкой).

Я сижу-горю-пыла́ю
На калиновомъ мосту,
Люблю молодца, страдаю,
Всегда думаю о немъ.
А кто меня любитъ,
Тотъ выкупитъ сей-часъ.

(Припѣвъ къ игрѣ, состоящей въ томъ, что кто-нибудь изъ участвующихъ садится посерединѣ, и при послѣднемъ словѣ приведеннаго стишка сидящій смѣняется кѣмъ-либо изъ окружающихъ).

Какъ подъ кустикомъ олень,
Не озябъ-ли олень,
Не одѣть-ли его?

Съ молодички платокъ,
Съ красной дѣвицы вѣнокъ,
Съ добра молодца кафтанъ,
Со старушки сарафанъ.

(Пѣсня, соединяемая съ игрой, дѣйствіе которой, къ сожалѣнію, не сообщено).

Извести ворога — поставить передъ образомъ свѣчу внизъ головкой. То же дѣлается при желаніи отомстить обидчику, вору, и проч.

Извѣстно одному Богу (равнозначуще — «неизвѣстно»).

Изъ задняго ведра (при ношеніи воды въ ведрахъ на коромыслѣ) не пей, а то невѣста будетъ ря́бая.

И крѣпка (хороша) тюрьма, да кто ей радъ?

Какой завтра (или сегодня) праздникъ? — Апостола Луки: цѣлованіе моей руки (причемъ рука подносится къ губамъ спрашивающаго, и тотъ невольно прикасается къ ней. — Школьн.).

Какъ на брянскомъ на базарѣ продаютъ ребятъ возами (а женскій-де полъ непродаженъ).

Кале́чина ... — Ставятъ вертикально длинную палку на указательный палецъ, и стараясь удержать ее въ такомъ положеніи, приговариваютъ:

Кале́чина, мале́чина,
Сколько часовъ до вечера?

на что самъ держащій палку тотчасъ же отвѣчаетъ: Одинъ, два, три, четыре ... Нѣсколько первыхъ мгновеній палка стоитъ хорошо, потомъ начинаетъ колебаться и наконецъ падаетъ, и на какомъ часѣ она упадетъ — столько слѣдовательно остается «до вечера», подъ чѣмъ разумѣется возвращеніе въ хату, гдѣ ожидаетъ вече́ря (у́жинъ) и затѣмъ постель.

Качать (болтать) ногами, сидя за столомъ — грѣхъ, это значитъ чорта тѣшить.

Кашка масляная,
Ложка крашеная,
Масло льётся,
Кашка мнётся,
Душка радуется (Дѣтская пригудка).

Когда на первый день Пасхи послѣ возгласа священника: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его» пѣвчіе запоютъ: «Христосъ воскресе» — стóитъ приложить ухо къ землѣ (къ мосту), и человѣкъ услышитъ-де страшный гулъ: то падаютъ вереи вѣчныя, сокрушается адова сила.

Съ этимъ связывается одно легендарное повѣствованіе, ходящее въ народѣ, и хотя оно не относится прямо къ Брянску, приводимъ его какъ сказаніе любопытное. «На мѣстѣ одной изъ башенъ въ городѣ Каменцѣ (Подольской губерніи), находящейся на лѣвой сторонѣ р. Смотрича, была нѣкогда церковь; послѣдній изъ бывшихъ въ ней священниковъ кончилъ жизнь самоубійствомъ, и съ тѣхъ поръ ежегодно наканунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенія слышатся подъ этими развалинами звуки колоколовъ и пѣніе жалобнымъ голосомъ ирмоса: «Вскую мя отринулъ еси отъ лица Твоего, Свѣте незаходимый, и покрыла мя (есть) чуждая тьма окаяннаго»; однакоже окончанія этой пѣсни: «(но) обрати мя (и) къ свѣту заповѣдей Твоихъ стопы моя направи, молюся» — никто еще не слыхалъ» (Подольскія Губ. Вѣд.: 1900. 39.— См. Ирмологій: Гласъ VIII, пѣснь 5).

Когда снѣгъ въ Брянскѣ сойдетъ (стаетъ) на Покровской горѣ возлѣ церкви, съ сѣверной стороны, тогда и Десна тронется.

Колóдка. — Въ числѣ обычаевъ, существующихъ среди брянскихъ горожанъ, есть одинъ масляничный, подъ названіемъ «колодки», надѣваемой холостымъ. Для этой цѣли кто-либо изъ женщинъ или дѣвицъ беретъ кусокъ дерева, а то и просто обыкновенное полѣно, долженствующее играть роль колодки (нѣкогда квалификація тюремнаго заключенія), и приходитъ съ нимъ къ знакомымъ, гдѣ есть неженатые. Послѣ укоровъ — почему-де не сочетался, и проч., пришедшая съ полѣномъ заявляетъ, что въ видѣ наказанія за «пропускъ мясоѣда», т.-е. что имярекъ не женился — надо надѣть на него колодку. Укоряемый, такъ сказать виновный въ сказанномъ проступкѣ, не желая подвергаться по-

зору ношенія колодки, откупается, даетъ какую-либо мелочь, предлагаетъ угощеніе, и т. п., чѣмъ шутка и кончается. Вмѣсто полѣньевъ теперь ходятъ уже съ цвѣткомъ или какимъ-нибудь вычурно-сдѣланнымъ бантомъ, каковые прикалываютъ неженатымъ, за что слѣдуетъ отдаривать. Лицо, сообщившее о семъ обычаѣ, затруднилось объяснить, откуда онъ ведетъ свое начало, что собственно онъ значитъ и какой внутренній смыслъ его. Надо полагать, что встарину интермедію эту продѣлывали вѣдомыя свахи, присвоившія себѣ такое право наказанія холостыхъ всилу своей профессіи, а затѣмъ шутка стала служить уже предлогомъ получить что-либо просто на лакомство, или, быть можетъ, шутка эта построена на синонимѣ, въ которомъ таится народное воззрѣніе на холостяка, какъ на лишеннаго семьи, несчастнаго (колодника)?

Наряду съ обычаемъ навязыванія холостымъ колодки, приводимъ спеціально-масляничную пѣсню, которую поютъ въ Брянскѣ только во время этой недѣли:

Масляница-кривошейка,
Покатай насъ хорошенько.
Ай люли, хорошенько.
Масляница-кургузка,
Послѣ тебя будетъ груско.
Ай люли, груско.
Выйду я на горку,
Гляну я подъ зорьку.
Ай люли...
Кликну я соловейку:
Соловейко-ро́дный братецъ,
Чего ты ко мнѣ не летаешь,
Меня молодую не втѣшаешь?
— Сестрица моя, кинареечка:
Я прилечу — а ты плачешь,
Я улечу — ты горюешь,
Я ў лу́зи — а ты ў ту́зи,
Я у лозы — а ты ў слёзы,
Я у горы — а ты ў горе...

Мелодія пѣсни не изъ веселыхъ и соотвѣтствуетъ тексту. Въ стихѣ: «Я ў лузи — а ты ў тўзи» сохранилось архаическое «туга».

Который часъ? — Послѣ давешняго (прошедшаго наступилъ) первый (шуточный отвѣтъ, вм. «не знаю»).

Краюшки (горбушки) хлѣбныя ѣдятъ беременныя — чтобы сына Богъ далъ.

Крестины кукушки. — Въ нѣкоторыхъ уголкахъ Брянской округи до сихъ поръ ведется обычай крещенія кукушекъ на Николинъ день (9 мая). Для этого обряда собираются дѣти, преимущественно дѣвочки, и гурьбою отправляются въ лѣсъ, въ рощу или садъ, гдѣ прежде всего занимаются поисками кукушки и кóкуна (Gymnadenia conopsea?). Отыскавъ травку (обѣ онѣ должны находиться неподалеку отъ березы), кукушку одѣваютъ дѣвочкой, а кóкуна (или кóкоря, отъ произношенія «кокушка») мальчикомъ, разумѣется все это дѣлается приблизительно, изъ маленькихъ лоскутковъ; иногда пеленаютъ эти травки отличая ихъ только головнымъ уборомъ: на кóкоря наприм. надѣваютъ шапочку или картузикъ, на дѣвочку — нѣчто въ родѣ чепчика или платочка. Затѣмъ обѣ наряженныя травки (собственно листочки) кладутъ подъ березу, на сукъ которой вѣшаютъ крестъ-тѣльникъ, и подъ этимъ-то крестомъ дѣвочки ставъ другъ противъ друга — кумятся, для чего протягиваютъ одна другой руку, и поцѣловавшись — перемѣняютъ мѣсто. Такое цѣлованіе совершается три раза. Послѣ сего раскладываютъ костеръ и готовятъ яичницу, тутъ же ѣдятъ и драчену, принесенную съ собою изъ дому: эти два вида яствъ непремѣнное и существенное условіе крестинъ кукушекъ. На заѣдки предлагаютъ разныя лакомства (гостинцы), что у кого случится. Во время крестинъ, вѣрнѣе при одѣваніи травинокъ — поютъ слѣдующую пѣсенку:

Кукушечка боровая,
Чему ў (въ) бору не сидѣла,
А мнѣ уже ў бору жить скучилось:
Воли нѣту,

Воды нѣту,
Пошла воля по лугамъ,
А вода по болота́мъ.
И мнѣ ў лугахъ будетъ жить веселѣе:
Тамъ птички поютъ-воспѣваютъ,
Соловьюшки свищутъ.
И я глядя на нихъ буду куковать,
И мнѣ будетъ жить весело.

Крестятъ кукушекъ, какъ уже сказано, только на Николинъ день, и покумившіяся дѣвочки втеченіе года называютъ другъ дружку кумою.

Кто намочилъ (дождемъ), тотъ и высушитъ.

Кто не бережетъ рубля, тотъ самъ не стоитъ копейки (ср. пословицу: денежка рубля бережетъ).

Кто пьетъ да не крёхнетъ, да ... тотъ хуже бабы.

Кто сердитъ да не силенъ, тотъ ... братъ (ср. Serdyt ta nie duż, nabiut to jemuż. — Gniew bez siły nic nie może...nie jest silny...nic nie jest).

Куда попъ — туда и холопъ.

Купить — какъ вошь убить, а продать — какъ блоху поймать.

Купить на три копейки три пуда сахару [каламбуръ: трипу (названіе извѣстной матеріи) да сахару].

Куста́нь. Во время дождя дѣти поютъ:

Дождикъ, дождикъ, перестань,
Мы поѣдемъ во Кустань,
Богу молиться,
Христу поклониться.

Вмѣсто «во Кустань», иногда говорятъ: на Ердань.

Купишь лишнее (ненужное) — продашь и необходимое (о мотовствѣ и прихотяхъ).

«Къ намъ, къ намъ»... — таковъ великопостный благовѣстъ въ будни, кромѣ субботы и воскресенья, а вечерній перезвонъ въ два небольшихъ колокола означаетъ-де: «трёмъ блинъ, трёмъ

блинъ»... [то-есть вмѣсто обжорства на масляной, теперь трёмъ (троимъ) одинъ блинъ, въ знакъ поста и говѣнія].

Лишаи (круги) выводятъ смазываніемъ влагою съ запотѣвшихъ оконныхъ стеколъ.

Лишній игрокъ подъ столъ.

Локтю́шка — это уменьшительное отъ имени Галактіонъ дало такую каламбуръ-загадку: «зачѣмъ спишь съ локтюшкой?» (локтюшка — ло́коть).

Мужикъ-си́па
Наклалъ (ў) си́то:
Стали вѣсить —
Пудовъ десять,
Стали поднимать —
Пудовъ пять.

— Мужичокъ, на чемъ спишь? — На мяшку́ (мѣшкѣ). — А что ў головахъ? — Мяшокъ. — А покрылся чѣмъ? — Мяшкомъ (спалъ въ мѣшкѣ).

Мы съ тобой, какъ рыба съ водой: я на ледъ — ты подъ ледъ, ты будешь заливаться (тонуть) — я буду смѣяться.

Мышка въ ро́тѣ, хвостъ въ болотѣ — говорится при дѣтской забавѣ, когда кто-либо набираетъ себѣ воды въ ротъ, а всѣ другіе часто повторяютъ приведенное изреченіе, причемъ держащій воду во рту не долженъ засмѣяться (ср. R. Kleinpaul: Die Rätsel der Sprache. Лейпцигъ. 1893, стр. 164—165).

Мышка, мышка — на, тебѣ, зубъ костяной, дай мнѣ зубъ желѣзный (такъ надо-де сказать, бросая за печь выпавшій у ребенка молочный зубъ).

На слѣпого купца — гнилой товаръ.

Настоемъ любистры (зари) умываются въ банѣ — чтобы загаръ съ лица сходилъ.

На чужой каравай ротъ не разѣвай, а пораньше вставай да свой приспѣвай.

Не до жиру — быть бы живу.

Не́ люби, да почаще взглядывай.

Не люби друга потатчика, люби друга супротивника.

Другъ вѣрный подобенъ противу злата мѣрити,
А льстивымъ и лукавымъ другомъ не подобаетъ вѣрити.
Другъ лестенъ, аки ножъ помазанъ медомъ,
Приводитъ бо всегда къ душевнымъ вредомъ:
Таковаго друга подобаетъ отъ себя отрѣвати
И никакого совѣту отъ него принимати.

(Н. М. Петровскій: Комедія о графѣ Фарсопѣ. Спб. 1900. 50.— Ср. Celui qui te flatte, te veux tromper).

Не отцовскій домъ, насорилъ да и вонъ.

Не скреби ложкой по дну чашки (блюда, тарелки)—рубашка будетъ худая (будетъ рваться, скоро износится).

Ногами болтать (во время принятія пищи)—чорта тѣшить.

Не (ня) смѣйся рабѣ, привядеть Богъ и табѣ (ср. чему посмѣешься, тому и поработаешь).

Не съѣвши одного куска хлѣба, брать себѣ другой—значитъ-де кто-либо въ семьѣ (между родными) голоденъ.

Не ходи по тому мѣсту, на которомъ лошадь валялась (каталась на спинѣ) — будутъ круги̇ (лишаи) на тѣлѣ.

Обливаютъ водой не бывшаго у обѣдни во время Святой недѣли.

Обманули дурукȧ
На четыре кулакȧ,
На пятое стуло,
Чтобъ тебя раздуло,
На шестое колесо,
Чтобы тебя разнесло.

(Пригудка послѣ одураченья, шутливаго обмана).—Замѣчательно, что подобно приведенному «дурука», и «мужикъ» почти всегда даетъ: мужукȧ, мужуку̇... множеств.: мужуки̇, и проч.).

Оди́нцы, два́нцы, три́нцы, волы́нцы, пя́тымъ, ла́дымъ, цукисъ, бу́кисъ, пи́кисъ, лыкисъ (дѣтскій шуточный счетъ).

Орелъ да Кромы — первые воры, Карачевъ — на поддачу, Ливны — всѣмъ ворамъ дивны, а Елецъ — всѣмъ ворамъ отецъ.

Отъ людей скроешься, а отъ Бога никуда (никогда).

Паука раздавить — сорокъ грѣховъ простится.

Первый звонъ — чертямъ разгонъ (крестятся по третьему удару въ колоколъ).

Переносица чешется — къ вѣстямъ о покойникѣ.

Плевать на человѣка грѣшно: на томъ свѣтѣ черти заставятъ горячую сковороду лизать.

Плѣшивыхъ пересчитываютъ для уничтоженія сильныхъ морозовъ, и дѣлаютъ это такъ, говоря: имярекъ плѣшивый — сломися морозъ; такой-то плѣшивый — сломися морозъ, и т. д.

Подальше положишь, поближе возьмешь.

Пожалуйте къ нашему шалашу хлебать кулешу (куляшу); дайте двѣ ложки картошки, дайте боршу̀ (борщу) отвесть душу̀.

Поздняя птичка глаза продираетъ, а ранняя — носо́къ почищаетъ (говорится о проспавшемъ завтракъ).

Покойника видѣть во снѣ — къ снѣгу, дождю, или вообще къ перемѣнѣ погоды на дурную.

Покорную голову и мечъ не сѣчетъ.

По приходу и расходъ.

Послѣ ско́беля топоромъ.

Послѣ смерти покаянія не бываетъ.

Потягиваться на кого-либо — значитъ выгонять на того свою лѣнь, и за такой пріемъ у школьниковъ выгонявшій обыкновенно подвергался сильному битью.

Поцѣлуй пробой да иди домой (когда не застаютъ кого дома: говорится о скрывающихся должникахъ).

Пошелъ (или ступай) на ять голубей гонять (школьн.).

При обжогѣ горячимъ металломъ — кузнецы мажутъ пораженное мѣсто выдѣленіемъ изъ носа (естественный коллодіумъ, предотвращающій прикосновеніе воздуха къ обожженой части), а при ужаленіи пчелы — къ пораженному мѣсту прикладываютъ свѣжею землею.

При совершеніи таинства бракосочетанія, кто первый станетъ на разостланный платъ — тотъ будетъ первенствовать въ домѣ.

Противно(а) какъ нищему гривна.

Пьяницы царствія Божія не наслѣдуютъ.

Пѣсни птицъ:

Ласточки:

Мужуки въ поле,
Мужуки въ поле,
А бабы за яич—ницы...

Малиновки:

Бросай сани,
Бросай сани,
Возьми возъ...

Перепелъ кричитъ:

(Имярекъ, и протяжно)
Подъ повѣть,
Подъ повѣть...

Варіантъ:

(Имярекъ)
На карвать,
На карвать...

Разомъ густо, разомъ и пусто.

Разсвѣло-бѣло хоть хлѣбъ ѣшь.

Русскій часъ сó днемъ тридцать.

Рыжій краснаго спросилъ(ӑ):
Чѣмъ ты бороду красилъ(ӑ)?
— Я ни краской, ни пума́зкой,
Мине Богъ зародилъ:
Я на солнушкѣ лежалъ,
Кверху бороду держалъ.

Рыжій-красный — человѣкъ опасный.

Сапожники — безбожники: Христосъ воскре́сь! — и мы здѣсь.

Свои собаки грызутся, чужая не приставай.

Своя воля царя болѣ.

Свѣтить — свѣтишь, а не грѣешь, понапрасну у Бога хлѣбъ ѣшь (якобы цыганское опредѣленіе мѣсяца; ср. цыганскій потъ — лихорадочная дрожь).

Священникъ навстрѣчу — къ несчастью (неудачѣ предпринятаго).

Село для дворовъ, а рель для воровъ.

— Семёнъ, тпрукни на мою лошадь! — А ты што? — Да кроха ў ро́ти (во рту). — Ты ў шапку. — Ня ў лѣзить.

Семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ. — Семь лѣтъ не видались, а сошлись — и говорить нéчего. — Семь пятницъ на одной недѣлѣ. — У семи нянекъ дитя безъ глазу. — Седьмая вода на киселѣ (Марозъ семь бабъ павёзъ: Смоленскій Вѣстникъ: III. 122), и проч. —(О числѣ семь см. Макарія: Введеніе въ Православное Богословіе. Спб. 1863, стр. 167 и слѣд.; Schenkel: Bibel-Lexicon s. v. Sieben. — Schlicht Christinus: Die räthselhafte wunderzahl Sieben, etc. Ганау. 1831; статью Блохвица въ журналѣ «Gegenwart» о значеніи числа семь: помѣщена in extenso въ Московскихъ Вѣдомостяхъ: 1880. 38, и мн. др.).

Смерть обманывать.—Суевѣрный обычай этотъ совершается послѣ таинства бракосочетанія, когда молодые должны ѣхать непремѣнно въ сторону противоположную той, откуда пріѣхали въ церковь. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи также существовалъ подобный обычай (см. In olden time: The Liverpool weekly Post. 1249).

Соро́ка щеко́четъ (строко́четъ) на дворѣ: будутъ вѣсти (гости). — Кто слишкомъ долго моется (умывается), говорятъ: «смотри, соро́ки унесутъ». — Чучело сороки вѣшаютъ въ конюшняхъ между стойлами — чтобы домовой не пересыпа́лъ (не перетаскивалъ) овса отъ одной лошади къ другой (своей, любимой). Съ этою же цѣлью, собственно для страха домового, держатъ въ конюшняхъ козла или барана, обыкновенно выбираемыхъ изъ хорошей породы.

Смотрины невѣстъ въ Брянскѣ нѣкогда совершались у церкви Рождества на другой день праздника (26 декабря).

Спасибо за паръ, за баню и за шелковые вѣники.

Спасибо за́ хлѣбъ за́ соль, за щи съ квасомъ, а за ка́шу попляшу̀.

Стрижка ярыжка.

Ступай на задній столъ къ музыкантамъ (выраженіе презрительное и болѣе сильное, чѣмъ: «знай сверчокъ свой шестокъ», и т. п.).

Въ очеркѣ С. Соломина подъ заглавіемъ: «Безъ медикаментовъ», гдѣ описана старая дѣва, одержимая разными причудами, между прочимъ отмѣчено авторомъ, что героиня презирала разночинцевъ, и говорила, что ихъ «дальше перваго стола въ залѣ, недалеко отъ прихожей, пускать нельзя» (Новости: 1904. 73). А извѣстно, что во время баловъ и вечеринокъ въ барскихъ домахъ, гдѣ не было хоръ или особой эстрады для музыкантовъ, эти послѣдніе помѣщались въ переднихъ комнатахъ, онѣ же и лакейскія, да такъ ведется и теперь.

Сýрово не бѣ́лье — свое рукодѣлье (ср. Selbst gewoben, selbst gemacht, ist die schönste Bauerntracht).

Сухо дерево, сухо дерево (возражаютъ на похвалу здоровью, причемъ берутся за что-либо деревянное или кладутъ руку на столъ для отвода сглаза: пусть-де сохнетъ дерево, а не я, хвалимый. Къ этому изреченію иногда добавляютъ: «завтра пятница», искаженное: «назадъ не пятиться»).

Съ пóгани не умрешь, а съ голоду какъ уснешь [хто пирибираить, тэй (той?) пиримираить: Смоленскій Сборникъ. Спб., 1894, III, 81].

Танцовала рыба съ ракомъ,
А петрушка съ пустарнакомъ,
А цыбуля съ чеснокомъ,
А дѣвчина съ казакомъ.
Казакъ, казакъ, казачокъ,
Корóтеньки ножки,
Сафьянны сапожки... (Дѣтск.).

Тебя только за смертью посылать — говорится о медленномъ исполненіи чего либо.

Тесть ведетъ (любитъ) честь, а зять любитъ взять (Буслаевъ: Пословицы, стр. 145).

Только и варила, что щи пеклà (у Буслаева: «Только и варила, что хлѣбы пеклà». — Стр. 145).

Тонко прясть — долго ждать (у Буслаева: «Тонко прясть — долго ткать»; есть впрочемъ и варіантъ: «долго ждать» — 145).

Ты у меня матушку-рѣпку запоешь (у Буслаева: хоть ты мнѣ матушку-рѣпку пой — 150). — Ср. Свайка, когда проигравшій долженъ рыться въ землѣ доставая рѣпу, что иногда продолжается значительное время и достается не безъ усилій (это называется вáдить).

Тюкъ да на крюкъ (?). Есть варіантъ: Стукъ да грюкъ — абы (лишь бы) съ рукъ (говорится о работѣ нерадивой).

У Бога всего много.

Ужинъ ненуженъ, былъ бы обѣдъ.

У кого губы толще, у того брюхо тоньше (намекъ на спѣсивость и гордость).

Умница — хвалитъ тебя пѣтухъ и курица (хвалитъ тебя вся улица).

У нашего батюшки не какъ у мужика: мы пряники ломаемъ да со щами хлебаемъ (и тутъ же, въ противовѣсъ сему хвастовству, получается отъ другого:), «а какъ сядемъ ѣсть, такъ и хлѣба въ честь». — Чаще прибаска эта произносится кѣмъ-либо однимъ, и тогда значеніе ироніи усиливается.

Ученаго учить — только портить.

Учи пока пóперекъ порога ложится (т.-е. маленькаго, а выросшаго, съ укоренившимися привычками — учить трудно).

Франтъ — сапоги въ рантъ, жилетъ пике — а носъ въ табакѣ (Frant frant — jeszcze y kiep).

Франтъ:

Носъ крючкомъ,
Голова сучкóмъ (торчкóмъ),
Что-то ящичкомъ.

Хлѣбъ да вода — солдатская ѣда (ср. мурà).

Хлѣбъ да соль! — отвѣчаютъ: — Ѣмъ да свой: милости просимъ.

Хóдя по кладбищу, всѣхъ не оплачешь (говорится при невозможности помочь кому либо).

Хомà — большая кромà (большой кусокъ); ср. «браги многие а руки одинокиé» — здѣсь брага вовсе не хмѣльной напитокъ, а понимается въ смыслѣ взятья чего-либо, причемъ какъ антитеза множеству брагъ выставляются одинокія руки, которыми невозможно-де взять многаго (П. Симони: I, стр. 80, 217. Ср. Griefflinge — руки, на жаргонѣ нѣмецкихъ мошенниковъ (Rotwelsch): Weimarisches Jahrbuch. 1854. I. 343; F. L. A. Grolman: Wörterbuch der in Teutschland üblichen Spitzbuben-Sprachen... Гиссенъ. 1822, стр. 27 и 100).

Хорошо поёшь—да не въ клѣткѣ (подъ клѣткой разумѣется честь пѣть въ хоромахъ передъ избранной, большой и хорошей аудиторіей, могущей цѣнить исполненіе).

Цыганскій потъ (дрожь).

Человѣкъ божій обшитъ кожей.

Чему быть — тому не миновать.

Чему посмѣешься, тому и поработаешь.

Черные тараканы въ домѣ — къ благополучію.

(Еще) Черти на кулáчки не бились — время передъ самымъ разсвѣтомъ.

Чики-чики-чикáлочка,
Ѣдетъ она на палочкѣ,
А онъ на телѣжкѣ,
Щелкáетъ орѣшки.

Чище воды не будешь.

У крестьянъ Уржумскаго уѣзда, Вятской губерніи, между прочимъ существуетъ такой обычай: передъ послѣдними вздохами умирающаго ставятъ на окно чашку съ водою. Обычай этотъ одна набожная старушка объяснила такъ, что умирающій при этомъ не мучится, душа человѣческая легче выходитъ на воду и что въ водѣ она обмывается отъ грѣховъ. Также мѣстные крестьяне думаютъ (вѣрятъ?), что слезы отчасти замѣняютъ молитву (А. П. Грудцынъ, самоучка-поэтъ крестьянинъ и его стихотворенія. Спб., изд. 2-е. 1874, стр. 43—44: примѣчаніе).

Чорта няньчить (тѣшить) — сидя качать (болтать) ногами.

Чорту баранъ — такъ нѣкогда, подъ воздѣйствіемъ и вліяніемъ Церкви, говорилось о самоубійцахъ, умиравшихъ безъ покаянія и напутствія св. Дарами, и, какъ извѣстно — лишавшихся христіанскаго погребенія.

Инструкція святѣйшаго патріарха московскаго Адріана, преподанная 26 декабря 1697 года старостамъ поповскимъ или благочиннымъ смотрителямъ, такъ разсматриваетъ самоубійцъ:

«Который умершій явится, что онъ утонулъ, купаючись, а не играя и не хваляся, или съ древа убьется, или скоропостижною смертію, безъ отца духовнаго умеръ, и не отъ чужихъ рукъ, а кто будетъ объ немъ бити челомъ о похоронной памяти, и про тѣхъ людей велѣть обыскивать накрѣпко, того года у отца духовнаго на исповѣди былъ-ли; и буде былъ, велѣть похоронять у церкви Божіи, и надъ ними отпѣвать, какъ и надъ прочими христіаны».

«А который человѣкъ обѣсится, или зарѣжется, или купаясь и похваляяся и играя утонетъ, или вина опьется, или съ качели убьется, или иную какую смерть самъ надъ собою своими руками учинитъ, или на разбоѣ и на воровствѣ какомъ убитъ будетъ: и тѣхъ умершихъ тѣлъ у церкви Божіи не погребать и надъ ними отпѣвать не велѣть, а велѣть ихъ класть въ лѣсу, или на полѣ, кромѣ кладбища и убогихъ домовъ» (пп. 20 и 21. См. П. П. С. З.: III. 1612).

Христіанское воззрѣніе сказалось здѣсь ясно и опредѣленно, причемъ самыя игры трактуются какъ «бѣсовскія». Что до тѣхъ самоубійцъ, кто вина опьется (опивцевъ), то водка встарину у русскихъ людей называлась «кровь сатаны» (см. о семъ въ предисловіи къ Отговорной Книжкѣ Егора Зайцова), и памятовали, что «пьяницы царствія Божія не наслѣдятъ» (1 Коринѳ.: VI. 10). Съ теченіемъ времени взглядъ на пьянство мѣняется, и въ сѵнодальныхъ указахъ находимъ слѣдующее постановленіе: «Опившійся виномъ, даже съ намѣреніемъ лишить себя жизни, долженъ считаться какъ поднявшій на себя руки «внѣ себя», «внѣ ума», во временномъ безпамятствѣ, а таковые должны быть сподобляемы христіанскаго погребенія, конечно послѣ полицейскаго освидѣтельствованія, какъ умершіе неестественною смертію» (Указы Св. Сѵнода: 1841 и 9 января 1848; ср. Вологодскія Епарх. Вѣдомости: 1881. 21; А. Малевинскій: Инструкція благочиннымъ, etc. Спб. 1899, стр. 86 (31). Инструкція, напечатанная по опредѣленію Св. Сѵнода въ 1859 году, о скоропостижно умершихъ говоритъ глухо).

Чрезмѣрно синяя переносица у ребенка — признакъ скорой его смерти.

Что брюшку̀, то и пу̀пышку.

«...Вонъ, говоритъ, мамынька, становой пикакъ къ намъ? Я такъ ажно дрогнула, ажъ поженьки мои подкосились! Ну, молъ, Машáнька, что-то намъ будетъ? Да что, говоритъ, мамынька, будетъ: что брюшку, то и пупочку — така пострѣлъ дѣвчонка»... (Н. Львовъ: Не мѣсто краситъ человѣка, человѣкъ — мѣсто. Отеч. Записки: 1858. CXVIII, стр. 254; въ отдѣльномъ изданіи этой комедіи, вышедшей подъ заглавіемъ: «Предубѣжденіе или Не мѣсто краситъ»... и проч. Спб. 1858, стр. 80).

Чтобъ твой я́требъ лопнулъ (брань).

Чтобъ те(и)бе я́звило (брань).

[Ср. Сибирскаго въ пьесѣ («Сибирскій Риголетто») только — ругань, изверженная Еремкой: «язви тебя» (Иркутскія Губ. Вѣдомости: 1901. 266)].

Что ударишь, то уѣдешь (что упёхнешь, то и уѣдешь: Архивный Сборникъ пословицъ).

Что намъ въ титулѣ, было-бъ въ шкатулѣ.

Чучело небученое (говорится о замарашкѣ).

Ѣшь — брюхо не зеркало (ср. съ погани не умрешь).

Ѣшь горько, солно, кисло, и умрешь не сгніешь, [пей водку, не слушай (бѣгай) докторовъ, и будешь здоровъ].

Эй, горюшко кручинушку ведетъ,
Кручинушка упинается, не-йдетъ.

Я тѣ рожу растворожу, щеку на щеку помножу, зубы въ пепелъ (въ дроби) превращу (у Буслаева: «Съ щеки на щеку умножить, а волосы раздѣлить». — 141).

— Ѳедулъ, что ты губы надулъ? — Да зипунъ прожегъ. — Много? — Нѣтъ немного: одинъ воротникъ да пуговица осталось.

1

Когда засватають невѣсту, женщины идутъ по воду и поютъ:

А мы-жъ тибѣ, Марьюшка, говорили,
Что не ходи, Ивановна, рано воды,
Надъ водою два голуба рано гудуть,
Они-жъ тибе отъ батюшки прочь отгудуть,
Они-жъ тибе къ лютому свекру пригудуть . . .

Текстъ этотъ повторяется сначала со вставкою имени и отчества матери невѣсты, затѣмъ говорится, что «голуби отгудуть невѣсту отъ подружекъ» и «пригудуть къ жениху» (имя его и отчество). Далѣе:

Мимо ѣхалъ Иванушка съ поѣзду (sic),
Онъ шляпу снялъ, коня сдержалъ,
Послушалъ онъ: думалъ, что кокушечка кукуить,
Ано ета Марьюшка жалкуить
По своей по родимой матушки.

2

Внизъ по морю, морю синему,
По синему, по Хвалынскому,
Плыла утка съ лебедятами,
Со малыми со дѣтятами.
За нею плылъ да сизой селезень,
Да усастинькой,
Усастинькой, голосастинькой,
Кричалъ уткѣ: «подожди мине».
Она его не подождала,
Она его не послушала.
Нагналъ утку сиряди моря,
Серёдъ моря, возлѣ бережку,
Серёдъ моря, возлѣ крутова,
Обилъ уши сѣрой утушки,
Спустилъ руду по синю морю,

А бѣлый пухъ по поднебесью,
Сизо-перо по крутому бережку.
Брали перья краснаи дѣвушки
И молодыи молодушки.
Брала пушо́къ да свѣтъ-Марьюшка,
Брала пушокъ да Ивановна,
Своиму дружку́ на подушачку,
Своиму дружку на пуховаю.
Откуль ни ўзялся,
Откуль ни лучился,
Свѣтъ-Иванушка свѣтъ-Ивановичъ:
Всѣмъ дѣвушкамъ поклонился,
Со всѣми красными поздоровкался,
Но Марьюшкѣ особливой поклонъ,
Ивановнѣ особливой поклонъ.
Она ему не поклонилася,
Она поспѣсивилася.
— «Богъ-Судья тибѣ, свѣтъ-Марьюшка,
Богъ-Судья тибѣ, Ивановна:
И то будетъ что за мною будешь».
Грозилъ парень красной дѣвушкѣ-душѣ:
— «Будешь, дѣвка, у моихъ рукахъ,
У моей волюшкѣ».
Скоро дѣвка догадалася,
На колѣночки становилася,
Низёшунька поклонилася:
— «Прости, мой другъ, виновата предъ тобой,
Я думала, что не ты, мой другъ, идешь,
Не ты идешь,
Низко кланяешься».

3

Коло сада зеленóва,
Ранымъ-рано,

Коло сада зеленóва,
Дýшаль мой [1].
Ясный соколъ облетаетъ,
Въ зеленъ садикъ заглядаетъ:
Что мáя пташечка работáетъ,
Работáетъ, не гуляетъ,
Тепло гнѣздушко совиваетъ,
Ей пташечки помогаютъ,
По пёрушку прикладаютъ.
Коло терема высокóва
Иванушка объѣзжаетъ,
Въ высокъ теремъ заглядáетъ:
Что моя Марьюшка работáетъ,
Работаетъ, не гуляетъ,
Золотой вѣночекъ совиваетъ.
Ей подружки помогаютъ,
По цвѣточку прикладаютъ,
Рáнымъ-рáно,
По цвѣточку прикладаютъ,
Дýшаль мой.

4

Летѣла галка,
Летѣла, черная, по чистому полю,
Садилась галка,
Садилась, черная, высóко на ракиту,
Хвалилась галка,
Хвалилась, черная, ракиту поломити,
Не поломила
Только наклонила.
Садилася, свѣтъ-Марьюшка, высоко,
Высоко, подъ святые,

[1] Такое повтореніе идетъ послѣ каждаго стиха.

Хвалилася, Ивановна,
Батюшку узвеселити:
Не ўзвеселила,
Только прослезила.

5

За новыми воротами
Дѣвки тонки водють,
Упередъ у нихъ ходить
Красная свѣтъ-Марьюшка,
Красная Ивановна,
Въ ручкахъ шириночка,
Въ глазкахъ слезиночка.
Откуль ни лучился,
Откуль ни ўзялся,
Молодой Иванушка,
Молодой Ивановичъ,
Вырвалъ шириночку,
Утеръ слезиночку:
— «Не плачь, свѣтъ-Марьюшка,
Не плачь, свѣтъ-Ивановна,
Не съ воли идешь —
  У волю,
Не съ нѣги —
  У нѣгу».
— Какая это воля:
Отъ батюшки — къ свёкру,
Отъ матушки — къ свекровьѣ.

6

Шила-вышивала я кисейны рукава,
Шимши-вышивамши въ теремъ къ батюшкѣ пошла:
— «Родимый мой батюшка, что-жъ ты замужъ не 'тдаёшь?»

— Любезная дочечка, иди ты въ монастырь.
— «Родимый мой батюшка, я въ чернички не хочу,
Молодыхъ монашечекъ я по кельямъ разгоню,
На старой игуменьшѣ рясу подеру,
Молодыхъ ребяточекъ въ монастырь пріучу».
Посватался къ Сашенькѣ изъ-за Питера купецъ,
Объявилъ онъ Сашенькѣ семьсотъ кораблей.
Я думала-подумала: «за этого не пойду».
Присватался къ Сашенькѣ изъ-за Ту́лова купецъ,
Объявилъ онъ Сашенькѣ семьсотъ душъ крестьянъ.
Думала-подумала: «я за этого не йду».
Присватался къ Сашенькѣ изъ-за ви́ру мужичокъ,
Объявилъ онъ Сашенькѣ двѣ скрипицы и гудокъ.
Думала-подумала: «я за этого пойду».

7

Иванушка кудреватъ,
Чего долго не женатъ?
— «Сама-жъ ты мнѣ, свѣтъ-Марьюшка,
Сама не велѣла,
Сама-жъ ты мнѣ, Ивановна,
Сама не велѣла».
Вечоръ ко мнѣ, маменька,
Вечоръ, государыня,
Иванушка приходилъ,
Подарочекъ приносилъ,
Подарочекъ дорогой,
Перстенёчекъ золотой.
Не хочу перстня носить,
Своей маменьки крушить.
Продамъ я перстень, промѣняю,
Иванушка будетъ пенять.

Возьму я, млада, ведерочки,
Сама я пó воду пойду,
Спущу перстень на воду̀.
Золотой мой перстенёчекъ,
Онъ не тонетъ, ни плыветъ,
Прочь отъ бéрежка нейдётъ.
Иванушка воды проситъ.
Марьюшка несмѣла̀,
И пить воды не дала̀.
Осмѣлилась — воротилась,
Стаканъ воды налила,
На подносѣ подала.
Иванушка воду спилъ,
Свѣтъ-Марьюшку благодарилъ:
— «Всѣ улицы изойшолъ,
Краше тебя не найшолъ».

8

Ты скажи, скажи, соловьюшка,
Кому воля, кому воли нѣтъ гулять?
— Есть воля краснымъ дѣвушкамъ гулять,
Молóдушкамъ нѣту волюшки,
Охъ, охъ, охъ, молодушкамъ воли нѣтути:
У нихъ первая заботушка —
У мужа пьяная головушка,
Онъ въ кабакъ идётъ шатается,
Съ кабака идетъ валяется.
Но вторая заботушка —
То сварливая свекровьюшка,
Охъ, охъ, охъ, сварливая свекровьюшка.
А какъ третія заботушка —
Чужедальняя сторонушка.

9

У насъ нонче новина,
Калинушка расцвѣла,
Тамъ дѣвушки гуляли,
Калинушку ломали.
Сваха ты, сваха,
Худая рубаха,
По смéтью ходила,
Заплаты сбирала,
Рубаху крѣпила.

(Поютъ на другой день свадьбы).

10

Мару́сенька пшаниченьку жала (2),
Мару́сенька хворая лежала,
Мару́сенька (за) зельицемъ бѣжала (2).
Ахъ, кто-жъ меня (минѣ) зельица достанетъ,
Ахъ, кто-жъ меня (минѣ) милымъ дружкомъ станетъ?
Обозвался казакъ молоденькій:
Ужъ я тебя (тибѣ) зельица достану,
Ужъ я тебя (тибѣ) милымъ дружкомъ стану,
Первымъ конемъ до моря доѣду,
Вторымъ конемъ море переѣду,
Третьимъ конемъ зельица достану,
Тогда тебѣ милымъ другомъ стану.

11

Ужъ ты, Га́ля моя, Га́ля,
Раскрасавица моя,
Ты на что меня сгубила,
Что ни къ шуту (чорту) годенъ я?

Не печальсе, моя Галя,
Будемъ весело мы жить,
Будешь ты у меня па́ня,
Буду я тебя любить.
А не будешь моя па́ня,
Буду часто морду бить.
Буду я тебя любить,
Буду лапти тебя (тебѣ) плесть,
Буду лапти тебя плесть,
Бѣлы ноги обувать.
Калачи ты будешь ѣсть,
Сладкимъ мёдомъ запивать.
Будешь спать ты на пернатахъ (sic),
И укрымши кожухомъ,
На пуховой на перинѣ,
На кути̑, предъ образомъ.

12

А въ насъ по́ лугу, лугу̑,
По зеленому лугу,
Разливалася вода,
Разстилалася трава,
Расцвѣли въ полѣ цвѣты.
Всѣ барышни хороши,
Одна дѣвка лучше у̑сѣхъ,
Посмѣлѣй была усѣхъ,
Посмѣлѣе, веселѣе,
Во кругу плясать пошла,
Молодцу сердце зажгла.
Молодецкое сердечушко
Разга́рчивато,
Разгорѣлось, разожглось,
Словно жаръ горячо,

Какъ калинушка краснà,
Приў долинушкѣ расла.

13

Эхъ, да ишла Маша да изъ лѣсочку,
Несла, Маша, эй, да два вѣночка,
Себя и дружку.
Эй, да Маша рѣчи говорила,
Пастушка къ себя манила,
Молоденькаго.
Эй, ты, пастухъ мой, пастушочекъ,
Пастухъ миленькій дружочекъ,
Не спокинь меня.
Меня, горькую сиротинку,
Приў широкой приў долинкѣ,
Въ лужкáхъ одноё.
Пастухъ скоро догадался,
За скотинкой въ лѣсъ бросался,
Дворў подгонять.
Подогнамши, пастухъ, скотинку,
Двору забѣжалъ:
Ты, жена, моя служанка,
Не жди ночевать.
Меня ждали-поджидали
Астраханскія двѣ дѣвчонки,
Въ лужкáхъ ждетъ она (одна?).

14

Ужъ я прялочку взяла,
Въ посидѣлочки пошла,
Ужъ я прялочку на тынъ,
Сама сигъ черезъ тынъ.

Куры запѣли — гуляю молода,
Вторые запѣли — скакать пошла,
Третьи запѣли — заря занялась,
Заря занялась,
Я двору̀ поднялась.
Подхожу я ко двору,
Лежитъ старый на полу,
Я ногою топону̀.
— Жена молодая, игдѣ-жъ ты была?»
— Сѣдобородáя — увсю (усю̀, всеё) ночь не спала.

15

Какъ по улицѣ было Шведской,
Слободѣ было Нѣмецкой.
Гоцъ, калинӑ,
Гоцъ малинӑ[1].
Добрый молодецъ проѣхалъ,
Къ душѣ-Катенькѣ заѣхалъ.*
— Ты скажи, Катя милáя,
Гдѣ мнѣ коника поставить?*
— Ты поставь-себѣ, пожалуй,
Посреди мойво двора,
Дли дубоваго столба!*
— Ты скажи, Катя милая,
Гдѣ мнѣ плёточку повѣсить?*
— Ты повѣсь-себѣ, пожалуй,
У горницѣ на стѣнѣ,
На серебреномъ гвоздѣ.*
— Ты скажи, Катя милая,
Гдѣ мнѣ шляпу положить?*
— Ты положь-себѣ, пожалуй,

[1] Припѣвъ этотъ повторяется у стиховъ, отмѣченныхъ звѣздочкой.

У горницѣ на столѣ,
На дубовой на доскѣ.*
— Ты скажи, Катя милая,
Гдѣ мнѣ, молодцу, прилечь?*
— Ты приляжь-себѣ, пожалуй,
На корвати тесово́й,
На корвати тесово́й,
На перинѣ пуховой.*
Не стучамши, не грючамши,
Къ Катѣ батюшка родной:*
— Ты скажи, Катя мила́я,
Что за во́ронъ-конь стоитъ?*
— Я на рыночекъ ходила,
Ворона̀-коня купила,
Ворона коня купила,
Полтораста заплатила.*
— Ты скажи, Катя милая,
Что за шелкъ-плётка̀ виситъ?*
— Я на рыночекъ ходила,
Шелкову́ю плеть купила,
Шелковую плеть купила,
Полтора рубля платила.*
— Ты скажи, Катя мила́я,
Что за пухъ-шляпа лежитъ?*
— Рано гости въ мине были,
Пухову̀ шляпу забыли.*
— Ты скажи, Катя милая,
Что за мо́лодецъ лежитъ?*
— Рано къ утрени ходила,
Сироту къ себя призри́ла.
Гоцъ, ка̄линă,
Гоцъ, ма̄линă.

16

Масленица-кривошейка,
Покатай насъ хорошенько,
Масленица ты, кургу́зка,
Покатай насъ хоть до Курска.
Масленица-полизу́ха,
Полизала сыръ и масло,
Сыръ и масло, и всѣ яйца
И корова́йца.

17

Ель моя, ель зелена́я,
Подъ тобою я стояла,
Масленую дожидала.
— Матушка моя, соловейкя,
Что же ты ко мнѣ не летаешь?
— Но я прилетю —
А ты плачешь,
Но я полетю —
Ты рыдаешь,
А я ў по́ля (по́ле),
А ты ў го́ря (горе),
А я на пескѝ,
А ты ў голоскѝ.

(Обѣ поются на масляной: «катаются и поютъ» — таково добавленіе сообщившей).

18

Веселая бесѣдушка,
Гдѣ батюшка пьётъ,

Онъ пьётъ-не пьётъ,
Голубчикъ за мной, младой, шлетъ.
Но я, млада-младёшунька,
Замѣшкалася
За у́тями, за гу́сями,
За ле́бедями,
За мелкою за пташкою,
За жу́рошкою.
За рѣчкою, за быстрою
Че(а)тыре избы,
У тѣхъ избахъ-избуше(а)чекъ
Че(а)тыре кумы.
Вы, кумушки, голубушки,
Кумитеся вы,
Кумитеся, любитеся,
Любите и мине.
Пойдете вы въ зеленый садъ,
Возьмите и мине,
Сорвёте вы два яблочка,
Сорвите и минѣ.
Совьёте вы по вѣнчику,
Вы свейте и минѣ,
Вы пустите на воду ихъ,
Пустите вы и мой.
Но всѣ вѣнки поверхъ воды,
Одинъ мой потонулъ,
Одинъ мой потонулъ —
Мине милый обманулъ.

19

Между двухъ березъ
Рѣчка протекала.

Какъ у стараго злодѣя
Жена молодая.
Нельзя жену бить,
Нельзя поучить.
Билъ часокъ —
Плакалъ всю недѣлю.
Я за то ее билъ,
Я за то ее училъ:
Пропила, жена, основу,
А утóкъ въ похмѣлье,
Всѣ снесла въ кабакъ обновы,
Свое рукодѣлье.

20

Ишелъ Вáнюшка домой
Чужою межою,
Чужою межою,
Своимъ огородомъ,
Онъ киваетъ и моргаетъ
Къ Дунѣ у вакошко:
Дуня, догадайся, радость,
Дуня, намекни́ся.
Дуня къ Ванѣ выходила:
Мнѣ теперь, Ваня, не время,
У батюшки гости,
У матушки сестры,
А у братца молодцы,
А ў мине подружки,
Бѣлются-румянются,
Гулять собираются.
(Хороводная)

21

Летѣла кокуше(а)чка черезъ темный лѣсъ,
Садилась кокушечка на сосонушку,
Вила, вила гнёздушко соловьиное,
Вывела она дѣтушекъ соловьятушекъ.

22

Ишли плотнички, безтопорнички,
Они строили церковь славную,
Осьмиглавную.
Какъ на той церкви крестъ серебреный,
Позолоченый.
На крестѣ сидитъ вольная пташечка,
Воръ-кукушечка:
Высоко сидитъ,
Далеко глядитъ,
Далеко глядитъ —
На синё море:
Тамъ плаваютъ два кораблика,
Третья лодочка.

23

Утя, у́тя, не летай,
Сиди дома, работа́й,
Я поѣду у Москву:
У Москвѣ калачи
Какъ огонь горячи.
А у Питири вино
По три денежки ведро:
Хочешь пей, хочешь лей,
Хучь окачивайся,
Поворачивайся.

24

Акулина Ермолавна
Родила сына недавно —
Поликарпомъ звать.
Поликарпъ малый удалый,
Воротникъ суконный алый
Съ лéндочекъ собрáтъ.
Онъ подходитъ къ кабаку,
Цѣловальникъ на боку:
«Отворяй-ка ты кабакъ,
Успущай нашихъ ребятъ,
Наливай водки полнѣе,
Бери денежки вѣрнѣе
Съ насъ.
Наливай водки осьмуху,
Мы дадимъ тебѣ по ýху —
Разъ!
Но за то дадимъ по ýху,
Не люби нашу Катюху —
Два!»

25

Маленькій мальчикъ
Пошелъ у чуланчикъ
Родителей поминать,
Свое брюшко набивать.
Онъ ишолъ-ишолъ-ишолъ
И копеечку нашелъ,
Молодичку купилъ.
Молодичка-молода
Калачей напекла:
Калачи горячѝ
Подъ окошечкомъ мечѝ.

Ишли трепачѝ,
Подобрали калачи,
Остался калачъ,
Подавился трепачъ.

26

Я по жердочкѣ шла,
Я по тоненькой,
По еловенькой:
Тонка жердочка гнётся,
Не ломается,
Со милымъ дружкомъ водиться —
Не стошняется,
Разгуляется.
Выду, выду, молодà,
За новы́я ворота,
За новы́я, кленовы́я,
За рѣшетчатыя.
Гляну, гляну, молодà,
И туда, и сюда,
И туда, и сюда,
Вдоль по улицѣ въ конецъ,
На почтовый на дворецъ.
На почтовомъ на дворцѣ
Хороши ребята,
Хороши ребята,
Бѣлы-кудреваты,
Охочи гуляти,
Охочи гуляти,
Дѣвокъ забавляти.

27

Нѣту яблоньки пониже,
Негдѣ яблочка сорвать,
Нѣту милочки поближе,
Не съ кѣмъ сло́вечка сказать.
Пройду верхомъ нечаянно,
Сидитъ милка печальная,
Пройду ве́рхомъ, пройду низомъ,
У милашки домъ съ карнизомъ.
Меня милка зарази́ла,
Въ окно пальчикомъ грозила.
Прошелъ милка стороною,
Кивнулъ-моргнулъ головою.
— «Что ты, милка, не выходишь,
Заморозить меня хочешь?»
— Я морозу не боюся,
На морозѣ спать ложуся.

28

А, дуду̀-дуду̀-дуду̀,
Сидитъ жо́равъ на дубу,
Онъ играетъ у трубу:
Труба то́ченая,
Позолоченая.
Какъ летѣли соколы,
Потеряли сапоги.
Ты, Иванъ, ты, сынокъ,
Подыми сапожокъ.
— «Минѣ некогда:
Я мостъ мощу,
Серебромъ гвозжу̀».
Серебро разливается,
Царь съ царицей на конѣ катается (?).

29

Шапочка-татарочка
Съ города летѣла,
Князя убила.
Князь, не печалься,
Твоя жена, Марья,
Породи́ла сына.
Какъ его имя?
Царя Константина.
Бубенъ-бубенъ, сядь на бо́чку,
Отдай свою до́чку
За нашего князя:
У нашего князя
Каменны палаты,
Серебромъ покрыты,
Золотомъ оббиты.

30

А, чу-чу-чу-чу-чу-чу,
Я горошекъ молочу́
На чужомъ точку́,
На приго́рочку.
Ко мнѣ курочки летятъ,
Хоробро́чки, клевать.
А я курочку цепко́мъ,
Да къ Ивану вечеро́мъ.
Что, Иванъ, дѣлаетъ?
Онъ шапки шьетъ,
Подъопушиваетъ.
Шапочка татарочка
Съ города катилася,
Князя убила.
Князь расписался (sic),
Моя жена, Марья,

Родитъ тебя (тебѣ) сына.
Какъ его имя?
Царя Константина.
Бубенъ-бубенъ, сядь на бочку,
Отдай свою дочку
За моего (нашего) князя.
У моего (нашего) князя
Двое палатей,
Золотомъ оббиты
Шелкомъ обшиты.

31

А, чу-чу-чу-чу-чу-чу,
Я горошекъ молочу
На чужомъ точку̀,
На пригорочку.
Ко мнѣ курочки летятъ,
Хороборочки клевать.
По одной цепо́къ,
По другой черепо́къ.
Не добѣгла до двора,
Какъ подъ ты́нушкомъ легла.
Какъ выскочилъ холопъ,
Началъ курочку колоть.
Изъ курочки руда,
Изъ холопа душа.
Покатилося перо
На Иванькино село.
Ай, Иванъ Полко́въ,
Загоняй волковъ
На боярскій дворъ:
Тамъ денежки куютъ
И у горбъ поддадутъ.

32

Ахъ, чей это садъ,
Чей зеленый виноградъ?
Во садику корватушка тесовенькая,
На корватушкѣ перинушка пуховенькая,
На перинушкѣ узголовьеце высокенькое,
Навъ узголовьи одѣяло сыбалиново лежитъ.
Подъ тѣмъ подъ одѣяломъ красна дѣвица лежитъ,
Хороша, пригожа̀, взялъ-бы замужъ за себя.
Взялъ-бы замужъ за себя,
Снарядилъ-бы для себя,
Состроилъ-бы сударушкѣ черо́нчитой корабль,
Нанялъ-бы сударушкѣ гребцовъ-молодцовъ,
Гребцовъ-молодцовъ, славныхъ пѣсенничковъ.
Хорошо гребцы гребутъ,
Пѣсни весело поютъ:
Эй, по́ мосту, мосту̀,
По кали́новомъ мосту,
(Тутъ) ишелъ-прошелъ дѣтина,
Голубой на немъ кафтанъ.
Голубой, съ галуномъ,
Полы машутся на немъ,
Полы машутся,
Раздымаются,
Бѣлъ-калинова (sic [1]) рубашечка краснѣется,
У рукахъ въ него тросточка камышевая,
На тросточкѣ лендочка букетовая,
То-то ала, то-то ала, то-то алая моя,
Ала, ала, ала, ала,
Что сударушка дала̀,
Да́ла, да́ла, да́ла, да́ла,
Въ честь пожаловала.

[1] Миткалинова?

33

Изъ боярскихъ воротъ
Выходилъ дуракъ холопъ.
Навстрѣчу халую
Сама барыня идётъ,
Съ собой дочерю ведётъ.
— «Ахъ, ты, дурень, ты, холопъ,
Игдѣ ночь ночевалъ?»
— Сударыня-боярыня,
Я у васъ на дворѣ:
Я у васъ на дворѣ,
На корваткѣ тесовой,
На перинѣ пуховой,
На перинѣ пуховой,
Съ вашей дочерью родной.
— «Ахъ, ты, дурень, ты, халуй,
На что сказываешь?»
— Сударыня, боярыня,
На что спрашиваешь?
— «Ахъ, ты, дурень ты, халуй,
Со двора тебя сгоню».
— Сударыня, боярыня,
Я самъ съ радостью пойду,
Я самъ съ радостью пойду,
Три бѣды издѣлаю:
Ужъ, какъ первую бѣду —
Пару коней уведу;
А другую-то бѣду —
Колясочку заложу;
А третьтію бѣду —
Вашу дочерь увезу.
— «Ахъ, ты, дурень, ты, халуй,
На дорогѣ догоню,

На дорогѣ догоню,
Свою дочерь отниму,
Тебѣ по шеи надаю».

34

Была у насъ коровочка рыженькая,
Тели́ла теленочка лысенькова,
Перваго теля не пущаютъ на племя̀,
Перваго телёночка забра́шиваютъ,
Обрывочекъ на шею, концы назадѣ̀.
Что-жъ это мо́лодцы не женются,
Красныя дѣвушки замужъ нейдутъ.
Сдумала, Паранюшка, замужъ пойдить.
Теща про зятя пирогъ испекла:
Соли да муки на четыре рубли,
Сахару, изюму на восемь рублей.
Сталъ пирогъ да двѣнадцать рублей.
Думала-гадала семерымъ не съѣсть:
Зятюшка сѣлъ — во причасточку съѣлъ.
Тёща по горенкѣ похаживаетъ,
Скосу на зятюшку поглядываетъ:
«Какъ тебя, зятюшка, не ро́зорвало?»
— Какъ у тебя, тёща, языкъ не отсохъ?
Приходишь ты, тёща, на масленой,
Я-жъ тебя, тёща, употчиваю:
Четыре дубины берёзовыя,
Пятый кнутъ, по заказу свитъ,
Шестой костыль, по ногамъ гвоздилъ,
Седьмая лози́на по боку вози́ла.

35

Ивушка, ивушка,
Ракитовый кустокъ!

Что-же ты, ивушка,
Не весело стоишь. . . . и проч.

(Пѣсня всѣмъ извѣстная, почему и не приводится).

36

Чей это домъ, дубовая хата?
Тамъ живетъ удовà, сама небогата:
Сама цвѣтики садила,
Сама будетъ поливать,
Сама милаго любила,
Сама будетъ цѣловать.

37

Штатскій, штатскій, чортъ тебя возьми,
Военнаго Ваню, Боже, сохрани.
Докторъ-фельдшеръ, Маничка больна,
Болитъ-болитъ въ Манѣ сердце-голова.

38

Стоялъ заводъ ахти-ахъ,
Теперь остался одинъ прахъ,
Стоялъ онъ всѣмъ на разглядѣнье,
Теперь осталось одно удивленье.
Тамъ построекъ немало накопилось
И народу всякаго населилось:
Этотъ разный, вотъ, народъ
И работалъ весь заводъ.
Тамо нѣмцовъ и поляко́въ,
Шахтовъ (sic) и жидовъ,
Есть и русскій молодецкій,

Все изъ разныхъ городовъ —
Народъ изъ Калуги и Полтавы,
И работали такъ браво.
Былъ тамъ брянскій и смоленскій,
Но (А) кто вовсе деревенскій.
Все больше изъ столичныхъ городовъ,
Лишь бы былъ онъ веселъ и здоровъ...

(Далѣе, въ такомъ же родѣ, идетъ еще нѣсколько десятковъ стиховъ, но такъ какъ въ нихъ описывается лишь состояніе завода «ахти-ахъ», самый же языкъ поэта не представляетъ какихъ-либо особенностей мѣстнаго говора, то и приведеннаго достаточно для сужденія о фабричной музѣ).

39

Я чехоткою страдаю,
Скоро, скоро я умру,
Свѣтъ я бѣлый спокидаю
И въ могилу жить иду.
Какъ я дѣвушкой нещастной,
Мнѣ всего шестнадцать лѣтъ,
Жаль мнѣ съ жизнію разстаться,
Какъ за мной защиты нѣтъ.
И лежу я у постели,
Солнце свѣтитъ мнѣ въ окно,
Завтра буду я въ могилѣ,
Солнце будетъ далеко.

40

Какъ сказали: милку сдали,
Неживую мне подняли,
Какъ сказали: «милка гожъ»,
Безъ морозу пронялъ дрожь.

Проводила свойво милку
На машину-посажирку.
Отъ базару до собору
Цѣловала милку безъ разбору.
Но машина съ чернымъ кругомъ,
Разстаюсь я съ милымъ другомъ,
Но машина съ чернымъ фла́комъ,
Пошелъ милка самъ заплакалъ:
«Ты не плачь, мой милёнокъ,
Ты не маленькій ребенокъ».

41

Всѣ говорятъ, что я вѣтрена бываю,
Всѣ говорятъ, что я многихъ люблю,
Но почему-жъ я всѣхъ забываю,
Но одного я забыть не могу:
Десять любила — девять позабыла,
Но одного я забыть не могу.

42

Всѣ говорятъ, что я вѣтрена бываю,
Всѣ говорятъ, что я бо́ндаря люблю,
Всѣ говорятъ, что кадушки обиваю,
Всѣ говорятъ — на базарѣ продаю.
Всѣ говорятъ — въ гостиницѣ бываю,
Всѣ говорятъ, что я пьяницу люблю,
Всѣ говорятъ, что въ карты я играю,
Всѣ говорятъ, что водку я не пью.

43

Охъ, батюшки, разбой, разбой, разбой,
Полюбилъ меня мальчишка молодой,

Онъ узялъ меня на хапочку
И понесъ меня въ комна́точку,
Посадилъ меня на лавочку,
Подарилъ меня булавочку.
Но булавочка то́ченая,
На кончику позолоченая.

44

У нашего сосѣда
Веселая бесѣда:
Свинья въ дуду играла,
А курочка плясала,
Пѣтушокъ припѣвалъ
И ножкою прибивалъ.

45

Кумъ ишолъ городо́мъ,
Кума — улицею,
Кумъ ишолъ съ пѣтушкомъ,
Кума съ курицею.

46

А, барыня сыра,
Роди себѣ сына,
Четыре аршина.
Кума Степанидка,
Тетка Алёнка,
Подай полотенце
Накрыть маладенца.
А бабушка Дарья,
Подай побѣляйча.
А дѣдушка рѣзникъ
Побѣгъ у березникъ

Про бабушку ворожить,
Адѣ бабушка лежитъ:
Подъ ракитовымъ кустомъ,
Она накрыта хворостомъ.

47

Сижу я на бочкѣ,
Слёзы катются,
Денегъ нѣту ни гроша,
Выпить хочется.
Сижу на коляскѣ,
У бабьей повязкѣ;
Сижу я на мóстѣ
Увесь у корóстѣ;
Сижу на скамейкѣ,
Считаю копейки;
Сижу у кушúнѣ,
Кричу: задушили;
Сижу на кадушкѣ,
Считаю лягушки;
Сижу я на дрожкахъ
У красныхъ сапожкахъ.

48

Ой, бы́ча-бычокъ,
Заколи тебя волчокъ,
У моемъ лѣскў,
У березничку.
Какъ летѣли соколы,
Обронили чеботы̆:
Ты, Арсёнъ, подай,
А мнѣ некогда,

Я мостокъ мощу̀,
Серебромъ гвозжу.
Ахъ, панъ на конѝ
Потѣшается,
А пани́ца у свѣтлицѣ
Наряжается.

49

Ахъ, мило́й ты мой, мило́й,
Люби тебя домовой,
Люби тебя черти
До самой до смерти.

50

Черезъ эту Маргаритку
Нельзя выйти (вы́дить) за калитку,
Черезъ эту клячу
Постоянно сижу-плачу.

51

Черезъ рѣчку, чрезъ мосточекъ,
Подай, милка, голосочекъ:
Плачетъ, милка, черезъ рѣчку
По серебреномъ колечку.

52

Плывутъ утки съ утятами,
Сидятъ дѣвки съ ребятами.
Плывутъ утки — утятъ нѣту,
Сидятъ дѣвки — ребятъ нѣту.

53

Деньги есть — веселюсь,
На хорошенькой женюсь.
Денегъ нѣту ни гроша,
И плохая хороша.

54

Любила я тульскихъ,
Любила калужскихъ,
Донскихъ, ревенскихъ,
Карачевскихъ, болховскихъ,
Но брянскаго полюбила
Ввесь порядокъ загубила.

55

А барыня пышна
На улицу вышла,
На ка́мушку сѣла,
Три лепешки съѣла.
Ахъ, барыня раздорога,
Подожди меня немного, и т. д.

56

Положу кольцо на камень,
Сама пойду въ монастырь,
Пущай кольцо отстается
Ребятишкамъ холостымъ.

57

Ахъ, мать моя, мать,
На что меня женишь,

У солдаты отдадуть,
Куда жену дѣнешь?

58

Ахъ, чортъ васъ возьми,
Съ вашими дѣлами:
Не 'тдаете жонку въ ранецъ,
Кормите-жъ вы сами.

59

Капитанъ, какъ я радъ,
Что я васъ увидѣлъ,
Подпоручикъ вашъ родъ (чит.: вашей роты)
Мою дочь обидѣлъ.
Онъ увёзъ, онъ увёзъ
Мою дочь родную,
Онъ ругаетъ ее, бьетъ,
Во всю пропалую.

60

Скоро, скоро ледъ растаетъ,
Скоро утки поплывутъ,
Скоро милаго Ванюшу
У солдаты поведутъ.

61

Ахъ, мать моя, мать
Ты родительница,
Но я дочка твоя—
Разорительница.
Разорила я тебя,
Разоряти (разорять и?) буду,
По вѣкъ жизни своей,
Тебя не забуду.

62

Въ насъ на вѣткѣ, подъ горой,
Ходитъ котъ фрустальной,
Не квартальный, а баранъ,
Козырекъ пустынный,
Не немъ тюлевой кафтанъ,
А чепецъ овчинный.

63

Получилъ получку я,
Веселись, душа моя,
Пойду въ Ра́дицу гулять,
Трепака я задавать.
Ужъ я въ Ра́дицѣ гулялъ,
Подъ сосонкой ночевалъ,
Пролежалъ я цѣлый день,
Обнималъ горѣлый пень.
Вотъ усталъ я и гляжу:
На себя не похожу;
Нѣтъ фуражки и сапогъ,
Голова болитъ: охъ-охъ . . .

64

Тише, мыши, котъ идётъ,
Котохвеевну ведётъ:
Самъ пышетъ, она слышитъ,
И все пѣсенки поетъ.

65

Лѣшій, сидя въ чистомъ полѣ,
Лапти плелъ, свисталъ да пѣлъ,
Но доволенъ своей долей,
Ничего знать не хотѣлъ.

Вдругъ, откуда ни возьмися,
Вѣдьма стала передъ нимъ,
Лѣшій сдуру и влюбился —
То, что (точно) чортъ шутилъ надъ нимъ.
Вѣдьма много научилась
Въ городскихъ модныхъ дамъ,
Она также научилась
Мазать лѣшихъ по губамъ.

66

Табакъ — игрунъ,
Хозяинъ — колдунъ,
Работнички — своднички.
Кто его тёръ,
Тотъ умёръ,
Кто нюхну́лъ,
Тотъ за море махнулъ.

67

Гдѣ капелька канетъ,
Тамъ церковка станетъ,
Кишко́й отяну́та,
Калачомъ замкну́та.
Я кишку оборвалъ,
Калачъ съѣлъ,
Увайшолъ у це́ркву:
Тамъ стоитъ попъ,
Овсяный снопъ,
Жидовочка Ро́хля
На припе́чку здохла.
Пришли жиды: на её глядь —
Она стала ихъ изъ церкви гнать.

Приговариваютъ кто табакъ нюхаетъ.

68

Въ понедѣльникъ я мельникъ,
Во вторникъ я полковникъ,
Въ среду одуваю рачки,
Въ четвергъ на кулачки,
Пятница — ребя́тница,
Въ субботу на работу,
Въ воскресенье на веселье,
На весь день гулять.
Вино пили, сало ѣли,
Съ цѣловальникомъ шумѣли,
Драку завели.
Цѣловальникъ возгордился,
Онъ къ квартальному увзился (?)
На ребятъ просить.
Но ребята отвѣчали:
Мы всѣ дома ночевали,
Ничего не знаемъ.
Но ты, товарищъ, отвѣчай,
Что квартальный взялъ на чай.
Мы съ квартальнаго шинель сняли.
И полтинникъ свой узяли
И по шеѣ ему наклали.

69

Противъ брянскаго вокзала,
На широкомъ на лугу,
Ветха фабричка стояла,
Вѣрьте совѣсти, не лгу.
Ей хозяинъ былъ одинъ,
Купецъ Ча́мовъ господинъ,
Орендаторъ самый тотъ,
О комъ сказано впрёдъ,

Ветхой фабрикъ подкрѣпилъ
И товару накупилъ,
Онъ нанялъ рабочихъ страсть,
Начиналъ канаты прясть.
Пряли дѣвки и ребяты
Они разныи канаты.
Они пропряли слишнимъ годъ
Безо всякихъ безъ клапотъ.
А подъ Спасъ-Преображенье,
Всему городу вѣдивленье (въ дивленье?),
Всѣ рабочіе домой
Собирались на спокой.
Не успѣли пособраться,
Началъ фабрикъ загораться,
Дымъ изъ трубки показался,
Онъ по крышѣ разстилался.
Солдатъ шинель намочилъ,
Онъ по крышѣ волочилъ.
Онъ не даромъ волочилъ,
Три рублика получилъ.
У Бѣляева Матвѣя
Заграничный былъ насосъ,
На три сажня воду бралъ,
Онъ контору заливалъ.
Охъ, нѣтъ моей мо́чи,
Пропадайте сапоги,
Было-бъ, братцы, плохо дѣло,
Чуть-чуть смо́льня не сгорѣла.
Когда хозяинъ прикатилъ,
Сказалъ: «я денегъ накопилъ»,
Одну смольню захватилъ.
Но онъ не кинулся къ заводу,
Прямо кинулся къ народу:
— «Живы-ль, братцы-молодцы,

И здоровы-ли отцы?»
Но народъ ему въ отвѣтъ:
— Одной Ховры дѣвки нѣтъ.
— «Прогуляйте какой годъ,
Я устрою вамъ заводъ.
Ни отъ тучи, ни отъ грому (sic),
Хоть зажги внутри солому».

70

Ты, извощичекъ мой милый,
Гдѣ твой коникъ сивогривый,
Поѣдемъ на немъ.
Но мой коникъ стоитъ дома,
На немъ ѣздилъ братъ Ерёма,
Замучилъ его.
Если вгодно прокатиться,
Изволь на черна̀ садится,
Поѣдемъ со мной.

71

Я вечо́ръ торгу торговала,
Я вечо́ръ торгу торговала,
Свинцу - пороху закупала,
Мѣтку пушечку заряжала,
Въ каменну стѣнушку стрѣляла,
Короля въ глаза не видала.
Красну - дѣвушку въ плѣнъ узяли,
Къ Румянцеву преставляли.
Графъ Румянцевъ удивлялся,
Красотѣ ея дивовался:
Хороша дѣвушка, румяна,
По нѣмецкому разобра́на,
На ней юпочки шелковыя,
Душагрѣечка золотая,

Въ косѣ ленточка голубая.
— Ты изволь со мною говорити,
Про мою силу распросити,
Про свою силу разсказати:
Ты идёшь-ли, идешь въ Росею замужъ,
За любимаго моего сына,
За Ивановича Ивана,
За росейскаго инорала?
— «Не хочу съ тобой говорити,
Про твою силу распросити,
Про свою силу разсказати.
Я нейду, нейду въ Росею замужъ,
За любимаго твоево сына,
За Ивановича Ивана,
За росейскаго инорала».
Графъ Румянцевъ разсердился,
Онъ безъ милости распалился,
Остру сабельку вынимаетъ,
Красну дѣвушку онъ страшшаетъ.
Красна дѣвушка испугалась,
За Румянцевымъ въ слѣдъ бросалась:
— «Ужъ, ты, батюшка, графъ Румянцевъ,
Ты изволь со мной говорити,
Про мою силу распросити,
Про свою силу разсказати.
Я иду, иду въ Росею замужъ
За любимаго твоего сына,
За Ивановича Ивана,
За росейскаго инорала».
По торгу дѣвушка гуляла,
Листъ бумажечки закупала,
Королю письмо написала,
Чтобы ѣхалъ король на свадьбу
Ко любимому своему сыну,

Ко Ивановичу Ивану,
Ко росейскому инооралу.

72

Я былъ да на томъ концу̀,
Но я слышалъ чудо́вочку:
Тамо курочка телила бычка,
Поросеночекъ яичко снесъ,
На высокую поли́чку взнёсъ.
Ухватъ цыплятъ выводилъ,
Сковородень за цыплятами ходилъ,
Безрукій клѣть обокралъ,
Голопузому за пазуху поклалъ,
Безногій у догонъ побѣжалъ,
Безъязыкій «караулъ» закричалъ,
А безрукій два яичка укралъ.

73

Всѣ лучиночки прижгла,
Огарочки припалила,
Сама спать легла.
Ой, спать-почивать,
На тесовую корвать.
На што мягко слать,
Когда не съ кѣмъ спать,
На што хорошо ходить,
Когда некого любить,
На што было умываться,
Когда не съ кѣмъ цѣловаться.

74

(Какъ) во нонѣшней ночи
Разгулялись богачи,

Стали вино пить,
Стали попивать.
Напоили Гришку макомъ, и проч.

Далѣе идетъ наборъ словъ, столь обыкновенный въ фабричной поэзіи, и порою совершенно безъ всякаго смысла.

Прибаутки или пригудки именныя.

Была дочь Аннушка, хвалила ее мать да бабушка.

*

Поди, утица, домой,
Поди, сѣрая, домой,
Въ тебе семеро дѣтей,
Восьмой селезень,
Девятая утка,
Десятая Анютка.

—

Антоша — два гроша,
Шейкя копейкя,
Алтынъ голова,
По три (двѣ) денежки нога.

—

Васька-Васёнокъ,
Свиной поросенокъ,
Съ горки катился,
Чѣмъ-то подавился,
Чѣмъ-то напился.

—

Иванъ, болванъ,
Кочерыжку ковалъ,
Да не выковалъ,

На базаръ выносилъ,
По три денюжки просилъ,
Да не выпросилъ.

*

Иванъ, болванъ, молоко болталъ, да не выболталъ.

*

Иванъ, боловáлъ (болованъ?), укралъ топоришка, на базаръ выносилъ, по три денежки просилъ, да не выпросилъ.

*

Ходилъ Ивашка Точкóвъ по дорогѣ. Нашелъ Ивашка Точковъ кусочекъ желѣзца. Пошелъ Ивашка Точковъ у кýзню. «Кузнецъ, кузнецъ! Скуй минѣ топорикъ, ни малъ-ни великъ, семипудовикъ». Пошелъ Ивашка Точковъ у лѣсъ, сталъ рубить игрушу, а самъ черезъ пень да въ лужу. Никто его не навѣститъ. Навѣстили комарь да муха, да старая старуха. Муха пищитъ: «тутъ хранить» (хоронить), комарь визжитъ! «подъ небеса тащить». Муха говоритъ: «тамъ не по насъ: церква съ пироговъ сдѣлана, калачемъ замкнута, (тамъ) стоитъ попъ, овсяный снопъ».

*

Тили-тили-тилишóкъ — Иванушка женишокъ, тили-тили-тѣсто — Марьюшка невѣста.

*

Я, Ивашка корóстовскій,
Зипунишка коротенькій:
Онъ туда-судà повéрнется,
Зипунишка развéрнется.

—

Катя, Катя-Катерина, восемь кошекъ котенúла, кота выкинула.

*

Катя, Катя-Катерина, семь кошекъ котенила, восьмого неживого, девятаго — пухлятаго, десятаго — проклятаго.

*

Катя, Катя-Катерина,
Нарисована картина,
Катя голову чесала,
Офицера дожидала.
Офицерикъ молодой,
Проводи меня домой:
Мой домъ на горѣ,
Два окошка на дворѣ.

*

Ой, Катя-Катерина,
Вечоръ баню истопила,
Утромъ парилася,
Съ полку вдарилася,
Подъ полко́мъ долго лежала,
Все Ванюшку дожидала.
Ужъ, ты, Ва́нюшка, Иванъ,
Что-жъ ты долго не бывалъ?
— «Я въ порутчика дневалъ,
У солдата ночевалъ.
Солдатъ добрый человѣкъ,
Солдатъ правдою живетъ.
Онъ своей женѣ гулять
Не заказываетъ:
«Ты гуляй-ка, жена,
Всеё ночь одна».

—

Мишка-Мишо́къ объѣлся кишокъ, сталъ .... не могъ утерпѣть.

*

Напроти Миши-Язопа жила бабушка разёпа: она ни мала, ни велика — съ Могилевцева быка[1].

—

Петровъ (въ году) какъ дровъ (плашекъ), а Ивановъ какъ болвановъ (полѣньевъ).

—

Ѣла баба рѣдьку, выростила Ѳедьку, Ѳедька воняетъ, курей загоняетъ, куры кокочутъ, Ѳедьку волочутъ.

*

Ѳедя съѣлъ медвѣдя, хотѣлъ волка, да гузка тонка, хотѣлъ быка, да гузка съ лыко.

IV

1

Сонъ Богородицы.

Свѣтъ-сонъ Баһародицы Сынъ явился.
Свѣтъ Марія-Дѣва Присвитая Баһародица.
Свечиру у раю мала я спала.
Кабы я сибѣ Чаду спарадила,
Кабы пиленами спиленила,
Шелковымъ поисамъ савивала,
Залатою ризою сакрывала.
На Сіянскай һарѣ была, на вяртепя,
На святой была рякѣ на Ердани,
Вырастала тамъ дрѣва кинпарисава.

---

[1] Могилевцевы — мѣстные богатые коммерсанты.

На томъ свитомъ древѣ
Привачудьминнай Крестъ-Сынъ евился.
Рячёть самъ Һасподь Исусъ Христосъ:
Ни рячи-жъ Ты, Мать, сна никóму,
Я етатъ сонъ, Матирь, самъ знаю,
Ва истиннамъ Һради рассуждаю,
Што быть на крястѣ распятымъ,
Быть акрававленымъ,
Тростію па Һлавѣ забіенымъ,
Златъ вянецъ на Һлаву̑ злажи́лъ яси̑.
Расплачитца Матирь Божія Марéя,
Вазридаить Дѣва Присвитая:
— На каҺо Ты мине спакидаишъ,
Каму надазóръ свой аставляишъ?
— На святоҺа Іяна БоҺуслова,
На друҺа на Христова:
Нарикай, Мать, Іяна у̑тары́мъ сы́намъ,
Мѣ́ста 'Су̑са Христа Сына Божьива,
Пакéль самъ атъ муки атмучу̑ся,
Притярплю я за міръ муки-страсти,
За святую вѣру христіянскаю,
За свай законы христіянскіи.
На Свѣтлая Христóва Васкрисéнія
Самъ атъ Һроба Я васкресну,
Самъ Я на нябéса вазнесусь,
Са Һрознами съ херуливами.
Къ Тибѣ, Мать, Я сóйду,
Привпакою Тваю ду̑шу
У царства нибесная, у сабóря,
Привпакоимши душу — прилажу̑ся
Ка святому ли́ку приклaнюся,
Съ Матушкаю прастюся.
Напишу Твой ликъ на икóня,
Паставлю Твой вóбразъ на пристóля

Ва святэй божьей церкви, у сабо́ря:
Какъ міръ-христіяня будуть прихажда́ть,
Свѣчи-кануны паставлять,
Зимляные паклоны васкланять,
Тибе, Мать Причистая, виличать.

—

Хто бо етатъ стихъ закупа́итъ —
Въ таво̀ у доми Самъ 'Сусъ Христосъ пачива́итъ,
Мать Присвитая Баһародица.
Хто бо етатъ стихъ пиряпо́мнитъ —
Тотъ дастоинъ ка царству ка нибеснаму,
Ка прикраснаму раю ка свѣтламу.

—

Мы запіёмъ стихъ:
Аллилуія,
Мы славимъ Тибе, Христе Боже нашъ.

2

Пьяница.

Была слава Василію,
Атцу нашиму, Кисаренскому чюдатворцу.
И даходить Василій да божіей да святой церкви,
Даходить ёнъ да Матири Присвитой Баһародицы.
И молитца Василій һоспаду Боһу,
Сы теплыми сердица́ми,
Сы һарючими слизами
Малитву тварить,
Иза-усъ выпушшаить
Да Нибеснаһа:
— «Прасти, Мать Присвитая Баһародица,
И памилуй,

Е́сли не про́стишъ,
Ни памилуишъ?»
Былъ яму ѣласъ атъ святэй атъ ико́ня,
Атъ Матери Присвитой Баѣародицы:
«Пакинь, Василій, хмѣльная питьтё успива́ть,
Станить тибе кажнай часъ сахранять
И памилавать:
Дватцать пять лѣтъ хмѣльнава пи́тиньня ни успивать.
Падабаить папа́мъ-свишшельникамъ
И архиреямъ
Хмѣльнава питьтя̀ ня пить,
А падабаить папа́мъ-свишшельникамъ
И архиреямъ
Литурѣію божію у церкви савиршать,
Падмарю̀ на присто́ля съ же́зламъ стаять,
Пьяницъ ва божъю ва церкву ни пушшать.
Пьяница иде́ть,
Абыхо́дамъ ня 'бы́хо́дить,
Пьяница малитву сибѣ ни сатвари́ть.
Пьяница су́ду стаить —
Страху божьива̄ ни баитца.
Пьяница видить волны марскія,
И въ су́дна садитца,
Самъ сибѣ скораю смерть получаить,
Ѣрѣхъ сибѣ на̀ душу принимаить.
Пьяница заўтриннива сна прасыпаить,
Пьяница абѣдню у бясѣдя прабясѣдаваить,
Пьяница нявмытами руками хлѣбъ пажираить.
Пьяница кравапивецъ,
Пьяница злой убивецъ,
Пьяница сердитца — убьеть
Али ножомъ зарѣжить.
Пьяница матернымъ сло́вамъ дирзанётъ —
Мать-сыра земля патрясётца,

За пристоламъ Присвитая Баһародица патранётца,
У женьшины уста кровъю запякутца».

—

Даходить Василій да божіей святой церкви
И да Матери Присвитой Баһародицы:
— «Прасти мине, Мать Присвитая Баһародица,
И памилуй.
Е́сли ни памилуишъ —
Самъ живой съ попе́реду не сайду̀,
Руки я ноһи абъ каме́ньня пазбиваю,
Буйнаю һолову да мозһà праламаю».

—

И у һоспода Боһа,
У Давыдавамъ у доми,
Сатварёна три упакоя:
Первай упакой —
И то сушшыи черви-людаѣды.
Ради каһо?
— Ради хмѣльнава чилавѣка.
Утаро́й упакой — сонца на за́пади,
Тичёть рикà ваһнина́я.
Ради каһо?
— Ради душъ мнаһаһрѣшныхъ,
Ради хмѣльнава чилавѣка.
Третьтій упакой, царства жѣ нибесная,
Растварёнъ стаить:
Каторая душа уһатови́лась —
Сама да һоспода Боһа даступила,
Да Матери Присвитой Баһародицы:
Тэй души̇ царства нибесная,
Царствава́ть будить,
Сы аньһилами ликавать будить.
Аминъ.

3

Стихъ Петра-Павлу.

Пра́видная со́нца у раю̀ прасвита́ла.
Рячёть 'Сусъ Христосъ святому Петра-Па́влу:
Церьковнай апосталъ, бярѝ зла́ты клю́чи,
Атамкай у рай варо́ты,
Пушшай душъ бязһрѣшныхъ.
Мы славимъ Тибе, Христе Боже нашъ.

4

Книга голубиная.

Што за причу́да причу́дная,
Што за прая́ва праявилася,
Серёдъ свѣту, серёдъ бѣлаһа,
Усхадила туча һримучія,
Изъ-падъ тэй тучи, изъ-падъ һримучей,
Выпадала книһа һалубиная,
Ни малая, ни вяликая,
Двадцать аршинъ паперѐчины,
Со́ракъ аршинъ ширачинъ̀ . . .

(Больше не знаетъ. — Всѣ четыре стиха записаны въ февралѣ 1897 года, со словъ слѣпого нищаго, крестьянина Дмитровскаго уѣзда, села Упоро́я (по мѣстному произношенію Паро́й), Козьмы Тимоѳеева Черевко́ва, которому тогда было 19 лѣтъ, лишился же онъ зрѣнія на четвертомъ году возраста).

V

Прошеніе злынской мѣщанки Д. Артемьевой.

Черниговъскои губерьніи
въ вошпитальный пріютъ
Господинамъ достоинымъ лицамъ команъдующимъ доктарьскую позицею и завѣдающимъ главъно въ разъсмотреніи слабаго здаровья и всякаго слабѣишаго замечанія въ народѣ.
Господа собрания почетная коммисия благородныхъ врачевъ
Я ниже
подъписавъшійся черниговъскои губерни новозыбъковъского уезда посада злынъки мещанъка дарья данильивна артемъива предостовляю вамъ свою убедительнеішую прозьбу о сынѣ моемъ родномъ новобранъцѣ демъяне самоиловѣ роговымъ каторои доставленъ съ новозыбъковъского воинъскаго присудствия въ вашу вашпитальную камеру на пересмотръ по слабымъ его здаровью при ономъ же дорогия и достоиныя чести ваши высокоблаго(ро)дия главъныя командеры и генеральныя лицы врачевъ. прошу я васъ слезъно и убидительно Христа ради разъсмотрите правильно моего сына здаровья и пожалеити Бога ради насъ бедныхъ възъгляньте на Божію милость и подумаите сами какъ ему служить государьственную службу такому щедушному и форому когда онъ ни здалеить па ковъняти хадить онъ увесь боленъ голова у нево поразбита с малова возраста былъ во услуженіи въ чюжихъ людеи странъствовалъ по чюжои старане такъ у нево и здаровья потеряно настоящие время онъ весьма щедушенъ и маломочьнои у нево пачьти каждои день кровъ изъ носа прахадила какои онъ можетъ быть служащіи когда ево образъ и подобия показоваить согласно мертвымъ человѣкомъ въ нево въну трѣ пету живительнова ничево словомъ сказать бальнова приняли въ государьственную службу я же мать его радная сама чиризъ его безъвременную могу смерть получить с великои дасады по сыну моемъ.

Прошу я васъ господа высокоблагородныя генеральная комисия заставъте мине за васъ вечьна Богу молица разъсмотрите моего сына что есть точьна онъ боленъ и пожилеите насколько возъможно ни дапустите его страдать по белому свету нильзяли возъвратить его пазадъ на свою родину пусъ бы онъ помиръ у своемъ углѣ чтобы ни тиранился по местныхъ больницахъ подумаите господа высокоблагороднiйшия какъ низдаровому на свети жить тяжъко на воли бывъшему а на служъбѣ быть нада стоющему и здаровому человѣку во въсемъ крепъкому господину помилуите господа въвоидите въ положения высокоблагороднiйшия лицы и посмотрите на етаго новобрапца онъ же житель тимошкинова пиривоза новозыбъковъскаго уезда демъянъ самоиловъ роговъ какои онъ можитъ быть воякa и служивецъ когда ему па ковънати праитить трудна принять онъ въ государьственную военную службу какъ будъто въ ошибъкѣ какъ такихъ принимать немочьныхъ никакои пользы ни можитъ быть.

Господа ради пожилеите насъ бедныхъ возвратите назадъ домои сына моево форова будемъ просить Господа Бога чтобы онъ васъ пощадилъ на судѣ будущего века и продъли вамъ Господи многия леты въ жизни вашеи и здравия вамъ Господи подаи и всякое благополучия и душевъпое спасения заставъте вечьно Богу молица за васъ въ томъ и подъписуюсь злынъская мещанъка жительство имеющия въ скитъкѣ каменъки дарья данильивна артемъива а за нея неграмотнаю по ея личьной прозьбѣ росписалась василиса холъшевъникова 1898 года ноября 13-го дня.

(Черниговскія Губ. Вѣдомости: 1898. Часть Неоффиц. 1663.— Прошеніе, какъ видимъ, писано не самою Артемьевою, но внѣ всякаго сомнѣнія, довѣренное лицо ея, Василиса Холшевникова—уроженка какой-либо мѣстности въ Новозыбковскомъ уѣздѣ, если не прямо злынская же мѣщанка).

VI

Прошеніе рядового солдата В. Цыпы.

По выходѣ Моему Съ Военной Службѣ На мѣсто Жительство На родину И занялся я Хозяйствамъ, Имѣлъ Я Себѣ Изъ своимъ семействомъ пропитаніе. Но В настоящіе Время Как Чувствую себя слабое Здоровье Пропитать Себя и Семеиство не В силахъ.

О прохожденіи моему въ военной Службы Имѣю Честь объяснить при Служеніи Моему во время войны Съ Турками я былъ въ Городѣ Гартагани двое сутокъ и Отобрано отъ Непріятеля Четыре Осадныхъ орудій. Отъ туда отправлены Мы были подъ Городъ Карстъ гдѣ тоже перестрѣлки были цѣлую Недѣлю, не успѣли Мы Ничего отобрать Отъ Врага а Послѣ насъ отправили подъ Зевынъ и Тамъ была перестрѣлка только одны Сутки и отъ Туда отправили Опять подъ Карстъ и тамъ пробыли долгое Время и было Много перестрѣлокъ и наконецъ того забрато тамъ 44 тысячи Турецкаго Войска Живыми 44 орудеи; а потомъ отправили насъ подъ городъ Узрюмъ. Тамъ находились цѣлую Зыму и возвратились отъ Туда на родину.

При семъ прилагаю на разсмотреніе приговоръ Опчества о моихъ достаткахъ и прошу мнѣ назначить на пропитаніе отъ Казны трехъ рублеваго въ мѣсяцъ пособыя по мою смерть.

Ридавой солдатъ Василій Цыпа.

(Заимствовано изъ тѣхъ же Черниговскихъ Губ. Вѣдомостей: 1900. Часть Неоффиц. 2115.—Просьба эта напечатана подъ заглавіемъ: «Образецъ прошенія стараго солдата». Изъ прошенія между прочимъ видно, что Цыпа возвратился «на родину», нельзя сомнѣваться посему, что онъ черниговецъ, причемъ все равно, уроженецъ какого бы уѣзда онъ ни былъ.

Оба прошенія воспроизведены здѣсь безъ отступленія противъ напечатанія ихъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ. Отдѣлены лишь предлоги и союзы. Черниговскія бумаги эти интересны, разумѣется, не своею ороографіей, а звуковою передачею мѣстнаго говора).

Въ числѣ примѣровъ на краткое *ў* (стр. 17), помѣщена чеканная лѣтопись съ оклада иконы, гдѣ одно выраженіе передано: «. . .въ вострогѣ». Такое написаніе ошибочно, въ сущности оно должно стоять слитно, ибо въ данномъ случаѣ предлогъ *във*=*вв* или простонародному *ўв*(*з*), отдѣльно же слóва «вострогъ» намъ никогда не доводилось слышать, хотя говорятъ: вóстрый, вóпухъ, и проч. Это замѣчаніе относится и къ другому подобному чтенію (стр. 26. G. a): «въ вуѣздѣ», «въ вуѣздъ», что также слѣдовало передать слитно: въвуѣздѣ, въвуѣздъ, какъ говоръ мѣщанскій, въ которомъ иногда слышится даже: во въѣздѣ, во въѣздъ. Примѣры эти, по предлагаемой схемѣ замѣны *във*=*ўв*, дали бы: ўв(ъ) уѣздя, ўв(ъ) уѣздъ. На той же страницѣ, далѣе: «вворелъ» было бы ўв(ъ) орелъ, «ввапрѣлѣ» — ўв(ъ) апрѣля, «ввызбу» — ўв(ъ) избу.

Глаголъ «подпластить» (стр. 69) долженъ быть съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ.

Сопоставляя выраженія: «домохозяины» (стр. 4) и «господины» (259. V), надо признать, что въ первомъ случаѣ это не корректурная оплошность, какъ сначала предполагали, а дѣйствительно говоръ, что такъ иногда выражается русскій человѣкъ.

Наши записи въ третьемъ отдѣлѣ приложеній, въ особенности гаданья, значительно дополнила Е. А. Захарова, она же сообщила и всѣ пѣсни, за что приносимъ ей глубокую благодарность. Изъ доставленнаго не все, однако, вошло сюда, кое-чѣмъ надо было поступиться, тѣмъ не менѣе содержаніе и того немногаго, что помѣщено — даетъ понятіе, въ какую сторону повернулъ теперешній брянецъ. Старое, «добрая старина» переплетается у него съ чѣмъ-то новымъ, и, къ прискорбію, побѣда остается за этимъ нежелательнымъ моднымъ вѣяніемъ. Нынѣшняя пѣсня далеко не та, что какихъ-нибудь сорокъ-пятьдесятъ лѣтъ назадъ,

совершилось же это отъ притока въ нее элементовъ фабричной и писарской музы. Появилась рубленая проза, нѣчто невѣроятное, трактуемое тоже какъ стихи. Подъ вліяніемъ всевозможныхъ сценическихъ представленій бродячихъ труппъ, включительно до балаганныхъ раскащиковъ, гдѣ на первомъ планѣ почти всегда изображается чувственность, а иногда прямо выставляется развратъ или плохо прикрашенные цинизмъ и грязь жизни — появилось нѣчто вродѣ самодѣльныхъ мѣстныхъ куплетовъ, между тѣмъ самыя простыя обыденныя выраженія становятся теперь уже непонятны и въ устахъ народа превращаются въ реченія, нерѣдко лишенныя смысла.

Справедливо мнѣніе покойнаго К. С. Аксакова, что простой народъ нашъ по языку и быту своему также важенъ для насъ, какъ лѣтописи и грамоты: именно съ этой точки зрѣнія надо разсматривать здѣсь всѣ отдѣлы, каково бы ни было ихъ содержаніе.

Что до всего очерка Брянскаго говора, то, готовясь для одного провинціальнаго еженедѣльника, теперь прекратившаго уже существованіе, набросокъ этотъ врядъ-ли бы когда увидалъ свѣтъ, еслибы не участіе А. А. Шахматова къ автору, и послѣдній долгомъ своимъ поставляетъ свидѣтельствовать почтенному академику свою искреннюю и живѣйшую признательность за возможность опубликованія настоящихъ замѣтокъ.